Aus der
Büchersammlung des Capitäns
Th. Dempster Gordon.
Geschenk des k. Forstrathes G. Dürig
an die k. Bibliothek.

L.g.
a.
87 as

БРОДЯЩІЯ СИЛЫ.

ДВѢ ПОВѢСТИ

В. П. АВЕНАРІУСА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ.

BERLIN.
B. BEHR's BUCHHANDLUNG. (E. BOCK.)
27. UNTER DEN LINDEN.
1874.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ.

ПОВѢСТЬ

В. П. АВЕНАРІУСА.

BERLIN.
B. BEHR's BUCHHANDLUNG. (E. BOCK.)
27. UNTER DEN LINDEN.
1874.

KÖNIGL. BAYER. BIBLIOTHEK BAMBERG

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ.

		Стран.
I.	За рулеткой	1
II.	Аркадскій уголокъ. Двѣ жажды: любви и воды	11
III.	Ультрапрогресистъ	27
IV.	Какъ заключаются ныньче знакомства	35
V.	Гисбахъ освѣщается. Взаимный дѣлежъ	51
VI.	О комарахъ и сновидѣніяхъ	64
VII.	Двѣ кокетливыя альпійскія дѣвы	75
VIII.	Корпорентъ, янки и эмансипированная	92
IX.	Ржаной хлѣбъ и безé	105
X.	Синій чулокъ	114
XI.	Гроза. О французскихъ романахъ и патріотизмѣ. Schloss Unspunnen	127
XII.	Какое назначеніе женщины?	142
XIII.	Гдѣ искать поэзіи въ природѣ?	152
XIV.	Прекраснѣйшія произведенія природы	160
XV.	Естественно-историческія наблюденія надъ улиткой и неожиданный исходъ ихъ	172
XVI.	Перчатка брошена	185
XVII.	И грянулъ бой!	201
XVIII.	Судьба улыбается Моничкѣ	215
XIX.	Три примиренія	227
XX.	Гриндельвальдскій глетчеръ	240
XXI.	Какъ сватаются ныньче	260
XXII.	Откровенія и разладъ	268
XXIII.	Какъ прощались сестры Липецкія	276
XXIV.	Какъ прощалась Мари	285
XXV.	Заключеніе	297

СОВРЕМЕННАЯ ИНДИЛІЯ.

I.

За рулеткой.

Оркестръ военной музыки на балконѣ висбаденскаго курзала недавно умолкъ. Толпа гуляющихъ стала разбредаться. Смеркалось. Въ занавѣшенныхъ окнахъ игорнаго дома засвѣтились огни. Надъ прудомъ, сливавшимся въ отдаленіи съ неопредѣленной, мглистой чащей парка, лѣниво вползали ночные пары. Померанцовыя деревья по берегу пруда разсыпали обильнѣе свои чистыя благоуханія. Вотъ вспыхнули одинъ за другимъ и фонари передъ курзаломъ и облили своимъ бѣлымъ газовымъ свѣтомъ нѣсколько пестрыхъ группъ, наслаждавшихся, за небольшими, симетрично разставленными столиками, прелестью лѣтняго вечера и произведеніями курзальской кухни, которыми расторопные кельнеры, шмыгавшіе отъ одного стола къ другому, старались наперерывъ удовлетворять желающихъ.

— Мамаша - голубушка, пустите! раздался за однимъ изъ столовъ свѣжій, звонкій голосъ.

Вкругъ этого стола сидѣли четыре особы женскаго пола: одна пожилая, три молодыя. Дѣвушкѣ, произнесшей приведенныя слова, было лѣтъ не болѣе 15-ти; черты ея, еще неопредѣлившіяся, но необыкновенно миловидныя, дышали дѣтскою довѣрчивостью. Темно-каштановые волосы ея были выстрижены въ кружокъ, какъ у мальчика, вѣроятно въ подражаніе старшей сестрицѣ, еще короче остриженной; что онѣ были сестры — говорило ихъ близкое семейное сходство. Но если младшая походила на мальчика, то старшая, съ ея блѣднымъ лицемъ, выразительными, серьезными глазами, сильно смахивала на молодого студента, только-что сдавшаго свой пріемный экзаменъ и считающаго себя потому нѣсколькими головами выше „непосвященной черни". Одѣты онѣ были обѣ просто, въ платья темныхъ цвѣтовъ. Тѣмъ рѣзче отличалась отъ нихъ изысканностью и пестротою наряда третья дѣвица, весьма недурная, маленькая, подвижная, 16-тилѣтняя брюнетка. Густые, смоляные кудри ея, бойко зачесанные на одинъ бокъ, сплетались на затылкѣ, какъ-бы нехотя, подъ сѣтку и выползали оттуда тамъ и сямъ рѣзвыми змѣйками. Пожилая дама, наконецъ, мать двухъ сестеръ, глядѣла кровной аристократкой.

— Нельзя, Наденька, отвѣчала послѣдняя рѣшительно на просьбу младшей дочери: — неприлично.

Старшая дочь усмѣхнулась.

— Неприлично? Если вы, маменька, боитесь, что кто увидитъ, такъ вѣдь завтра же насъ уже не будетъ здѣсь. Отчего не доставить удовольствія дѣтямъ?

— Mais elles joueront...

— Oh, non, ma tante, вмѣшалась живая брюнетка; — nous observons seulement, nous ne jouerons pas.

— Vraiment? Eh bien, allez.

Отроковицы весело вскочили со своихъ стульевъ.

— Ты, Лиза, не пойдешь съ нами? отнеслась къ сестрѣ Наденька.

— Нѣтъ. Но, Моничка, ты старше ея, пожалуйста слѣди за ней, чтобъ она не играла.

— Будь покойна! засмѣялась въ отвѣтъ брюнетка, увлекая подругу къ центральнымъ дверямъ игорнаго дома.

Миновавъ огромную залу съ колоннами, въ которой по временамъ даются общественные балы, и поворотивъ налѣво, дѣвушки проникли въ самый храмъ зарта. Благоговѣніе внушающею торжественностью повѣяло на нихъ оттуда. Стѣны, обитыя краснымъ сукномъ, увѣшанныя роскошными зеркалами, раздвинулись, казалось, въ стороны, чтобъ дать мѣсто длин-

ному, зеленому столу, усыпанному металлическими деньгами и окруженному густою толпою играющихъ. Лица, одни огненно-красныя, другія смертельно-блѣдныя, дышали отталкивающею алчностью. Черты спокойныя, съ обыкновеннымъ выраженіемъ, составляли исключеніе. Среди сдержаннаго шёпота (громко въ игорныхъ залахъ говорить воспрещено) раздавалось бряцаніе монетъ, круженіе рулетки, занимающей средину стола, скаканіе шарика и безстрастный голосъ главнаго крупье:

— Faites votre jeu, messieurs! Le jeu est fait, rien ne va plus!

Шарикъ успокоивался въ одной изъ клѣтокъ рулетки.

— Dix-sept, noir, impair et manque!

Цвѣта лицъ измѣнялись, бормотались проклятія, слышались сдержанные возгласы дикой радости. Крупье своими деревянными грабельками сгребали съ неимовѣрнымъ проворствомъ со всего стола большую часть денегъ; къ немногимъ выигравшимъ ставкамъ они бросали съ тою же ловкостью соотвѣтственныя суммы. Опять раздавался безстрастный голосъ: — Faites votre jeu, messieurs, опять звякали деньги и прыгалъ шарикъ. Подобные же звуки доносились изъ смежныхъ залъ.

Пугливо подошли наши дѣвушки къ столу и съ

видимымъ интересомъ стали наблюдать за игрой; глазки у нихъ разгорѣлись.

— Развѣ рискнуть? спросила шёпотомъ Моничка.

— Мы обѣщались не играть.

— Мало ли что! То насъ вѣдь не пустили бы.

— Но, кажется, меньше гульдена нельзя ставить?

— Такъ неужели у меня нѣтъ гульдена? Я поставлю.

Она торопливо достала маленькое портмонэ, оглянулась по сторонамъ: кажется, никто не видитъ — и швырнула на столъ новенькій, блестящій гульденъ. Монета покатилась и остановилась на краю стола. Ближній крупье поднялъ ее и осмотрѣлся на окружающихъ.

— Куда же его поставить?

Барышни переглянулись и, застыдившись, спрятались за сосѣдей. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, сутуловатый, мрачный нѣмецъ, выручилъ ихъ изъ бѣды:

— Поставьте на rouge, сказалъ онъ крупье.

Рулетка завертѣлась — вышло rouge. Кушъ Монички удвоился. Рдѣя отъ удовольствія, потянулась она за нимъ. Но въ то же время протянулась за выигрышемъ и чужая рука — рука услужливаго сосѣда.

— Да гульденъ былъ мой . . . осмѣлилась запротестовать дѣвушка.

— Нѣтъ, мой! отвѣчалъ тотъ рѣшительно и завладѣлъ спорной ставкой.

Бѣдная ограбленная смутилась и ретировалась къ подругѣ.

— Да вѣдь онъ былъ же твой? замѣтила та съ изумленіемъ и негодованіемъ.

— Мой, разумѣется!

— Какъ же онъ, противный, смѣлъ взять?

Онѣ не подозрѣвали, что сосѣдъ ихъ долженъ былъ взять, что то была его професія: онъ принадлежалъ къ извѣстной категоріи туземныхъ пролетаріевъ, существующихъ исключительно на счетъ банка и играющихъ: никогда ничего не ставя, они стараются улучить минуту, чтобъ воспользоваться чужимъ выигрышемъ. Во избѣжаніе ссоры, имъ обыкновенно его и уступаютъ; если же нѣтъ, то крупье, чтобъ не замедлять игры, выплачиваетъ кушъ обоимъ, приглашая затѣмъ и того, и другого оставить комнату.

Настоящая воровская попытка, однако, не удалась. Тутъ же, за столомъ, сидѣлъ молодой человѣкъ, нѣсколько худощавый, блѣдный, но собой благообразный, съ небольшими усиками. Склонившись головою на лѣвую руку и запустивъ пальцы глубоко въ свои густые, бѣлокурые волосы, онъ правою рукою, посредствомъ грабельки, передвигалъ небольшія кучки денегъ съ одного поля на другое. Счастіе ему за-

мѣтно неблагопріятствовало: порядочная горка гульденовъ, еще недавно красовавшихся передъ нимъ, исчезала съ чародѣйной быстротою. Лице играющаго разгорѣлось, рука затрепетала: имъ овладѣла игорная лихорадка. Тутъ заговорили за нимъ по русски; онъ, видно, понималъ этотъ языкъ, потому что оглянулся — за нимъ стояли наши двѣ подруги. Занятый игрой, онъ уже не пропускалъ ни одного слова ихъ, и когда вороватый нѣмецъ завладѣлъ спорнымъ гульденомъ, то молодой человѣкъ остановилъ его за руку:

— Не трогать! Гульденъ принадлежитъ этой дѣвицѣ; я свидѣтель.

Хищникъ вздумалъ оправдываться; но тутъ нашлись и другія лица, видѣвшія, что онъ ничего не ставилъ. Деньги были возвращены по принадлежности — Моничкѣ. Изобличеннаго мошенника вывели изъ комнаты.

Дѣвушки отошли въ сторону.

— Уйдемъ! заторопила Наденька. — Насъ уже замѣтили.

— Замѣтили — значитъ, дѣла не поправить: можно оставаться.

— Право, ma chère, совѣстно...

— Ничего, послѣдній разикъ...

Она повлекла Наденьку къ противоположному концу стола и, смѣлѣе прежняго, собственноручно

положила гульденъ на красное поле. Увы! фортуна уже измѣнила — вышло noir. Новыя совѣщанія, и новый проигранный гульденъ — уже кровный.

— Надо воротить его . . .

Опять noir и — опять! Въ портмонэ не оказалось уже цѣлаго гульдена. Само-собою раскрылось другое, такое же маленькое портмонэ, черезъ зеленое сукно прогулялось еще нѣсколько гульденовъ — пока не изсякъ и этотъ источникъ. Тогда бѣдныя жертвы, безмолвныя, смущенныя, исчезли незамѣтно изъ обители коварныхъ демоновъ азарта.

Мы сказали — незамѣтно; но не совсѣмъ: молодой русскій, уличившій грабителя, вскочилъ со стула, сгребъ въ карманъ остатокъ своихъ денегъ и поспѣшилъ за барышнями. Въ саду онѣ подошли къ двумъ старшимъ дамамъ; послѣ короткаго разговора, всѣ четыре направились къ выходу. Молодой человѣкъ слѣдовалъ въ приличномъ отдаленіи. Миновавъ гостиный дворъ, онѣ взяли налѣво, по главной улицѣ, и тутъ поднялись на крыльце высокаго дома. Молодой человѣкъ взглянулъ кверху: между вторымъ и третьимъ этажами красовалась колоссальная вывѣска: *Vier Jahreszeiten.* Обождавъ, пока дамы скрылись за дверьми гостиницы, онъ вошелъ вслѣдъ за ними. Его встрѣтилъ кельнеръ. Молодой человѣкъ опустилъ ему въ руку гульденъ. Кельнеръ почтительно поклонился:

— Чего изволите?

— Кто эти дамы, что̀ вошли сейчасъ передо мною?

-- Какой національности, хотите вы знать?

— Да.

— Онѣ русскія: мать, двѣ дочери. да племянница.

— А фамилія?

— Липецкія.

— Давно онѣ у васъ?

— Съ недѣлю. Одна изъ барышень, что̀ постарше-то, пользовалась здѣсь сѣрною водою. да доктора присовѣтовали ей пить сыворотки, ну, и завтрашняго же дня онѣ собираются въ Швейцарію.

— Въ Швейцарію? Не знаете, куда именно?

— Кажется, въ Интерлакенъ.

— Такъ.

Молодой человѣкъ повернулся на каблукѣ и задумчиво спустился съ лѣстницы. Поворотивъ за уголъ, онъ въ одной изъ смежныхъ улицъ вошелъ въ тѣсную, темную прихожую небольшого одноэтажнаго домика, ощупалъ дверь и постучался.

— Herein! послышался изнутри густой мужской голосъ.

Молодой человѣкъ вошелъ въ комнату, освѣщенную матовою лампой. На кровати, съ книгою въ рукахъ, лежалъ, съ приподнятыми на стѣну, скрещенными ногами, молодой мужчина, съ флегматическимъ,

умнымъ лицемъ; полная русая борода дѣлала его старше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Не повертывая головы, спросилъ онъ вошедшаго:

— Ты, Ластовъ?

— Собственноручно.

— Удалось, наконецъ, продуться?

— Удалось. Послушай, Змѣинъ: вѣдь работы твои въ лабораторіи Фрезеніуса приближаются къ концу?

— Даже кончились ныньче.

— А! Значитъ завтра же можно въ Швейцарію? Змѣинъ съ удивленіемъ обернулся къ пріятелю.

— Самъ же ты просилъ повременить? Или уже не надѣешься взорвать банкъ?

— Не надѣюсь. Madame Schmidt!

Въ сосѣдней комнатѣ задвигали стуломъ, и въ дверяхъ показалось добродушное лице старухи.

— Вы звали меня, lieber Herr?

— Звалъ. Мы улепетываемъ завтра.

— Какъ? уже завтра?

— Увы! Scheiden thut weh! Aber was thun? sprach Zeus. Сдѣлайте-ка разсчетецъ, что̀ мы вамъ задолжали.

II.

Аркадскій уголокъ. Двѣ жажды: любви и воды.

Если нѣкоторыми сентименталистами изъявляется сожалѣніе, что миновалъ золотой вѣкъ молочныхъ и медовыхъ рѣкъ, что нѣтъ уже Аркадіи, то весьма неосновательно: Швейцарія — этотъ обѣтованный край; въ ней не только потребляется непомѣрное количество молока и меду, но и самая природа, дикая и прекрасная, располагаетъ лишь къ аркадскому времяпрепровожденію. Въ наиболѣе романтической мѣстности Швейцаріи — въ Berner Oberland, около уютнаго Интерлакена, сгруппировался цѣлый букетъ аркадскихъ уголковъ, и одинъ изъ благовоннѣйшихъ цвѣтовъ этого букета — Гисбахъ.

Застѣнчиво, какъ красная дѣвица, ненуждающаяся въ похвалахъ молодой красѣ своей, скрывается Гисбахъ отъ нескромныхъ взглядовъ въ своемъ таинственномъ царствѣ, такъ что, подъѣзжая къ нему на пароходѣ по Бріенцскому озеру, вы только угадываете его близость — по глухому клокотанію падающихъ въ озеро водъ. Въ непосредственной близи вы различаете нижнюю часть его — пѣнистую массу, вырывающуюся изъ-подъ вѣковыхъ хвойныхъ деревъ. Взби-

раясь же вверхъ по обрывистому краю водопада, вы внезапно выходите на свѣтъ, въ цвѣтущую горную котловину, въ собственную, сокровенную область Гисбаха и, какъ очарованный, не видите и не слышите въ началѣ ничего, кромѣ самаго водопада. Съ высоты болѣе тысячи футовъ низвергается онъ съ западнаго склона котловины почти стремглавъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ небольшіе уступы скалъ удерживаютъ его буйный порывъ; но, какъ-бы негодуя на такое замедленіе, онъ, съ неистовымъ, глухимъ ревомъ, разбрасываетъ по сторонамъ клубы серебристой пыли и, переведя такимъ образомъ дыханіе, бросается еще съ большею энергіей въ слѣдующую пропасть. Сверху до низу одна непрерывная лента бѣлоснѣжной пѣны, окаймляется онъ темно-зеленою стѣною лѣсныхъ гигантовъ. Тамъ и сямъ легкіе деревянные мостики, какъ шаловливыя дѣти, осмѣлились перескочить бурный потокъ, но, оглушенные окружающимъ грохотомъ, такъ и замерли въ воздухѣ и повисли надъ стремительною бездной.

Укрѣпили вы себѣ музыкою водъ духовныя силы, сдѣлайте нѣсколько шаговъ — и обрѣтете двѣ обители, гдѣ за извѣстное число франковъ можете возстановить и своего физическаго человѣка: въ углу котловины возвышается много-этажная, обширная гостиница *Hôtel Giesbach*, а противъ самаго водопада

нѣсколько меньшее зданіе, прежняя отель Гисбахъ, составляющая нынѣ лишь родъ прибавленія къ главной отели.

Для любителей искуственныхъ развлеченій есть, наконецъ, и театральные эфекты: по вечерамъ весь Гисбахъ освѣщается бенгальскими огнями.

Былъ тихій, солнечный вечеръ, съ недѣлю послѣ описаннаго въ предъидущей главѣ случая. Гисбахъ началъ уже облекаться въ тѣнь; только вершины окружающихъ деревъ и верхній мостикъ нѣжились еще въ золотыхъ лучахъ уходящаго свѣтила. Въ окружающемъ воздухѣ разливалась отрадная, освѣжительная сырость, никогда, даже въ знойный полдень, непокидающая окрестности водопада.

По лѣвому берегу Гисбаха, по крутой, извилистой тропинкѣ, то углублявшейся въ чащу, то выбѣгавшей къ самой водѣ, поднимались два путника — оба въ легкомъ, дорожномъ платьѣ, съ сумочкой черезъ одно плечо, съ сложеннымъ плэдомъ черезъ другое. Одинъ размахивалъ, подъ тактъ распѣваемой имъ пѣсни, тростью, туземное происхожденіе которой изобличалось красиво-изогнутымъ рогомъ серны, служившимъ ей набалдашникомъ. Другой, пыхтя, упирался на коренастый зонтикъ, какой совѣтуетъ путешественникамъ имѣть при себѣ красный Бедекеръ. То были наши два пріятеля: Ластовъ и Змѣинъ.

Они остановились. Гисбахъ въ этомъ мѣстѣ низвергается съ перевѣсившейся утесистой глыбы, такъ-что между водой и утесомъ образуется небольшой гротъ, огороженный къ водѣ перилами. Осторожно спустились туда молодые люди, поскользаясь на сырыхъ подмосткахъ. Гулъ катившихся черезъ головы ихъ водъ былъ оглушителенъ; казалось, гора дрожала въ своихъ основаніяхъ и каждую минуту грозила обрушиться на смѣльчаковъ.

— Какъ здѣсь хорошо! замѣтилъ Ластовъ, и шумомъ водъ почти заглушало слова его. — Я люблю сильныя ощущенія. Еслибъ не было тутъ перилъ, свидѣтельствующихъ о частомъ посѣщеніи этого мѣста, можно было бы даже струсить.

Змѣинъ не считалъ нужнымъ отвѣчать.

— А видъ-то каковъ? продолжалъ Ластовъ. — Точно сквозь вуаль.

— Вуаль? ну, такъ что-жъ? Вездѣ тебѣ мерещатся принадлежности женскаго туалета. Не знаю, право, съ чего на меня-то нашла эта дурь? Съ какой радости я поднимаюсь на горы?

— Для наслажденія природой.

— Природой? Сказалъ, братъ! Что ты называешь природой? Клочокъ водицы да землицы, который увидишь съ вышины? кринку козьяго молока? Какъ подумаю о немъ, такъ дѣлается ужъ скверно!

Все это есть и въ долинахъ; къ чему же, скажи ты мнѣ, взлѣзать на головоломныя вершины?

— Да хоть затѣмъ наконецъ, чтобы укрѣпиться физически.

— Вотъ это такъ; тебѣ такое укрѣпленіе дѣйствительно необходимо: посмотри, какъ экзамены обработали твою физику: точно заяцъ ободранный, ей-Богу. Ни одна Schwizermad'l не полюбитъ тебя.

— Э, не бойся! засмѣялся Ластовъ: — дѣвушки любятъ исхудалыхъ, блѣдныхъ; говорятъ: интересно. Но вотъ горе: если теперь скала обрушится на насъ, то имъ въ самомъ дѣлѣ не придется полюбить меня.

— За-то оплачутъ. .

— Кто оплачетъ?

— Мало ли кто. Обрушится скала — вода снесетъ тебя внизъ, тамъ найдутъ твой трупъ, по паспорту узнаютъ фамилію и званіе, воздвигнутъ крестъ съ приличною надписью, и сентиментальныя посѣтительницы Гисбаха будутъ проливать горькія (respective соленыя) слезы надъ прахомъ бѣднаго, влюбчиваго поэта, съ которымъ погибла вѣрная надежда на жениха.

— Да ты, Змѣинъ, развѣ никогда не думаешь жениться?

— Не знаю; не на комъ! Но тутъ сыро, какъ разъ насморкъ схватишь. Выйдемъ.

— Выйдемъ.

Пріятели поднялись изъ подводнаго грота на правый берегъ водопада, и тутъ, по взаимному соглашенію, расположились въ травѣ, подложивъ себѣ подъ головы плэды. Змѣинъ закурилъ съ видимымъ удовольствіемъ сигару и забавлялся пусканіемъ дымныхъ кружковъ. Ластовъ уставился задумчиво въ клокотавшій подъ ногамя ихъ каскадъ.

— Ты, Змѣинъ, проговорилъ онъ послѣ небольшого молчанія, — отзываешься всегда съ такимъ презрѣніемъ о женщинахъ; неужели ты никогда не любилъ?

— Не влюблялся, хочешь ты сказать?

— Ну да.

— Случилось какъ-то разъ, надо сознаться, но давно, когда былъ еще гимназистомъ 3-го класса. Я читалъ въ то время много романовъ, такъ подъ вліяніемъ ихъ представилъ себѣ, что обожаю одну дѣвушку, которая, сказать мимоходомъ, была ровно пятью годами старше меня.

— И ты думаешь, что никогда болѣе не влюбишься? Недостойно разумнаго человѣка, а?

— Пожалуй, что и такъ.

— Ну, а я неразуменъ; стоитъ мнѣ только очутиться въ обществѣ хорошенькой, умной дѣвушки — и я уже какъ самъ не свой:

И какъ-то весело,
И хочется плакать,
И такъ на шею бы
Къ ней я кинулся

— Да какая-жъ это любовь? Это просто въ тебѣ кровь разыгрывается, какъ во всякомъ молодомъ животномъ. Къ тому же теперь „Весна — весна, пора любви", какъ сказалъ одинъ изъ вашей братіи поэтовъ.

— Нѣтъ, Змѣинъ, ты не понимаешь меня. Животная природа моя не играетъ тутъ ни малѣйшей роли; въ присутствіи молоденькой дѣвушки мои помыслы чисты, какъ... какъ вотъ эта вода, этотъ ландшафтъ передъ нами. Я любуюсь только ея наивностью и застѣнчивостью, ея миловидностью и свѣжестью, но такъ же спокойно, какъ какою-нибудь прекрасной статуей.

— И животная природа твоя ни гугу? молчитъ?

— Гробовымъ молчаніемъ.

— Ну, ужъ не повѣрю. Взгляни-ка на меня: вѣдь я недуренъ, а?

— Такъ себѣ. Тебя особенно краситъ борода твоя.

— И вѣдь неглупъ?

— Нѣтъ, нельзя сказать.

— Достойный, кажись, предметъ для любви? Что-жъ ты, съ которымъ я такъ друженъ, который

слѣдовательно знаетъ, что и характеръ мой не изъ самыхъ-то скверныхъ, не влюбишься въ меня?

— Что за дичь!

— Дичь твоего же сочиненія. Ты отвѣть мнѣ на вопросъ: почему бы тебѣ не влюбиться въ меня?

— Разумѣется, потому-что ты мужчина.

— А! такъ предметъ твоей любви долженъ быть непремѣнно женщина, хотя бы она и не была такъ хороша, такъ умна, какъ я, напримѣръ. Стало быть, ты влюбляешься въ женщину только потому, что сознаешь, что она существо діаметрально тебѣ противоположное, что ты положительный полюсъ, она — отрицательный, а разные полюсы, извѣстное дѣло, стремятся соединиться, дополнить другъ друга. Это стремленіе совершенно безотчетно, какъ всякая животная потребность, какъ голодъ и жажда.

Ластовъ тихо засмѣялся.

— Что ты смѣешься? развѣ неправда?

— Ты и не подозрѣваешь, душа моя, что попалъ сюда, въ Швейцарію, вслѣдствіе той же любовной жажды, что притянулъ тебя сюда отрицательный полюсъ.

— Какъ такъ? Магнитныя свойства мои въ настоящее время, какъ въ кускѣ желѣза, безразличны.

— Но ты забываешь, что отъ прикосновенія магнита и въ желѣзѣ возбуждается магнитизмъ; въ настоящемъ случаѣ этимъ магнитомъ послужилъ я.

Ластовъ разсказалъ пріятелю о своей висбаденской встрѣчѣ.

— Такъ вотъ что! замѣтилъ Змѣинъ. — А я не могъ объяснить себѣ, что тебя такъ приспичило ѣхать въ ту же минуту въ Интерлакенъ. Но неужели ты успѣлъ уже влюбиться? разъ всего видѣлъ, да и то мелькомъ, не сказалъ ни слова.

— Нѣтъ, я еще не влюбленъ, не знаю даже еще, которая изъ двухъ мнѣ болѣе нравится, но мнѣ хотѣлось бы очень влюбиться, я жажду любви.

— Ты, конечно, сочинилъ стихи по этому случаю?

— А ты почемъ знаешь?

— Да вѣдь ваша братья, поэты, рады всякому случаю излить свои чувствованія. Ну что-жъ, буду великодушенъ, прочту, дай-ка ихъ сюда.

— Да я и не предлагалъ тебѣ.

— Будто не видно по твоему лицу, какъ ты радъ? Вѣдь не скоро, пожалуй, представится новый случай блеснуть своимъ талантомъ; пользуйся.

Ластовъ вынулъ, какъ-бы нехотя, небольшую карманную книжку и, отыскавъ что̀ требовалось, подалъ ее другу.

— Я хочу только, чтобы ты понялъ мои чувства.

— Ну да, конечно. А если пощекотятъ авторское самолюбіе — вѣдь тоже, признайся, пріятно?

— Признаюсь: не безъ пріятности.

Змѣинъ взялъ книжку, повернулъ страницу, другую, и довольная улыбка пробѣжала по лицу его.

— Пододвиньтесь-ка сюда, синьоръ; надо васъ по головкѣ погладить.

— За что̀ такая милость?

— Ты хоть поэтъ, да здравомыслящъ и практиченъ, какъ мы, грѣшные, неизбранные: тутъ у тебя въ перемежку — и стихи, и дорожные счеты; за это люблю. Итакъ:

Бываютъ странныя мгновенья,
Когда душа полна стремленья —
Къ чему? неясно ей самой...

Дѣйствительно, странныя мгновенія. Душѣ твоей бываетъ, значитъ, что-нибудь ясно? Она у тебя мыслитъ?

Но въ жилахъ кровь играетъ чудно,
Дышать невыразимо-трудно,
И самъ невластенъ надъ собой.

Грустное положеніе, признаюсь: невластенъ надъ собой!

Подъ обаяньемъ смутной грезы,
Изъ глазъ невольно каплятъ слезы...

Змѣинъ прервалъ чтеніе и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на друга.

— Вотъ какъ? ты плакалъ?

— Нѣтъ, не то, чтобы... а близко было... замялся тотъ, опуская глаза и краснѣя.

— Не ожидалъ отъ тебя, признаться, не ожидалъ. Гдѣ-жъ я, бишь, остановился? Да:

. . . слезы,
Ланиты млѣютъ и горятъ —

Чтецъ свѣрился съ раскраснѣвшимся лицемъ автора.

— Со справкой вѣрно.

И, позабывъ пору ненастья,
Всѣмъ людямъ ты желаешь счастья,
Весь свѣтъ къ груди прижать бы радъ.

Ну, это неудобоисполнимая гипербола: совсѣмъ бы тебя разодрало.

Душа томиться перестала —

Противорѣчіе, мой другъ: „подъ обаяньемъ смутной грезы, льются слезы“, а „душа, говоритъ, томиться перестала“; тутъ-то именно и томленіе, охи да вздохи.

— Ну, полно тебѣ придираться! Читай дальше.

— Значитъ, все-же „томиться перестала“? Такъ и быть, изъ дружбы допустимъ.

Осуществленье идеала
Въ дали предвидитъ наконецъ;
Растетъ въ ней чувство, крѣпнетъ, зрѣетъ,
И бѣдная повѣрить смѣетъ,
Что есть созвучіе сердецъ.

„Что есть созвучіе сердецъ!“ повторилъ критикъ на

распѣвъ. — Ничего себѣ, гладко. Только душѣ твоей, я думаю, нечего догадываться, что есть созвучіе сердецъ: твои былыя студенческія интрижки достаточно, кажись, свидѣтельствуютъ, какъ глубоко ею понято это созвучіе. „Созвучіе сердецъ“! Вѣдь выдумаютъ же этакую штуку! Охъ, вы поэты!

— Да чѣмъ же эта метафора нехороша? Я, напротивъ, очень доволенъ ею. Подай-ка мнѣ лучше тетрадку. Ты, Змѣинъ, добрый малый, но поэзіи въ тебѣ, извини, ни капли нѣтъ.

— Или я не слышу капли ея въ морѣ прозы. Не гомеопатъ — что-жъ дѣлать!

— Только пчела узнаётъ въ цвѣткѣ затаенную сладость,
Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ!

продекламировалъ съ шутливымъ паѳосомъ поэтъ.

— Вѣчно ты съ своимъ Майковымъ!

— Съ Майковымъ? не смѣши. Ты развѣ читалъ когда Майкова?

— Да будто это но изъ Майкова? начинается еще:

„Урну съ водой уронивъ —“

Ластовъ расхохотался.

— Совсѣмъ, братъ, острамился: мой стихъ былъ изъ Фета, твой — изъ Пушкина. Однако отъ этихъ толковъ въ горлѣ у меня сущая Сахара. Слѣдовало

бы сходить въ отель, испить рейнвейну, да лѣнь. Попробуемъ гисбахскихъ волнъ.

Вскочивъ на ноги, онъ сталъ спускаться по окраинѣ утеса къ водопаду.

— Разобьешся, предостерегъ сверху товарищъ.

Благополучно добравшись до средины скалы, Ластовъ сдѣлалъ отважный прыжокъ и очутился на маленькой гранитной площадкѣ, непосредственно омываемой набѣгающими волнами водоворота, образовавшагося въ углубленіи скалы. Молодой человѣкъ опустился на колѣни, положилъ шляпу возлѣ себя, перевѣсился всѣмъ тѣломъ надъ водоворотомъ и, опустивъ голову къ поверхности воды, приложился къ ней губами. Вдругъ взоры его, устремленные безсознательно на гранитный обрывъ, приковались къ расщелинѣ утеса, откуда выглядывалъ какой-то свѣтлый камушекъ; Ластовъ живо приподнялся и выломалъ его изъ гнѣзда. То была раковина, облѣпленная кругомъ глиной. Отколупавъ глину, Ластовъ досталъ изъ жилета маленькую складную лупу.

— Любопытное пріобрѣтеніе, Змѣинъ, замѣтилъ онъ, разглядывая раковину. — Какъ бы ты думалъ: orthis! Да, orthis calligramma; спрашивается, какъ она сюда попала, на Гисбахъ? Этотъ видъ orthis встрѣчается, сколько помнится, только въ силурійской

формаціи, а силурійской не водится въ Швейцаріи. Надо будетъ справиться въ Мурчисонѣ.

— Спрячь-ка свою orthis покуда въ карманъ, сказалъ Змѣинъ. — Силурійская формація изобилуетъ сѣрой ваккой, а здѣсь вакки и слѣда нѣтъ; значитъ, что-нибудь да не такъ. Но Мурчисонъ самъ по себѣ, и гуманность сама по себѣ: ты утолилъ свою жажду да и не думаешь обо мнѣ. На̀, зачерпни.

Онъ хотѣлъ бросить Ластову шляпу. Тотъ уже наклонился къ водѣ.

— Я въ свою; ты не брезгаешь?

— Еще бы! Naturalia non sunt turpia. Ты вѣдь не помадишься?

— Изрѣдка.

— Такъ выполоскни.

Ластовъ послѣдовалъ совѣту и зачерпнулъ шляпу до краевъ.

— Nehmt hin die Welt! rief Zeus von seinen Höhen.*)

Чтобъ было вкуснѣй, вообрази себя героемъ извѣстной нѣмецкой баллады: ты — смертельно раненый рыцарь, томящійся въ предсмертныхъ мукахъ невыносимой жаждой; я — твой вѣрный щитоносецъ, Кнарре, также тяжело раненый, но изъ безконечной

*) Примите міръ! рекъ Зевсъ съ своихъ высотъ.

преданности къ своему господину доползшій до ближняго студенаго ключа и возвращающійся теперь съ полнымъ шлемомъ живительной влаги.

— Воображаю; только не мучь пожалуйста своего рыцаря, давай скорѣй... Эхъ, братъ, ну какъ же можно! А все твоя баллада.

Изнывающему рыцарю не пришлось на этотъ разъ утолить свою жажду; до краевъ наполненный шлемъ, размокнувъ отъ живительной влаги, поддался съ одного конца давленію ея, и холодная струя плеснула въ лице оруженосца. Выпустивъ импровизированную чашу изъ рукъ, испуганный Кнарре отпрянулъ мгновенно въ сторону. Но съ присутствіемъ духа, подобающимъ его высокому званію, рыцарь не выпустилъ шлема изъ искаженныхъ предсмертною мукою пальцевъ; удрученный тяжестью заключенной въ немъ влаги, шлемъ опрокинулся, и освѣжительный напитокъ расплескался по обрыву.

— Vanitas, vanitatum vanitas! вздохнулъ рыцарь, качая передъ собою въ воздухѣ печально свѣсившуюся чашу.

— Ха, ха, ха! заливался щитоносецъ, вытирая рукавомъ лицо. — Брось ее сюда; такъ и быть, налью снова.

— Нѣтъ, ужъ спасибо, въ танталы я еще не записался.

Онъ вынулъ часы.

— Половина 7-го... Спустимся-ка въ гостиницу; тамъ рейнвейнъ, надѣюсь, будетъ посущественнѣе твоихъ гисбахскихъ волнъ.

Вскарабкавшись на площадку, Ластовъ взялъ свою насквозь измокшую шляпу изъ рукъ пріятеля, выжалъ ее и накрылся ею.

— Брр... какая холодная! проговорилъ онъ, морщась. — „Что-жъ ты спишь, мужичекъ“? Зоветъ съ собой, а самъ ни съ мѣста. Давай лапу. „Встань, проснись, подымись...“ Фу, какой тяжелый!

Покраснѣвъ отъ напряженія, поэтъ успѣлъ однакоже приподнять товарища на столько, что тотъ самъ всталъ на ноги. Перебросивъ .черезъ плеча плэды, молодые люди начали спускаться по тропинкѣ. Съ озера донеслись звуки звонка.

— Вотъ и пароходъ изъ Интерлакена, сказалъ Ластовъ. — Ты, конечно, отправляешься утолить свою жажду? Я пойду встрѣчать интерлакенцовъ; можетъ, найдется кто русскій; въ Интерлакенѣ, говорятъ, всегда много нашихъ. Закажи пожалуйста и для меня порцію бифштекса да бутылку рейнвейну.

— Какого тебѣ? іоганисбергера?

— Нѣтъ, либфрауенмильхъ; все, что находится въ какой-либо связи съ *Liebe* и *Frauen*, пользуется теперь моимъ особеннымъ благоволеніемъ.

Подъ водопадомъ друзья разошлись въ противоположныя стороны: Змѣинъ повернулъ направо — къ гостиницѣ, Ластовъ взялъ налѣво — къ пристани.

III.

Ультрапрогресистъ.

Когда поэтъ спустился къ озеру, публика уже высаживалась съ парохода, и небольшая платформа пристани отказывалась вмѣстить всю толпу — болѣе впрочемъ по тому обстоятельству, что было много дамъ, а прекрасный полъ, проводящій лѣтній сезонъ въ Интерлакенѣ, рядится, какъ извѣстно, необыкновенно пышно и носитъ платья шириною чуть ли не въ Бріенцское озеро.

Ластовъ остановился на краю дорожки, ведущей отъ пристани вверхъ къ отели, чтобы не пропустить никого незамѣченнымъ. На губахъ его мелькнула улыбка и онъ махнулъ рукой: съ парохода сходилъ знакомый ему русскій.

То былъ юноша лѣтъ 19-ти, много 20-ти. Пушокъ едва пробивался на красивомъ, самонадѣянномъ лицѣ его. Станъ его, и безъ того очень стройный и тонкій, дѣлался еще подвижнѣе и гибче отъ видимыхъ стараній юнаго комъ-иль-фо вложить въ каждое

движеніе грацію. Въ правомъ глазу его ущемлялось стеклышко. Платье, сшитое по послѣдней парижской модѣ, сидѣло на немъ превосходно, и страдало развѣ излишкомъ изящности и воздушности для наряда туриста въ гористой мѣстности, какъ Швейцарія.

Пріѣзжій также замѣтилъ Ластова и мотнулъ ему изъ дали головой.

— Que diable! est ce toi, que je vois? началъ онъ скороговоркой, когда добрался до поэта, и протянулъ ему съ граціозной небрежностью свою маленькую, аристократическую руку, обтянутую въ палевую лайковую перчатку. — D'où viens tu, parbleu?

— Мы съ Змѣинымъ, однимъ университетскимъ товарищемъ, сколотили рубликовъ по триста и вотъ, сдавши выпускной экзаменъ, пустились въ чужіе края. Мѣсяцъ уже какъ шатаемся изъ стороны въ сторону. Но ты, братъ Куницынъ, какими судьбами?

— Moi? Mais je viens, comme toi, de finir mon cours — que le diable emporte toute l'école, „je veux bien, que le diable l'emporte"! Maintenant je me suis pensionné à Interlaken... Quelle découverte j'y ai faite, te dis-je! fichtre! Il ne me reste rien, que de faire sa connaissance — un ange, un diable de fille, parole d'honneur! Coquette comme la belle Hélène, vive comme un chaton, spirituelle comme...

— Aber, Liebster, Bester, Gutester! перебилъ, смѣясь, Ластовъ. — Du hast sie ja nicht einmal gesprochen und rühmst schon ihren Spiritus?

Куницынъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на говорящаго.

— Que veut dire cela, mon ami?

— Что?

— Да Германія?

— А Франція?

— Да вѣдь ты же говоришь по-французски?

— Говорю, но не такъ свободно, какъ по-русски. Со временъ же гимназіи мы съ тобой объяснялись всегда на родномъ языкѣ; такъ я не вижу надобности въ чужомъ нарѣчіи.

— Образованному человѣку должно быть рѣшительно все равно, на какомъ бы нарѣчіи ни объясняться! Если же я разъ заговорилъ съ тобой по-французски, то тебѣ ничего бы не стоило отвѣчать мнѣ на томъ же языкѣ, а то вздумалъ еще подтрунивать! Franchement dit, ты поступилъ даже bien impoliment.

— Напротивъ, другъ мой, impoliment поступилъ ты самъ: ты заговариваешь со мною по-французски; я отвѣчаю по-русски, тонко намекая тебѣ этимъ, что французскій языкъ между нами не у мѣста. Ты, и ухомъ не ведя, продолжаешь по-французски. Развѣ

это не impolitesse? Съ такимъ же точно правомъ могъ я употребить нѣмецкій языкъ, который знаю лучше французскаго; тебя же это не должно было удивлять: „вѣдь всякому образованному человѣку рѣшительно все равно, на какомъ бы нарѣчіи ни объясняться“; слѣдовательно и все равно, отвѣчаютъ ли ему по-французски или по-нѣмецки.

— И ты, ты говоришь это серьезно? воскликнулъ Куницынъ. — Нѣмецкій языкъ трещитъ, шипитъ, скрипитъ; французскій благодаря своей гармоничности, сдѣлался international'нымъ европейскимъ языкомъ, какъ арабскій въ Азіи. Французскій языкъ — можно смѣло сказать — гарантія развитости человѣка, такъ-какъ помощью его сближаются народности, сближаются сѣверъ и югъ, востокъ и западъ, а сближеніе развиваетъ и ведетъ ко всемірному прогресу, составляющему, какъ извѣстно, цѣль всякаго, мало-мальски образованнаго человѣка XIX-го столѣтія!

— Ого-го, какъ ты краснорѣчивъ, хоть сейчасъ въ адвокаты! засмѣялся Ластовъ, просовывая пріятельски руку подъ руку юнаго прогресиста. — Какъ разъ заставишь еще раскаяться, что я, по твоему примѣру, не перешелъ въ училище правовѣдѣнія, или не сдѣлалъ покрайней мѣрѣ изученія французскаго языка основною цѣлью своей жизни. Разскажи-ка лучше что-нибудь про свою прекрасную Елену.

— Пожалуй... Ее впрочемъ зовутъ не Еленой, а Надеждой, или, вѣрнѣе, Наденькой.

— Наденькой? хорошенькое имя.

— Я думаю! самодовольно подтвердилъ правовѣдъ, точно онъ самъ сочинилъ его. — Ихъ двѣ сестры; она младшая. Есть и мать; puis наперсница; все какъ въ романѣ.

— Да ихъ не Липецкими ли ужъ зовутъ?

— Ты почемъ знаешь?

— Видѣлъ въ Висбаденѣ; впрочемъ: незнакомъ. Такъ онѣ здѣсь, на Гисбахѣ?

— Само собою! пріѣхали на одномъ со мною пароходѣ. Не то зачѣмъ бы мнѣ пріѣзжать сюда? чего я тутъ не видѣлъ?

— Но ты говоришь, Куницынъ, что также еще не познакомился съ ними; какъ же это такъ? Ты, кажется, парень не промахъ, мастеръ на завязки?

— Parbleu! Но тутъ совсѣмъ особенный случай. Заговорилъ съ нею какъ-то за столомъ — не отвѣчаетъ; отвѣтила ея кузина, да такъ коротко и язвительно, что руки опустились. Разбитная тоже дѣвчёнка, ой-ой-ой! Моничкой зовутъ; не правда ли, оригинальная кличка? вѣроятно производное отъ лимона? Впрочемъ, собой скорѣе похожа на яблоко, на крымское. Вотъ бы тебѣ, а? Да и какъ удобно: принадлежа къ новому поколѣнію, она, разумѣется, не

признаётъ начальства тетки, дѣлаетъ что вздумается, прогуливается solo-solissima, и. т. д. Совѣтую приволокнуться.

— Да которая изъ нихъ Моничка? Что повыше?

— Нѣтъ, то Наденька. Моничка — кругленькая, карманнаго формата брюнетка.

— Вотъ увидимъ. Покуда онѣ для меня обѣ одинаково интересны.

— А для меня такъ нѣтъ! Моничка, знаешь, такъ себѣ, средній товаръ; Наденька — отборный сортъ. Тебѣ она, быть можетъ, покажется ребёнкомъ, нераспустившимся бутономъ; но въ этомъ-то и вся суть, настоящій haut-gout: я крыжовника терпѣть не могу, когда онъ переспѣлъ.

— Ты, какъ я вижу, эпикуреецъ.

— А то какъ же? Ха, ха! Вы, университетскіе, воображаете, что никто, какъ вы, не заглядывалъ въ Бюхнера, въ Прудона... Да, Прудонъ! Помнишь, какъ это онъ говоритъ тамъ... Ah, mon Dieu, забылъ! Не помнишь ли, какая у него главная thèse?

— Самое извѣстное положеніе его: „La propriété c'est le vol"; но въ настоящемъ случаѣ оно едва ли примѣнимо.

— Да не то!

— Онъ, можетъ быть, говоритъ, что незрѣлый крыжовникъ лучше зрѣлаго?

— Ха! можетъ быть... Но ты самъ убѣдишься, что мой незрѣлый куда апетитнѣе всякаго зрѣлаго. Qu'importe, что я не сказалъ съ ней и двухъ словъ: у молоденькихъ дѣвицъ все на распашку — и хорошее и дурное; а если ты замѣчаешь въ дѣвицѣ одно хорошее, стало быть, она — chef-d'oeuvre.

— Chef-d'oeuvre или козленокъ: любовь зла, полюбитъ и козла.

— Fi, какія у тебя proverbes! Во-первыхъ, она не можетъ быть козленкомъ, потому-что она не мужчина, козелъ же мужскаго пола...

— Ну, такъ козочкой.

— А козочки, какъ хочешь, премилыя животныя, des bêtes, qui ne sont pas bêtes; правда, un peu trop naives, но d'autant mieux: тѣмъ болѣе вольностей можно позволять себѣ съ ними.

Въ такихъ разговорахъ пріятели наши взбирались вверхъ по правому берегу Гисбаха, черезъ груды камней и исполинскіе древесные корни, пока не вышли въ горную котловину.

Куницынъ удостоилъ водопадъ только бѣглаго взгляда, снялъ шляпу и батистовымъ платкомъ вытеръ себѣ лобъ, на которомъ выступила испарина.

— Неужели нѣтъ другого пути, чтобы добраться въ эту трущобу? спросилъ онъ, отдуваясь.

— Какъ не быть; остальная публика, кажется,

и предпочла большую дорогу. Но здѣсь ближе и романтичнѣе.

— Романтичнѣе! Въ настоящее время, въ вѣкъ желѣза и пара, всякая романичность — анахронизмъ. Вотъ и ботинку разодралъ! Нечего сказать — романтично!

— Да, милый мой, ботинки — въ Швейцаріи вещь ненадежная; въ Интерлакенѣ ты, вѣроятно, можешь пріобрѣсть такіе же толстокожіе башмаки, какъ у меня, на двойныхъ подошвахъ и обитые гвоздями.

— Да вѣдь они жмутъ?

— Жмутъ, но только какіе-нибудь два дня; потомъ ложатся по ногѣ. Впрочемъ, не надѣйся, что преодолѣлъ всѣ трудности: я намѣренъ встащить тебя еще вонъ куда... Что за видъ! я тебѣ скажу.

Ластовъ указалъ на крутизны Гисбаха.

— Шалишь, не заманишь!... Ба! это что за душка? присовокупилъ правовѣдъ, завидѣвъ молоденькую швейцарку въ дверяхъ небольшого домика, о которомъ мы еще не упомянули. Домикъ этотъ, типъ швейцарскаго шалé, съ перевѣсившеюся кровлею, расположенъ подъ сѣнью деревъ, сейчасъ возлѣ старой отели, и есть одинъ изъ магазиновъ бріенцской фабрики орѣховыхъ издѣлій, снабжающей всѣ главные пункты Швейцаріи своими красивыми бездѣлушками, которыя такъ охотно покупаются на память туриста-

ми. — Сюда, если хочешь, зайдемъ, продолжалъ Куницынъ: — тутъ также своего рода романтизмъ.

— Зайдемъ, пожалуй. Видѣлъ ты, какъ она привѣтливо улыбнулась, когда замѣтила, что мы повернули къ ней? Продувной народецъ! Улыбка ея относится исключительно къ нашему кошельку; дѣлается даже грустно, что и улыбки-то приходится покупать! Guten Abend, Fräulein!

— Schönen Dank, meine Herren! Treten Sie nicht näher?

— Gewiss. Замѣчаешь?

И они послѣдовали за швейцаркой въ сокровищницу ея.

IV.

Какъ заключаются ныньче знакомства.

Змѣинъ вошелъ между тѣмъ въ общую столовую главной отели Гисбахъ, сложилъ плэдъ, зонтикъ и дорожную суму въ уголъ на стулъ, и, подозвавъ къ себѣ кельнера, заказалъ двѣ порціи бифштекса — одну сейчасъ, другую черезъ полчаса, да по бутылкѣ іоганисбергера и либфрауенмильхъ. Кельнеръ, не подозрѣвая, что вторая порція бифштекса и одна изъ бутылокъ предназначались отсутствующему спутнику

Змѣина, посмотрѣлъ на сего послѣдняго съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, потомъ чуть ухмыльнулся и, проговоривъ: — Very well, sir, — поспѣшилъ исполнить требуемое. Онъ сообразилъ, что столь прожорливый субъектъ не можетъ принадлежать къ иной націи, какъ къ англійской.

За длиннѣйшимъ столомъ, покрытымъ снѣжно-бѣлой скатертью, возсѣдало уже нѣсколько гостей, занятыхъ — кто ужиномъ, кто чаемъ. Змѣинъ расположился на свободномъ концѣ стола. Рядомъ съ нимъ сѣлъ дородный, среднихъ лѣтъ нѣмецъ; въ ожиданіи заказаннаго имъ пива, заговорилъ онъ съ Змѣинымъ. Тотъ, занятый своимъ ужиномъ, отвѣчалъ довольно неохотно. Но нѣмецъ, наводившій рѣчь на полевыя работы, удобреніе почвы и т. п. и оказавшійся по справкѣ агрономомъ, вскорѣ прочуялъ въ Змѣинѣ знающаго химика, и, рѣшившись во что бы то ни стало воспользоваться этимъ случаемъ эксплоатировать безвозмездно чужія знанія, осыпалъ его вопросами. Змѣинъ, убѣдясь наконецъ въ необходимости сносить терпѣливо эту невзгоду, доѣлъ на скорую руку свой бифштексъ, вытеръ салфеткою ротъ и, сдѣлавъ изрядный глотокъ изъ стакана, повернулся къ сосѣду:

— Ну, кончилъ. Теперь можете разспрашивать, сколько угодно.

Тотъ, конечно, не далъ повторить себѣ это.

Противъ и около нихъ расположилось нѣсколько дамъ — русскихъ, какъ оказалось по разговорамъ. Хотя Змѣинъ и не видѣлъ еще Липецкихъ, но догадался, что это должно быть онѣ. Лице старшей изъ сестеръ, Лизы, показалось ему сверхъ того какъ-будто знакомымъ, но онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета, гдѣ именно видѣлъ ее. Г-жа Липецкая разговаривала съ одной французской графиней, съ которою сошлась на пароходѣ. Двухъ младшихъ дѣвицъ она разсадила намѣренно розно, чтобы обуздать ихъ пылкій нравъ, высказывавшійся въ подталкиваніи локтя сосѣдки, когда та подносила къ губамъ чашку, и т. п. Но, и разлученныя, онѣ не унимались и упражнялись въ телеграфномъ искуствѣ особаго рода, приставляя пальцы то ко рту, то къ носу, то ко лбу, и затѣмъ хихикали дружно. Одна Лиза пила свой чай молча, не вмѣшиваясь ни въ разговоръ дамъ, ни въ мимическую болтовню дѣвицъ.

— Знаешь, о чемъ мы говоримъ сейчасъ? весело обратилась къ ней кузина.

— О чемъ?

— Ну, полно, Моничка, воскликнула Наденька; — не говори.

— Отчего же? что за важность? Никто же не пойметъ. Хоть бы наши vis-à-vis: отъявленная нѣмчура. Послушай только, о чемъ они толкуютъ.

— За тѣмъ-то вѣдь и оставляютъ поля подъ паромъ, ораторствовалъ Змѣинъ: — запасъ неорганической пищи растеній наконецъ истощится, и только въ годъ отдыха поле, вывѣтриваясь, разрыхляясь подъ вліяніемъ внѣшней сырости и тепла, успѣваетъ выработать новый запасъ легко-растворимыхъ неорганическихъ частицъ, необходимыхъ для постройки скелета растенія и вбираемыхъ корневыми мочками его, вмѣстѣ съ дождевою водою.

— А органическія вещества? возразилъ нѣмецъ. — Хотя теоретики ваши и пишутъ, что изъ почвы растеніе пользуется одною неорганическою пищею; однако опытъ показываетъ, что если удобривать землю падалиной, или вообще азотистыми веществами, какъ-то: копытами, рогами, то урожай бываетъ не въ примѣръ обильнѣе. Что вы скажете на это?

— Что ни химія, ни физіологія конечно не показали еще, какъ именно происходитъ питаніе растеній азотистыми веществами, но что, безъ всякаго сомнѣнія, растенія питаются ими. Это Либихомъ распространено мнѣніе, будто весь свой азотъ они извлекаютъ исключительно изъ воздуха; ну, а что сказалъ Либихъ, то, разумѣется, для научныхъ кротовъ свято.

— Слышали, mesdames? расхохоталась Моничка. — Чудо, какъ интересно. Передъ ними сидятъ хоро-

шенькія дѣвицы, а они толкуютъ — объ удобреніи! Натурально, колбасники.

— Впрочемъ, разсуждаютъ логично, замѣтила отъ себя Лиза; — въ особенности младшій, бородастый. Даже Либиха не признаётъ; должно быть, дѣльный химикъ.

— Дѣльный химикъ по части пива — это такъ! Взгляни на эти мужицки-атлетическія формы, на эту флегму, si contente de soi-même — ну, Бахусъ, да и только!

— Гамбринусъ, хочешь ты сказать? Богъ пива — Гамбринусъ.

— А онъ вѣдь недуренъ, замѣтила въ свою очередь Наденька. — Только носъ немножко широкъ да глаза зеленые, какъ у ящерицы. Зубы чиститъ тщательно; за это люблю: точно заглядываешь внутрь человѣка, въ душу, которая такъ же чиста.

— Да, онъ не сливки, а сыворотки, сказала Лиза, — но сыворотки здоровѣе.

— Такъ сказать тебѣ, Лиза, о чемъ мы болтали съ Наденькой? начала опять Моничка.

— Да перестань, прервала Наденька.

— А вотъ нарочно же. Видишь ли, ma chère...

— Такъ постой же, дай, я сама разскажу; признаваться, такъ признаваться.

Наденька оглянулась по сторонамъ и продолжала, понизивъ голосъ:

— Вчера, часу въ 11-мъ вечера, когда мы уже улеглись съ тобой, раздается вдругъ легкій стукъ въ окошко. Я прислушиваюсь — новый стукъ. Я вскакиваю, завертываюсь въ одѣяло и — къ окошку. Гляжу: Моничка. Я тихонько открываю окно. „Спитъ Лиза?“ спрашиваетъ она шёпотомъ. „Спитъ; а что?“ — „Не хочешь ли повояжировать?“ При этомъ она распахнула мантилью, которая прикрывала ей плечи. Я чуть не вскрикнула отъ удивленія. „Что съ тобою, Моничка?“ прошептала я. Вообрази: она, сумасшедшая, въ одной сорочкѣ...

— Неправда! перебила Моничка: — я была и въ туфляхъ.

— Это такъ: послѣ еще потеряла одну въ травѣ. Я сперва не рѣшалась идти съ нею; но потомъ, разсудивъ, что все въ домѣ спитъ, не могла удержаться, надѣла ботинки, накинула тальму — и маршъ изъ окошка въ садъ.

— Малюточки! но къ чему все это?

— Къ чему? Хотѣлось набѣгаться. Перескочивъ ограду, мы бросились въ рожь, росистую, мокрую, ловить другъ друга...

Змѣинъ, продолжавшій пренія свои съ нѣмцемъ, вслушивался однимъ ухомъ и въ разговоръ дѣвицъ. При послѣднихъ словахъ Наденьки, онъ всталъ изъ-за стола, сказалъ своему сосѣду: — Im Augenblick

bin ich wieder da, и, взявъ со стула въ углу шляпу, вышелъ изъ комнаты.

Въ поискахъ за Ластовымъ, Змѣинъ добрелъ до старой отели, когда завидѣлъ пріятеля сквозь растворенную дверь вышеописаннаго склада швейцарскихъ издѣлій, любезничающимъ съ кокетливой продавицей.

— Вотъ этотъ альбомъ, говорила вкрадчивымъ голосомъ швейцарка, — вы подарите своей сестрицѣ — вѣдь у васъ есть сестрица? А то невѣстѣ... Но нѣтъ, для невѣсты мы выберемъ что-нибудь посолиднѣе... хоть бы эту брошку; изволите видѣть: чистая слоновая кость, и олень какъ вырѣзанъ!

— Да у меня нѣтъ еще невѣсты... бормоталъ растерянный поэтъ, перекладывая изъ руки въ руку два орѣховые ножа для прорѣзыванія бумаги, чернильный приборъ и проч., которыми проворная дѣвушка успѣла уже нагрузить его.

— Ну, такъ есть возлюбленная? говорила она, лукаво заглядываясь ему прямо въ глаза. — Чтобъ у такого красавчика не было возлюбленной — я ни за что не повѣрю.

— Въ томъ-то и дѣло, моя милая, отвѣчалъ въ ея же тонѣ Ластовъ, — что у насъ не водится такихъ душекъ, какъ вы; потому даже и возлюбленной не имѣется.

Куницынъ тѣмъ временемъ разглядывалъ въ

стеклышко разнообразныя вещицы, аккуратно разставленныя по шкапамъ. Онъ было попытался съ нѣжностью прищуриться въ глазки швейцаркѣ; но когда та, ни мало этимъ не смущаясь, пристала и къ нему: „да возьмите это, да купите то“, онъ сдѣлался поразительно холоденъ и снизошелъ только пріобрѣсть крошечную орѣховую папиросницу, которую нашелъ въ самоновѣйшемъ вкусѣ.

— Чѣмъ ты тутъ занятъ? спросилъ Ластова входящій Змѣинъ. — Брось эти пустяки и пойдемъ со мною.

Къ поэту подошелъ Куницынъ.

— Что-жъ ты не представишь меня своему другу?

— Виноватъ. Благословляй свою судьбу, о юноша, что удостоился узрѣть сего мужа! Се онъ, le célèbre Kounizine, представитель петербургскихъ mauvais-sujets. До 4-го класса гимназіи я имѣлъ счастіе называть его своимъ товарищемъ; но тутъ, постигнувъ свое высшее назначеніе, онъ переселился въ храмъ Ѳемиды; до нынѣшняго года посвящали его въ таинства богини. И вотъ, попеченія жрецовъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: граціознѣе его никто не канканируетъ (у Ефремова предлагали ему по пяти цѣлковыхъ за вечеръ, съ открытымъ буфетомъ), лучше его никто не знаетъ приличій высшаго тона (поутру весь столъ у него заваленъ раздушенными записочка-

ми); французскимъ языкомъ пропитанъ онъ насквозь, до кончиковъ ногтей, точно наэлектризованъ, такъ-что стòитъ только дотронуться до него пальцемъ, чтобы вызвать искры изысканнѣйшихъ парижскихъ bonmots...

— Но, Ластовъ, это безсовѣстно... протестовалъ, нахмурившись, правовѣдъ.

— Впрочемъ, добрый малый, присовокупилъ поэтъ: — какъ видишь, не сердится даже надъ моимъ преувеличенно-лестнымъ панегирикомъ.

— Очень пріятно познакомиться, сказалъ Змѣинъ, пожимая руку правовѣду.

— Сей, продолжалъ рекомендовать Ластовъ, ткнувъ указательнымъ перстомъ въ грудь друга: — Александръ Александровъ сынъ Змѣинъ, натуралистъ, также вполнѣ оправдавшій надежды своего начальства, ну, и... натуралистъ, одно слово. Понимаешь?

— Не совсѣмъ. Должно быть, нѣчто въ родѣ тебя?

— Приблизительно; только еще воплощеннѣе. Ты, Змѣинъ, звалъ меня зачѣмъ-то?

— А вотъ видишь ли: я пойду и сяду въ гостиницѣ за столъ; ты подойди да заговори со мной по-русски.

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Но ради какой цѣли, позволь узнать?

— Это ты изъ дѣла усмотришь. Исполни только мои указанія.

Молодые люди направились къ главной отели. Змѣинъ вошелъ въ столовую первымъ, занялъ свой стулъ и возобновилъ разговоръ съ любознательнымъ нѣмцемъ. Вошедшій, нѣсколько спустя, съ Куницынымъ, Ластовъ, согласно условію, подошелъ къ сидящему пріятелю и, положивъ ему руку на плечо, спросилъ во-всеуслышаніе:

— А что ты, братъ, заказалъ для меня бифштексъ и рейнвейну?

Нельзя изобразить, какое магическое дѣйствіе произвели эти, сами по себѣ весьма невинныя слова на нашихъ дѣвицъ: Наденька, узнавъ въ Ластовѣ съ перваго же взгляда висбаденскаго игрока, вспыхнула до висковъ и не знала, куда отвернуться; Лиза подняла голову и молча вперила въ Змѣина изумленный, строгій взоръ; Моничка, наконецъ, прыснувшая сначала, поняла тутъ же всю неловкость своего положенія и съ запальчивостью обратилась къ Змѣину:

— Вы, monsieur, знаете по-русски и не могли объявить намъ объ этомъ заранѣе?

— Напрасно вы горячитесь, отвѣчалъ спокойнымъ тономъ Змѣинъ; — не вы ли сами посвящали все присутствующее общество въ ваши частныя тай-

ны? Чѣмъ виноватъ смертный, случайно понимавшій по-русски?

— Но вы обязаны были предупредить насъ!

— Я и предупредилъ: позвалъ товарища, чтобы онъ при васъ заговорилъ со мною.

— Какъ? вы нарочно сходили за нимъ? c'est affreux!

— Послушайте, милостивый государь, обратилась тутъ къ Змѣину Лиза, вымѣривая его ледянымъ взглядомъ; — вы хотѣли дать намъ урокъ?

— Имѣлъ въ виду.

— Но по какому праву, позвольте васъ спросить?

— По праву старшаго — наставлять дѣтей.

— Дѣтей! Еслибъ вы знали, съ кѣмъ говорите . . .

— А именно?

— Я . . . я болѣе года посѣщала университетъ, покуда не вышло запрещенія . . .

— Такъ вы экс-студентка? Что-жъ, этого товару на свѣтѣ не искать стать: божья благодать.

— Да, благодать! Но это не все. Въ настоящее время я занимаюсь своимъ предметомъ дома и въ будущемъ маѣ думаю сдать уже на кандидата, а тамъ, дастъ-Богъ, и на магистра, на доктора . . . Вотъ что-съ!

— Дай-Богъ, дай-Богъ вамъ всякаго успѣха.

— Ты не думай, ma chère, что онъ хотѣлъ

предостеречь насъ, вмѣшалась съ жёлчью Моничка: — это было одно мальчишество, желаніе посмѣяться надъ дѣвицами... Мы презираемъ васъ, сударь!

— Видите, какъ вы неразборчивы въ выборѣ вашихъ выраженій, возразилъ съ прежнимъ хладнокровіемъ Змѣинъ; — надо быть осторожнѣе: другой на моемъ мѣстѣ, пожалуй, отплатилъ бы вамъ тою же монетой. Я вижу, приходится изложить вамъ ходъ дѣла систематически. Я толковалъ безъ всякихъ заднихъ мыслей съ симъ достопочтеннымъ тевтономъ — о чемъ? вы, можетъ быть, слышали.

— Очень нужно намъ подслушивать ваши скучные разговоры!

— Зачѣмъ же отпираться, Моничка? замѣтила Лиза. — Ну, мы слышали, о чемъ вы говорили; что-жъ изъ того?

— Дѣло не въ предметѣ нашего съ нимъ разговора, а въ томъ, чтобы вы знали, что предметомъ этимъ были не вы. Тутъ долетаетъ вдругъ до слуха моего нѣсколько словъ обо мнѣ. Какъ было не насторожить ушей! Обнаруживать же, что я понимаю васъ, не было резонной причины: вы говорили обо мнѣ — тэма самая приличная. Къ тому же куда какъ пріятно подслушать лестный о себѣ отзывъ изъ прелестныхъ дѣвичьихъ устъ!

— Пожалуйста, безъ колкостей, сударь!

— Тутъ зашла у васъ рѣчь о вчерашней авантюрѣ, продолжалъ Змѣинъ. — Я мысленно зажалъ себѣ уши, но что прикажете дѣлать, если мѣра эта не оказалась вполнѣ состоятельною? Разслышавъ кое-что изъ вашего разговора и опасаясь, чтобы вы и въ другой разъ, передъ менѣе снисходительнымъ слушателемъ, не скомпрометировали себя подобнымъ же образомъ, я почелъ своимъ долгомъ преодолѣть природную флегму (что я второй Обломовъ — подтвердитъ вамъ всякій, кто мало-мальски знаетъ меня), всталъ и пошелъ вотъ за нимъ. Я думалъ, что вы будете мнѣ еще душевно благодарны.

Впродолженіе этой рацеи нашего философа, черты Лизы начали мало по малу проясняться.

— Мы гдѣ-то съ вами уже встрѣчались, промолвила она. — Вы не изъ петербургскаго ли университета?

— Такъ точно.

— Что же вы не сказали намъ этого съ перваго же начала? Вашъ пріятель, должно быть, также университетскій? Его я, кажется, видѣла вмѣстѣ съ вами на лекціяхъ.

— Да, мы съ нимъ одного факультета и курса.

— Ну, вотъ. Знаете что? Вы, кажется, вовсе не такой злодѣй, какъ представилось намъ сначала. Вы куда отсюда? въ Интерлакенъ?

— Въ Интерлакенъ.

— И играете въ шахматы?

— Играю.

— Послушайте, тутъ ужасная скука: хотите быть знакомымъ съ нами?

— Но, Лиза!... шепнула ей Наденька, разгорѣвшаяся при послѣднихъ словахъ сестры, если возможно, еще пуще прежняго; — вѣдь онъ все разскажетъ своимъ товарищамъ...

— Да! обратилась къ Змѣину экс-студентка: — вы вѣдь ничего еще не говорили этимъ господамъ о сюжетѣ нашего давишняго разговора?

— Нѣтъ, не успѣлъ.

— Такъ и не говорите. Молодымъ дѣвушкамъ, знаете, конфузно. Стало быть, рѣшено: мы знакомы?

— Пожалуй, мнѣ все равно. А вы порядочно играете въ шахматы?

— Вотъ увидите. Однако, пора и узнать подробнѣе, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Кто вы, господа?

— Я и онъ, сказалъ Змѣинъ, указывая на Ластова: — кандидаты естественныхъ наукъ; я — будущій мыловаръ, онъ — будущій просвѣтитель юношества.

— А зовутъ васъ?

— Меня Александромъ Александровичемъ Змѣинымъ, его — Львомъ Ильичемъ Ластовымъ.

— А вы кто? обратилась Лиза къ Куницыну. — Бьюсь объ закладъ, что лицеистъ или правовѣдъ?

— Изъ чего вы заключили? Да, я былъ правовѣдомъ, но уже окончилъ курсъ — съ девятымъ классомъ! зовутъ меня Куницынымъ.

— Il me semble, que nous avons déjà vu monsieur à Interlaken? замѣтила насмѣшливо-кокетливо Моничка.

— A votre service, mademoiselle, отвѣчалъ, ловко раскланиваясь, правовѣдъ.

— Теперь очередь за нами, сказала Лиза. — Я — Лизавета Николаевна Липецкая; чинъ и званіе мое вамъ уже извѣстны. Это — сестра моя, Надежда Николаевна, петербургская гимназистка. Вотъ наша мать, жена тайнаго совѣтника Липецкаго. А вотъ Саломонида Алексѣевна Невзорова — одинъ изъ будущихъ перловъ петербургскихъ великосвѣтскихъ баловъ, прибавила экс-студентка не безъ ироніи.

Жена тайнаго совѣтника хотѣла было вмѣшаться въ разговоръ молодежи, ибо находила неслыханнымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ такое внезапное знакомство съ вовсе незнакомыми людьми, но никто изъ участниковъ маленькой интермедіи не удостоилъ ея вниманія, и, пожавъ плечами, непризнанная родительница повернулась опять къ своей французской графинѣ.

Нѣмецъ, сосѣдъ Змѣина, угадывая сердечное же-

отроковица = Mädchen unter zwölf Jahren

ланіе стоящихъ за нимъ молодыхъ людей подсѣсть къ своимъ новымъ знакомкамъ, допилъ на-скоро остатки пива и поднялся съ мѣста.

— Вы, господа, можетъ быть, устали? проговорилъ онъ. — Я съ своей стороны насидѣлся. Какъ бы вамъ только помѣститься.

Но юноши помѣстились какъ нельзя лучше: сосѣди направо и налѣво поотодвинулись, въ открывшійся промежутокъ былъ втиснутъ новый стулъ — и помѣстились. Завязался разговоръ, непринужденный, веселый, какъ между старыми знакомыми. Куницынъ, который предшествующее лѣто провелъ въ разгульной столицѣ Франціи, зналъ множество „ароматныхъ“ анекдотовъ изъ области тамошняго полусвѣта и преимущественно способствовалъ оживленности разговора. Отроковицы замѣтно успокоились отъ перваго волненія, изобличая похвальный апетитъ: наперерывъ намазывали онѣ себѣ на полуломтики рыхлой, бѣлой булки свѣжаго масла и сверху, какъ водится, зернистаго, полужидкаго меду. Блюда съ ветчиной, холодной говядиной, сыромъ, земляникой, скудѣли видимымъ образомъ; земляники потребовалось даже второе увеличенное изданіе.

V.

Гисбахъ освѣщается. Взаимный дѣлежъ.

Въ девять часовъ раздался внезапно за окнами столовой сигнальный пушечный выстрѣлъ. Все вскочило, переполошилось.

— Illumination! переходило изъ устъ въ уста.

Дамы схватились за мантильи и платки, мужчины за плэды и шляпы; ужинъ и чай были брошены; всякій спѣшилъ выбраться на вольный воздухъ.

На дворѣ стояла ночь, чудная южная ночь, теплая и безлунная. Въ темно-синей, почти черной безднѣ небесъ, мерцала робкимъ огнемъ одинокая вечерняя звѣзда. Внизу, въ земной юдоли, въ горной котловинѣ, было непроницаемо-темно, хоть глазъ выколи. Только пѣнистые каскады неумолкаемаго Гисбаха бѣлѣли въ отдаленіи.

На площадку передъ старою отелью, то есть прямо противъ водопада, была вынесена армія стульевъ; гости атаковали ихъ съ ожесточеніемъ. Смѣхъ, говоръ, трескъ стульевъ! Въ окружающемъ мракѣ никто никого не узнаетъ.

— Вы это, N. N.? (Называется имя.)

— Нѣтъ, не я.

— Не вы?

Старая, но хорошая острота, возбуждающая общую веселость.

Вотъ отъ главной отели начинаютъ приближаться яркіе блудящіе огни; за каждымъ огонькомъ вьется змѣйка освѣщаемаго имъ дыма. Вскорѣ можно различить людей съ факелами. Длинной процесіей тянутся они вдоль окраины чернѣющаго лѣса, въ направленіи къ Гисбаху. Теперь они взбираются, одинъ въ извѣстномъ разстояніи отъ другого, на крутизны водопада; то пропадутъ въ сумракѣ чащи, то явятся опять, чтобы въ то же мгновеніе вновь скрыться. Вотъ мелькнулъ свѣтъ и на верхнемъ мостикѣ — и всѣ огни разомъ исчезли. Наступила прежняя темь, оглашаемая только, немолчнымъ гуломъ падающихъ водъ. Вдругъ — подъ ногами зрителей сверкнулъ огонь, раздался оглушительный пушечный выстрѣлъ. Всѣ вздрагиваютъ и вскрикиваютъ. Но крикъ испуга переходитъ въ возгласъ удивленія: вся водяная масса, сверху донизу, вспыхиваетъ мгновенно однимъ общимъ волшебнымъ огнемъ. Подобно расплавленному металлу, ярко свѣтясь насквозь, пѣнистыя воды Гисбаха низвергаются, словно звонче и шумнѣе, съ уступа на уступъ; прозрачная, свѣтлая дымка водяной пыли обвѣваетъ ихъ. Отъ воды освѣщаются трепетнымъ блескомъ и окружающіе мрачные лѣсные исполины. Ярко-бѣлый цвѣтъ водъ переходитъ незамѣтно въ

красный, красный — въ пунцовый. Верхній каскадъ зеленѣетъ, и весь водопадъ донизу заливаетъ зеленымъ отливомъ. Тихо-тихо меркнутъ свѣтлыя воды, сначала наверху, потомъ все ниже и ниже; мгновеніе — и все погрузилось въ прежній мракъ.

Зрители, любовавшіеся невиданнымъ зрѣлищемъ съ притаеннымъ дыханіемъ, только теперь очнулись отъ очарованія. Все заговорило, задвигало стульями.

— А, въ самомъ дѣлѣ, очень недурно, замѣтила Лиза; — лучше даже, чѣмъ днемъ.

— Ахъ, нѣтъ, ma chère, возразила Наденька: — бенгальское освѣщеніе — искуственное, слѣдовательно, хоть и поражаетъ сильнѣе, но не можетъ сравниться съ дневнымъ, естественнымъ.

— Ты сама себѣ противорѣчишь, моя милая: вѣдь бенгальское освѣщеніе, говоришь ты, дѣйствуетъ на тебя глубже дневного?

— Глубже.

— А между тѣмъ въ немъ нѣтъ для тебя ничего непріятнаго?

— Нѣтъ, оно даже, можетъ быть, пріятнѣе дневного, но оно искуственное, а слѣдовательно...

— Полно тебѣ сентиментальничать! прервала Лиза. — Есть развѣ какое существенное различіе между освѣщеніемъ того или другого рода? И здѣсь, и тамъ происходитъ не болѣе, какъ сотрясеніе эѳира,

игра свѣтовыхъ волнъ на одномъ и томъ же предметѣ — водѣ; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ раздражается зрительный нервъ, и чѣмъ пріятнѣе это раздраженіе, тѣмъ оно и благороднѣе: всякое вѣдь сотрясеніе эѳира естественно, неискуственно; солнце могло бы точно такъ же свѣтить бенгальскимъ огнемъ, какъ свѣтитъ теперь своимъ обыкновеннымъ свѣтомъ, и тогда ты сама не нашла бы въ такомъ освѣщеніи ничего неестественнаго.

— Да вамъ хоть сейчасъ въ професора! замѣтилъ шутливо одинъ изъ молодыхъ людей.

— Сестра молода, отвѣчала серьезнымъ тономъ экс-студентка: — всякая новая мысль не лишня въ ея годы.

— Вы говорили про раздраженіе зрительнаго нерва, вмѣшался Змѣинъ: — я долженъ замѣтить, что прежде всего раздражается въ глазу сѣтчатая оболочка, а ужъ отъ этой раздраженіе передается чрезъ зрительный нервъ мозгу.

— Ну, пошли философствовать! перебилъ нетерпѣливо Куницынъ. — Бенгальское освѣщеніе развлекло насъ болѣе дневного, значитъ, оно и лучше — что тутъ толковать.

Общество подходило къ гостиницѣ.

— Не сдѣлать ли еще ночной прогулки? предложилъ Ластовъ.

— Ахъ, да, да! подхватили въ одинъ голосъ Наденька и Моничка.

— А я думаю, что нѣтъ, рѣшилъ Змѣинъ. — Пароходъ отходитъ завтра чуть ли не въ 7-мъ часу утра, поэтому, если мы хотимъ выспаться, то пора и бай-бай.

— Вы самый разсудительный изъ насъ, сказала Лиза: — въ самомъ дѣлѣ, мы уже вдоволь насладились вашимъ обществомъ, господа; хорошаго понемножку. Пойдемте, дѣтушки.

— Пойдемъ. Добраго сна, господа.

— Au revoir, mesdemoiselles, отвѣчалъ Куницынъ.

— Прощайте, сказалъ Ластовъ.

— Кланяйтесь и благодарите, заключилъ Змѣинъ.

Наши три героя рѣшили единогласно потребовать три отдѣльные номера: оно удобнѣе, а цѣна та же, такъ-какъ въ гостиницахъ почти повсюду берутъ плату не за комнаты, а за кровати. На бѣду ихъ, въ отели Гисбахъ, при большомъ стеченіи публики, бываетъ, не смотря на относительную просторность зданія, довольно тѣсно; почему пріѣзжіе, справившіеся предварительно въ краснокожемъ путеводителѣ, всегда позаботятся заблаговременно о ночлегѣ. Наша молодежь не заглянула въ Бедекера, а когда обратилась съ своимъ требованіемъ къ кельнеру, то получила

альтернативу: или удовольствоваться всѣмъ троимъ однимъ номеромъ, или же искать пристанища въ окружающихъ дебряхъ. Послѣднее, какъ неудобоисполнимое, было отвергнуто, первое со вздохами принято. Отведенная имъ комната оказалась подъ самою крышею и имѣла полное право на названіе чердака; она была такъ низка, что Ластовъ (самый высокій изъ молодыхъ людей), не становясь на цыпочки, могъ достать рукою до потолка. Три кровати занимали почти все пространство комнаты.

— Ну, братъ Ластовъ, заговорилъ Куницынъ, — какъ ты находишь мою belle Hélène? не достойна она этого титула, а?

— Какъ тебѣ сказать?... Прекрасной Еленой ее едва ли можно назвать: троянская красавица, сколько мнѣ извѣстно, была женщина вполнѣ разцвѣтшая, въ соку, тогда-какъ Наденька — ребёнокъ. Но она, слова нѣтъ, мила, даже очень... Видно, что ей и непривычно, неловко въ длинномъ платьѣ, и въ то же время хотѣлось бы казаться взрослой; застѣнчивость дитяти, съ эксцентричными порывами первой самостоятельности, и придаетъ ей эту особенную привлекательность.

— Браво! такъ она тебя нравится? malgré, что незрѣлый крыжовникъ?

— Я и не возставалъ противъ незрѣлаго кры-

жовника; меня удивляло одно: какъ ты, человѣкъ столь рафинированный, могъ прельститься ею; теперь отдаю полную честь твоему вкусу. Похвально также, что онѣ съ Лизой не шнуруются: безъ корсета талья обрисовывается куда пластичнѣе, рельефнѣе, и въ то же время не даетъ повода опасаться, что переломится при первомъ дуновеніи. Да и въ умственномъ отношеніи Наденька, кажется, не изъ послѣднихъ: немногія слова, сказанныя ею, были такъ логичны...

— Та, та, та! Это что? воскликнулъ Куницынъ. — Пошелъ расхваливать! Ужъ не собираешься ли ты отбить ее у меня!

— А еслибы? Она и мнѣ болѣе Монички нравится.

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста не тронь. Ты ее знаешь всего съ сегоднишняго дня, значитъ, не такъ привязался къ ней... Условіе, господа: каждый изъ насъ выбираетъ себѣ одну для ухаживанья и, какъ вѣрная тѣнь, слѣдитъ за нею; другими словами: не вмѣшивается въ дѣла остальныхъ тѣней. Насъ трое и ихъ три, точно на заказъ. Вы, m-r Змѣинъ, берете, разумѣется, Лизу?

Змѣинъ поморщился.

— Да полно вамъ кокетничать! Кому-жъ, какъ не вамъ, играть съ нею въ шахматы? кто, кромѣ васъ, выдержитъ съ этой флегматической докой? Не

взыщите за правду. Я не постигаю только, какъ вы еще не сходите съ ума отъ нея? Совсѣмъ одинъ съ вами темпераментъ, точно изъ одной формы вылиты, а наружность и тѣлеса — въ своемъ родѣ magnifiques.

— Это такъ, торсъ славный. Еслибъ и умъ ея былъ въ половину такъ роскошенъ...

— А почемъ вы знаете, каковъ у нея умъ? Изслѣдуйте напередъ. Это по вашей части: изслѣдованія, анализъ, химія!

— Къ тому же, подхватилъ Ластовъ, — хотя она и изъ студентокъ, но, какъ кажется, не поставляетъ себѣ главною цѣлію поимку жениха; ужъ одно это должно бы возвысить ее въ твоихъ глазахъ.

— Знаемъ мы этихъ весталокъ новаго покроя! отвѣчалъ Змѣинъ. — Пока не нашлось обожателя, дѣвушкѣ, конечно, ничего не стòитъ играть неприступную; а попробуй возгорѣть къ ней безкорыстно-благороднымъ огнемъ, сирѣчь намекни ей про законныя узы — она тутъ же бросится въ объятія къ тебѣ, какъ мошка въ пламя свѣчи, съ рискомъ даже опалить крылья.

— Mais, mon cher ami, вы разстроиваете весь нашъ планъ. Какъ же быть намъ, если вы отказываетесь отъ Лизы?

— Да я пожалуй сыграю съ нею нѣсколько пар-

тій въ шахматы, чтобы вы съ Ластовымъ могли утолить первый позывъ вашей любовной жажды. Но не пѣняйте, если я, въ случаѣ невозможности выдержать, поверну оглобли.

— Можете. Я съ своей стороны на столько довѣряю Лизѣ, что надѣюсь, что она не такъ-то скоро отпуститъ васъ. Итакъ, вашъ предметъ — Лиза? рѣшено?

— Рѣшено.

— Мой — Наденька, это также рѣшено; значитъ, на твою долю, Ластовъ, остается одна Моничка, Саломонида, Salomé!

— И то хлѣбъ. Вѣдь ты, Куницынъ, не воспрещаешь говорить иногда и съ твоей красоткой?

— Куда ни шло — можешь.

— И за то спасибо.

— Вы, господа, готовы? спросилъ Змѣинъ, перевѣшивая послѣдніе доспѣхи свои черезъ спинку стула и подлѣзая подъ перину.

— Вотъ ужъ скоро двадцать лѣтъ, сострилъ Куницынъ.

Змѣинъ задулъ свѣчу.

— Это зачѣмъ? спросилъ тотъ. — При свѣтѣ болтается гораздо веселѣе.

— То-то вы проболтали бы до зари, а встать надо съ пѣтухами. Buona notte!

— Кланяйтесь и благодарите, отвѣчалъ, смѣясь, правовѣдъ, повторяя любимое, какъ онъ замѣтилъ, выраженіе Змѣина.

— Тѣмъ временемъ, въ другой комнатѣ гостиницы происходилъ разговоръ между дѣвицами, почти тождественный съ вышеприведеннымъ.

Липецкія распорядились о ночлегѣ своевременно, и имъ отвели два номера въ бель-этажѣ, въ двѣ кровати каждый. Моничка и Наденька просились спать вмѣстѣ; г-жа Липецкая хотѣла было отказать, но когда и Лиза ввернула свое доброе слово: — Да дайте же имъ погулять! не вѣкъ же пробудемъ за границей, — она, сообразивъ, что и вправду рѣзвушки не дадутъ ей сомкнуть глазъ, если она одну изъ нихъ возьметъ къ себѣ, махнула рукой:

— А Богъ съ вами! Дѣлайте, что̀ хотите.

— Давно бы такъ, сказала Моничка. — Надя, allons.

Онѣ порхнули по коридору въ свои новыя, неоспоримыя владѣнія. Притворивъ плотно дверь къ владѣніямъ двухъ старшихъ дамъ: — Намъ не помѣшаютъ, и мы не помѣшаемъ. — Моничка раскрыла окно и вывѣсилась за него.

— Досадно, что такъ высоко! замѣтила она: — опять бы повояжировать.

Наденька вспомнила недавнюю интермедію изъ-за вчерашняго вояжа и надулась.

— А какой же онъ противный! Слушаетъ, точно агнецъ, точно ничего и не понимаетъ, а самъ только придумываетъ, какъ бы поосновательнѣй пристыдить насъ.

— Кто? Змѣинъ? Матеріалистъ, грубый, неотесанный матеріалистъ! Да развѣ отъ университанта можно ожидать чего-нибудь лучшаго? Какъ я его за-то и отщелкала! Ты слышала? „Вы, говорю, мальчишка, мы васъ презираемъ, сударь!“ Ха, ха!

— Его это, однако, кажется, не очень тронуло.

— Не очень тронуло! Въ немъ нѣтъ ни капли врожденнаго благородства, оттого и не тронуло. Ты думаешь, что истинно-образованный человѣкъ принялъ бы такъ легко мои слова? А съ него, какъ съ рыбы вода.

— Какъ съ гуся, хочешь ты сказать.

— Ну, все равно. То ли дѣло правовѣдушка! Вотъ милашка, такъ милашка! настоящій pur sang, душенька! Такъ бы взяла, кажется, за оба ушка да и расцѣловала тысячу разъ!

— Что-жъ? попробуй. Онъ, я думаю, и самъ не откажется: и ты вѣдь милашка, а — qui se ressemble, s'assemble. Но я все-таки не понимаю, какъ можно рѣшиться поцѣловать его, правовѣда!

— Отчего же нѣтъ? Цѣловать мы, женщины, имѣемъ, я думаю, такое же право, какъ мужчины;

Куницынъ же болѣе чѣмъ кто-либо достоинъ женскихъ поцѣлуевъ: онъ и un homme très gentil и un vrai gentilhomme.

— То есть фатъ? ходячая модная картинка?

— Такъ что-жъ такое? Ты слишкомъ взыскательна, ma chère: если человѣкъ хорошъ, то долженъ и культивировать свою красоту, какъ культивируютъ, par exemple, какой-нибудь талантъ. Ты сама говорила, что въ прекрасномъ тѣлѣ должна заключаться и прекрасная душа.

— Моничка, Моничка! Ты, кажется, уже по уши влюблена въ него. Это тѣмъ грустнѣе, что онъ занятъ не тобой, а мной: и въ Интерлакенѣ онъ слѣдилъ только за мной, и здѣсь за чаемъ относился все болѣе ко мнѣ.

— Какъ ты воображаешь себѣ, Наденька! Въ Интерлакенѣ мы ходили съ тобою всегда вмѣстѣ, слѣдовательно нельзя опредѣлительно сказать, къ которой именно изъ насъ относилось его вниманіе; когда онъ заговорилъ съ нами, то обратился къ тебѣ, можетъ быть, только затѣмъ, чтобы замаскировать свои чувства, а сегодня вечеромъ... да вотъ еще, когда онъ разсказывалъ про парижскихъ львицъ, то сдѣлалъ мнѣ комплиментъ, что я стою любой изъ нихъ; потомъ...

Наденька расхохоталась.

— Ты, моя милая, какъ Марья Антоновна въ Ревизорѣ: „И какъ говорилъ про Загоскина, такъ взглянулъ на меня, и какъ разсказывалъ, что игралъ вистъ съ посланниками, то опять взглянулъ на меня.“

— Ну да! Ты вѣчно съ своими русскими сочинителями. Но мой правовѣдъ — человѣкъ симпатичный, не то, что эти два медвѣдя . . . По твоему, пожалуй, этотъ блѣдный, долговязый лучше?

— Разумѣется, во сто разъ лучше.

— Да вѣдь онъ глупенькій! Впродолженіе всего вечера сказалъ какія-нибудь два-три слова.

— Значитъ, молчаливъ и хотѣлъ напередъ разглядѣть насъ. Помнишь, какъ любезно принялъ онъ нашу сторону въ Висбаденѣ за рулеткой?

— Очень нужно было! Еслибъ онъ не вмѣшался, то я потеряла бы этотъ первый гульденъ да съ тѣмъ бы и ушла; а то по его милости спустила все, что имѣла съ собою.

— Ты забываешь, Моничка, что и я проиграла всѣ бывшія при мнѣ деньги, но, какъ видишь, не сержусь на виновника нашей бѣды; чѣмъ же виноватъ онъ, что мы не могли удержаться отъ игры? Онъ поступилъ только весьма любезно. А что до его наружности, то черты у него правильныя, классически-благородныя; обхожденіе хотя не такое ухор-

ское, какъ у Куницына, за-то болѣе натуральное, стало быть, и болѣе приличное.

— Отчего не классически-приличное? Я, впрочемъ, очень довольна, что вкусы наши расходятся: не помѣшаемъ, значитъ, другъ другу. Вы съ Лизой обворожайте своихъ классиковъ; я удовольствуюсь даже правовѣдомъ, хотя онъ, какъ ты увѣряешь, и плѣненъ уже тобой! Что, сударыня, завидно?

— Ни чуть. Наслаждайся имъ, сколько душѣ угодно.

— Да? ты обѣщаешься не мѣшать мнѣ?

— Слово гимназистки! усмѣхнулась Наденька, поднимая вверхъ торжественно три пальца.

— Cela suffit. Une femme d'honneur n'a que sa parol.

VI.

О комарахъ и сновидѣніяхъ.

Настало утро. На гисбахской пристани толпился народъ. Отъ Бріенца приближался, усердно пыхтя, небольшой пароходикъ. Наши русскіе были въ числѣ ожидающихъ. Пароходъ ударился о дебаркадеръ, и толпа повалила на палубу. Русская молодежь усѣлась на табуреткахъ въ тѣсный кружокъ.

— Какъ вы почивали? обратился къ барышнямъ Ластовъ. — Не помѣшалъ ли вамъ водопадъ?

Наденька, казалось, совѣстилась начать разговоръ и смолчала; Моничка не считала нужнымъ отвѣчать на вопросъ „долговязаго университанта“. Отвѣтъ остался за Лизой.

— Помѣшалъ-таки, сказала она: — шумитъ такъ, что стёкла дребезжатъ. Съ непривычки трудно заснуть. Болѣе, однако, надоѣдали комары, и еслибы не одна уловка съ моей стороны...

— Ваша правда, подхватилъ Куницынъ: — комаровъ здѣсь легіонъ. Воевалъ я съ ними, воевалъ — силъ не стало.

— А, такъ это ты билъ такъ звонко въ ладоши? спросилъ Ластовъ. — Я думалъ: неужто Змѣинъ?

— Нѣтъ, я; да вѣдь вплоть до зари, бестіи, не давали сомкнуть глазъ! Кусаются, какъ собаки. Вѣроятно и послѣ кусали, да усталость одолѣла, заснулъ. Жужжатъ у тебя подъ самымъ ухомъ; въ темнотѣ ихъ и не разглядишь. Съ перваго-то начала я отмахивался платкомъ, да никакого толку: отгоню, опущусь на подушки — а они опять тутъ какъ тутъ. Наконецъ, я вышелъ изъ себя и давай рубить сплеча и праваго, и виноватаго: поутру весь полъ около моей кровати, какъ поле битвы, былъ усѣянъ вражескими трупами.

— Вы человѣкъ горячій, сказалъ Змѣинъ, — и принимаете все къ сердцу; я съ своей стороны не вижу, чего тутъ безпокоиться? Пусть пососутъ маленько: насъ отъ этого не убудетъ, имъ же надо чѣмъ-нибудь пропитаться. Къ чему хлѣбъ отнимать? Мое правило: Leben und leben lassen.

— Хорошо вамъ разсуждать: обросли кругомъ непроходимымъ муромскимъ лѣсомъ; тутъ и самому отчаянному комару-разбойнику не проникнуть.

— Ничего, проникали; только я не удостоивалъ вниманія. Одинъ изъ самыхъ бойкихъ запутался даже въ моихъ бакахъ и давай пищать благимъ матомъ. Я человѣкъ съ сердцемъ и не могу видѣть чужихъ мученій: взялъ, высвободилъ осторожно ножки шалуна и пустилъ его на волю. Потомъ, въ сознаніи сдѣланнаго добраго дѣла, заснулъ безмятежно сномъ праведныхъ.

— Вы, должно быть, большой лимфатикъ, замѣтила теперь Наденька: — большая часть людей не можетъ вынести пискъ этихъ неотвязчивыхъ пѣвуновъ. Звенитъ комарикъ, распѣваетъ вкругъ тебя гдѣ-то въ воздухѣ, все ближе и ближе; вотъ-вотъ, кажется, сядетъ; но нѣтъ, отлегаетъ и снова заводитъ свою задорную серенаду. Это ожиданіе бѣды мучительнѣе самой бѣды.

— Совершенно справедливо, подтвердилъ Ластовъ.

— Но если защититься отъ нихъ какъ слѣдуетъ, то можно слушать ихъ довольно хладнокровно. Такъ я, ложась ввечеру, придвинулъ къ изголовью стулъ, распустилъ черезъ ручку его и свою голову плэдъ и обезпечилъ себя такимъ образомъ отъ дальнѣйшихъ нападеній маленькихъ надоѣдалъ. Дышать было свободно, потому-что между изголовьемъ и стуломъ оставался еще промежутокъ; выдыхаемая углекислота опускалась по тяжести къ полу и замѣнялась оттуда немедленно струею чистаго воздуха. Комары распѣвали вокругъ моей головы попрежнему, но проникнуть до меня не имѣли уже физической возможности. Съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ внималъ я ихъ концерту, слагая изъ напѣвовъ ихъ, то глубоко-басистыхъ, то пронзительно-звонкихъ, мелодіи штраусовскаго вальса, пока, убаюканный, не задремалъ.

— Я распорядилась пообстоятельнѣе, сказала Лиза. — У меня обыкновеніе читать въ постели; вчера, когда начали докучать комары, я пошла со свѣчою въ смежную комнату, гдѣ почивали Моничка и Наденька, и поставила свѣчу на полъ. Дѣвушки спали, какъ убитыя, потому комары не могли обезпокоить ихъ. Когда, по моему разсчету, всѣ комары изъ нашей спальни перелетѣли къ нимъ, къ свѣту, я задула свѣчу. Потомъ вернулась къ себѣ и плотно

притворила дверь. Средство оказалось радикальнымъ: въ комнатѣ не осталось ни одного комара.

— А мы удивлялись, откуда взялась у насъ поутру такая пропасть ихъ и свѣча на полу! воскликнула Моничка.

— Она всегда такъ, сказала Наденька; — вотъ какъ искусали — просто ужасти! прибавила она, разглядывая съ комическимъ отчаяньемъ свои красивыя, полныя руки, испещренныя до локтей красными пятнами.

— Въ самомъ дѣлѣ! подхватила Моничка, осматривая и свои руки; и меня тоже! C'etait bien méchant, Lise! Я думаю, и на лицѣ есть слѣды?

— Есть-таки! засмѣялась Наденька; — но тебѣ это идетъ.

— Grand merci! Въ наши лѣта можно, кажется, обойтись и безъ косметическихъ средствъ. Ты впрочемъ очень-то не радуйся, ангелъ мой: ты сама въ пятнахъ.

— Ничего, пройдетъ. Пройдетъ, господа натуралисты?

— Пройдетъ, успокоилъ Ластовъ. — Комары принесли вамъ даже нѣкотораго рода пользу; не пусти они вамъ крови, я увѣренъ, вы не выспались бы такъ славно, не видали бы такихъ вещей во снѣ.

— Какихъ вещей?

— Да всего того, что молодыя дѣвушки любятъ видѣть во снѣ; гдѣ же намъ знать!

— А интересно бы! подхватилъ Куницынъ. — Говорятъ, что если спишь въ первый разъ подъ кровлею дома, то все, что приснится, и сбудется на дѣлѣ? Mesdames, будьте великодушны, разскажите ваши сегоднишніе сны.

— Какой вы любопытный! кокетливо улыбнулась Моничка. — Если вы приснились мнѣ — неужели также разсказывать?

— А то какъ же? certainement; franchise avant tout. Мы въ Швейцаріи, въ странѣ откровенности и свободы.

— Вишь, вы какой!

— Да вамъ-то я пожалуй и не приснился . . .

— А! такъ вы думаете, что приснились одной изъ другихъ дѣвицъ? Поздравляю васъ, mesdames! Кому-жъ-то изъ васъ приснился m-r Куницынъ?

— Не мнѣ! поспѣшила увѣрить Наденька.

— Мнѣ и подавно нѣтъ, сказала Лиза.

— Вотъ видите ли, Ѳома невѣрующій? А мнѣ вы приснились!

— Такъ разскажите, какъ и что.

Маленькая брюнетка лукаво засмѣялась.

— Я думаю, лучше не разсказывать.

— Почему же нѣтъ?

— Вѣроятно, ты предсталъ не въ очень лестномъ для тебя свѣтѣ, предположилъ Ластовъ.

— Cela ne fait rien: d'une demoiselle tout est лестно. Racontez, m-lle, je vous en prie.

— Eh bien, m-r, si vous l'exigez infailliblement...

Фантазія у Монички оказалась довольная бойкая. Не задумываясь, она тутъ же сложила цѣлый волшебный сонъ.

Ей снилась — разсказывала она — тѣнистая роща при серебристомъ мерцаніи луны. Подъ прохладнымъ навѣсомъ деревъ, на бархатной муравѣ, пляшетъ группа нимфъ, облеченныхъ въ воздушныя, коротенькія платьица, на подобіе балетныхъ танцовщицъ. Является молодой, прекрасный рыцарь, съ зеленымъ, стоячимъ воротникомъ, въ треуголкѣ, и спящая узнаётъ въ немъ — m-r Куницына. Хороводъ нимфъ окружаетъ его и въ звучныхъ пѣсняхъ упрекаетъ его въ невѣрности: „И на мнѣ обѣщался жениться, и на мнѣ, и на мнѣ!“ Рыцарь въ смущеніи клянется, что съ своимъ бы удовольствіемъ женился на любой изъ нихъ, но какъ многоженство въ благоустроенномъ государствѣ нетерпимо, то онъ, достойный сынъ богини правосудія, не желаетъ обидѣть ни одной изъ нихъ и лучше отрекается отъ всей честной компаніи; говоря такъ, онъ пытается улизнуть. Дѣвы съ крикомъ удерживаютъ его за фалды и увлекаютъ

съ собою. „Къ Пиѳіи, къ великой жрицѣ! вопіютъ онѣ: — она разрѣшитъ сомнѣніе, кому изъ насъ владѣть коварнымъ измѣнникомъ.“ Надъ пещерой, изъ которой валитъ густой, смрадный дымъ, возсѣдаетъ на треножникѣ, въ облакахъ дыма, древняя, поросшая мхомъ старушёнка. Рыцарь граціозно падаетъ ницъ. Но, странное дѣло! вглядываясь пристальнѣе въ черты жрицы, спящая узнаётъ въ ней — также m-r Куницына! Значитъ, двое m-rs Куницыныхъ: и судья, и подсудимый. Судья собирается только-что изречь роковой приговоръ надъ своимъ двойникомъ — какъ вдругъ Гисбахъ, Богъ-вѣсть откуда взявшійся, низвергается съ высоты съ глухимъ, ошеломительнымъ ревомъ и заливаетъ собою и Пиѳію, и рыцаря, и обиженныхъ дѣвъ. Буря понемногу улегается, изъ-за тучъ выплываетъ ясный мѣсяцъ и надъ зеркаломъ водъ начинаютъ порхать чайки. Картина въ родѣ послѣдней въ Корсарѣ. Вотъ вынырнула голова, вотъ другая, третья, десятая. Это души утопшихъ, но преображенныя: онѣ въ тѣхъ же коротенькихъ, газовыхъ платьяхъ, но лица ихъ — фотографическіе снимки съ облика m-r Куницына: онѣ умерли любя и потому въ смерти приняли образъ возлюбленнаго. Апоѳеоза: весь хоръ новорожденныхъ m-rs Куницыныхъ выходитъ на берегъ и, отряхнувшись отъ воды, затѣваетъ кадриль, дивную, достойную

первыхъ львицъ мабиля. Мѣсяцъ, принявшій на радостяхъ также образъ m-r Куницына, спустился на землю и, умильно ухмыляясь, любуется изъ-за кустовъ трогательной сценой.

— Un songe remarquable... промолвилъ недовѣрчиво правовѣдъ, когда Моничка окончила свой разсказъ. — Et vous l'avez effectivement vu?

— Eh sans doute! смѣялась въ отвѣтъ новая Шехеразада. — Кто изъ васъ, mesdames и messieurs, разрѣшитъ его?

— Наденька разрѣшитъ, сказала Лиза: — она вѣчно воображаетъ себя героиней какого-нибудь романа, и одно время, когда считала себя Татьяной Пушкина, обзавелась даже гадательной книгой, чуть ли не Мартыномъ Задекой. Повѣрите ли: восемь разъ перечла Онѣгина!

— Совсѣмъ не восемь! возразила обиженная гимназистка.

— А сколько же?

— Семь.

— Да, это, конечно, меньше. Она у меня олицетворенная поэзія, сама даже осѣдлываетъ Пегаса, и еще вчера...

— Ну, что это, Лиза? какая ты болтушка! Никогда тебѣ больше не буду показывать!

— Вы съ Ластовымъ, значитъ, одного поля

ягодки, сказалъ Змѣинъ: — онъ тоже вчера еще прочелъ мнѣ пьеску, въ которой есть и „грезы“, и „слезы“, и „созвучіе сердецъ“.

Наденька встрепенулась.

— Ахъ, Левъ Ильичъ, прочтите ее намъ!

— Съ условіемъ, чтобы и вы прочли свою.

— Ни за что въ мірѣ!

— M-lle Nadine, вмѣшался Куницынъ, — оставьте на минуту поэзію и помогите намъ разрѣшить сонъ вашей кузины.

— Нѣтъ, нѣтъ, Лиза пошутила. Кто изъ насъ здѣсь старше? Тотъ пусть и разрѣшитъ.

— Старше всѣхъ, кажется, m-r Змѣинъ. За нимъ, значитъ, и очередь.

— Разрѣшить значеніе сна, сказалъ Змѣинъ, — я не берусь, потому-что всякіе сны — неразрѣшимая чепуха; но почему именно вы, г-нъ Куницынъ, приснились Саломонидѣ Алексѣвнѣ — могу объяснить.

— Да это все равно. Объясняйте.

— Вы, Саломонида Алексѣвна, вѣроятно поужинали вчера довольно плотно?

— Не скажу. Чашки двѣ чаю, бутербротовъ съ медомъ — штуки три, да жаркого и сыру ломтика по три.

— Гм, недурно; по вашему это мало? На ночь вообще много ѣсть не годится. Мнѣ, однако, помнится, что, послѣ чаю, вы покушали и земляники?

— Ахъ да, про нее я забыла. Земляники я, въ самомъ дѣлѣ, съѣла изрядную порцію. Она здѣсь такая сочная, и сливки къ ней были такія чудныя, густыя-прегустыя . . .

— Вотъ видите ли. Оказывается, что вы легли съ переполненнымъ желудкомъ. Желудокъ, въ переполненномъ состояніи, производитъ давленіе на окружающіе кровеносные сосуды. Кровь, не имѣя возможности идти къ нижнимъ конечностямъ, гонится въ arteriae carotes, въ голову; оттого и грезы.

Моничка, видимо разочарованная такимъ прозаическимъ объясненіемъ натуралиста, съ неудовольствіемъ отвернулась.

А цѣлый вечеръ, подхватила экс-студентка, — благодаря краснорѣчію г-на Куницына, ты не видѣла и не слышала ничего, кромѣ него; понятно, что и присниться тебѣ долженъ былъ онъ.

— Но я, хоть и слышала цѣлый вечеръ одного m-r Куницына, необдуманно брякнула Наденька, — а видѣла во снѣ не его . . .

— Кого же? усмѣхнулась старшая сестра.

Гимназистка замѣтила тутъ свою наивность и, не зная, какъ поправиться, зардѣлась.

Между тѣмъ пароходъ, загнувъ въ голубую Ааръ, приближался къ интерлакенской пристани. Шипя и качаясь, причалилъ онъ къ берегу, и все

засуетилось около мостика, переброшеннаго съ пристани.

VII.

Двѣ кокетливыя альпійскія дѣвы.

Отель *R.*, въ которой остановились Липецкія и Куницынъ, въ которой искали теперь пристанища и наши натуралисты, принадлежитъ къ интерлакенскимъ гостиницамъ, наиболѣе посѣщаемымъ сезонными гостями, такъ-что, хотя при ней и имѣется нѣсколько второстепенныхъ строеній (такъ-называемыхъ *dépendances*) и по сю, и по ту сторону дороги, однако, въ описываемый нами день оказалась въ ней свободною одна лишь комната, которою друзья и рѣшились удовольствоваться на первое время, но въ которой они оставались и до самаго отъѣзда изъ Интерлакена.

Ластовъ отправился на противоположный берегъ Ааръ, на почту, узнать, не пришло ли изъ Россіи писемъ, да кстати захватить чемоданы, свой и Змѣина, пересланные ими сюда уже изъ Базеля. Писемъ не оказалось. Взваливъ чемоданы на плеча первому попавшемуся ему на углу носильщику, поэтъ вернулся въ отель, не давая себѣ еще времени осмотрѣть

хорошенько окружающій міръ. Дома они съ товарищемъ занялись разборкою своего имущества, вываливъ его предварительно въ живописномъ безпорядкѣ на кровать и диванъ.

Скрипнула дверь, и на порогѣ показалась молодая горничная, съ огромнымъ фоліантомъ подъ мышкой.

— Извините, если я обезпокою господъ, проговорила она по-нѣмецки, на твердомъ, характерномъ діалектѣ дѣтей Альповъ. — У насъ уже такое заведеніе, чтобы пріѣзжіе вписывались въ общую книгу.

— Отличное заведеніе, красавица моя, отвѣчалъ Ластовъ, съ удовольствіемъ разглядывая дѣвушку.

Полная, прекрасно сложенная, имѣла она глаза большіе, бархатно-черные; на здоровыхъ, румяныхъ щекахъ восхитительныя ямочки, носъ слегка вздернутый, но тѣмъ самымъ придававшій всему лицу выраженіе милаго лукавства. Одѣта она была въ національный бернскій костюмъ, съ пышными бѣлыми рукавами, съ серебряными цѣпочками на спинѣ.

— Вотъ чернила и перо, сказала она, перенося съ комода на столъ письменный приборъ и раскрывая книгу. — Не угодно ли?

Ластовъ укладывалъ въ комодъ бѣлье.

— Распишись ты, Змѣинъ, сказалъ онъ; — я послѣ.

Тотъ взялъ перо, обмакнулъ его и заглянулъ въ книгу.

— Эге! правовѣдъ-то твой какъ расписался: „Sergius von-Kunizin, Advocat aus St.-Petersburg.“ Послѣ этого намъ съ тобою естественно нельзя назваться проще, какъ „Naturforscher“, съ тремя восклицательными знаками.

Сказано — сдѣлано.

Къ столу подошелъ Ластовъ, наклонился надъ книгой и усмѣхнулся. Зачеркнувъ въ писаніи друга слово „Naturforscher“, онъ надписалъ сверху: „Naturfuscher“, и самъ расчеркнулся снизу: „Leo Lastow, dito.“

— Naturfuscher? спросила съ сдержаннымъ смѣхомъ швейцарка, глядѣвшая черезъ его плечо.

— Да, голубушка моя, Naturfuscher. Мы портимъ природу по мѣрѣ силъ; затѣмъ вѣдь и въ Швейцарію къ вамъ пожаловали.

— Какъ же это вы портите природу?

— А разрушаемъ скалы, рѣжемъ животныхъ, срываемъ безжалостно душистые цвѣточки, ловимъ блестящихъ насѣкомыхъ; бѣда душистымъ цвѣтамъ и блестящимъ насѣкомымъ! И васъ я предостерегаю. Уничтожать — наша професія, и самое великое — ну, что выше вашихъ Альповъ, воздымающихся гордо въ самыя облака — и тѣ трепещутъ насъ: дерзко пожираемъ мы ихъ... глазами, и вызываемъ яркій румянецъ на бѣлоснѣжныхъ ланитахъ ихъ. А вы какъ объясняли себѣ вечернее сіяніе Альповъ?

— Да, кажется, ваша правда, отвѣчала дѣвушка, невольно раскраснѣвшаяся подъ неотвязчивымъ взоромъ молодого Naturfuscher'a; — вотъ и я покраснѣла; вѣроятно отъ того же.

Ластовъ наклонился надъ чемоданомъ.

— Не краснѣйте: я не буду смотрѣть. Кстати или, вѣрнѣе, не кстати: въ которомъ часу у васъ обѣдаютъ? Я, какъ волкъ, проголодался.

— Обѣдаютъ? въ два. Но я попросила бы васъ, господа, сойти въ садъ: тамъ вы найдете другихъ русскихъ; я тѣмъ временемъ и вещи ваши прибрала бы.

— Чтобы вамъ потомъ не раскаяться, предостерегъ Ластовъ: — товаровъ у насъ гибель.

— Вы очень милы, mamsel, вмѣшался тутъ Змѣинъ: — у меня ужъ и въ поясницѣ заломило. Бѣлье вы уложите вонъ въ этотъ ящикъ, гребенку и щетку отнесите на комодъ... Да вамъ, я думаю, нечего объяснять: нѣмки на счетъ порядка собаку съѣли. Я вамъ за-то и ручку поцѣлую — если, само собою разумѣется, вамъ это доставитъ удовольствіе, ибо, что касается спеціально меня, то я лишь въ крайнихъ случаяхъ рѣшаюсь на подобныя любезности.

— А я въ губки поцѣлую, подхватилъ въ томъ же тонѣ Ластовъ: — если, само собою разумѣется, вамъ это доставитъ удовольствіе, въ чемъ впрочемъ

ни чуть не сомнѣваюсь, ибо самъ записной охотникъ до подобнаго времяпрепровожденія.

— Прошу, сударь, безъ личностей, съ достоинствомъ отвѣчала молодая швейцарка; — не то уйду.

— Ой-ой, не казните, велите миловать.

— Ну, такъ ступайте вонъ; я уже уложу все куда слѣдуетъ.

— Да какъ же величать васъ, милая недотрога? вѣроятно Діаной?

— Marie.

— Прелестно! На Руси у насъ, правда, зовутъ такъ обыкновенно кошекъ: „Кс, кс, Машка, Машка!“ Но кто васъ знаетъ: можетъ быть, и вы маленькая кошечка?... Знаете, я буду называть васъ „Mariechen“; можно? Опять насупились! Не гнѣвитесь, о грозная дѣва! Мы идемъ, идемъ. Змѣинъ, живѣй: какъ разъ еще въ уголъ поставятъ.

Уходя, Ластовъ хотѣлъ ухватить швейцарку за подбородокъ, но та увернулась и стала серьезно въ сторонѣ. Смѣясь, молодые люди спустились съ лѣстницы и пошли бродить по Интерлакену.

Интерлакенъ — не то городъ, не то деревня. Нѣсколько грандіозныхъ отелей, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, пансіоновъ, нѣсколько небольшихъ обывательскихъ домиковъ, также приспособленныхъ къ принятію „пансіонеровъ“, — вотъ и весь Интерлакенъ.

Отели, окруженныя цвѣтущими садами, почти всѣ расположены по правой сторонѣ главной алеи (если ѣхать отъ Бріенца); за ними бѣжитъ быстрая, бирюзовая Ааръ, а непосредственно за Ааръ, возвышаются Гобюль (Hohbühl) и крутизны Гардера. По лѣвую руку тянется рядъ вѣковыхъ лиственныхъ деревъ: дубовъ, ясеней, липъ, и невысокая каменная ограда, за которою разстилаются тучныя нивы, ограничиваемыя въ дали синевато-зелеными горами: Брейтлауеномъ, Зулекомъ, Абендбергомъ и Ругенами, большимъ и малымъ. Въ промежуткѣ между двумя первыми гордо воздымается неприступная, прекрасная царица бернскихъ Альповъ, Юнгфрау, покрытая вѣчными снѣгами, отъ которыхъ по всему ландшафту разливается какое-то чудно-свѣтлое сіяніе. Особенно хороша она въ солнечный полдень, когда чистое, бѣлое тѣло ея, ничѣмъ неприкрытое, тихо млѣетъ и искрится подъ горячими лучами свѣтила, и только тамъ и сямъ игривое облачко легкой кисеей скользитъ по изящному склону ея плечъ. Но едва ли не лучше еще она часу въ 8-мъ вечера, когда заходящее солнце окрашиваетъ блѣдныя красы ея теплымъ румянцемъ и вся она какъ-бы одушевляется, оживаетъ. Смòтрите вы, смòтрите, любуетесь безъ конца. Наглядѣлись наконецъ, пошли своей дорогой — и опять оглядываетесь и, какъ прикованные къ мѣсту, начинаете вновь любоваться —

такую неодолимую притягательную силу оказываетъ на смертныхъ неземная дѣва горъ. Своенравная, однако, какъ всякая дѣва, она, если не захочетъ показаться вамъ, то и не покажется, напрасно вы станете и искать ее: съ вечера, плутовка, задернетъ передъ собою ночной пологъ и такъ и скрывается до утра; глядите, сколько угодно, въ направленіи къ ней, надѣясь высмотрѣть хоть очеркъ тѣла, — ничего не увидите, какъ только прозрачный горизонтъ, слегка задернутый бѣловатой дымкой. Вы никакъ не можете сообразить, что на этомъ самомъ мѣстѣ видѣли вчера цѣлую снѣжную гору, и начинаете мучиться сомнѣніемъ, не исчезла ли она и точно... А тутъ выглянуло солнце, разсѣялся пологъ ночныхъ тумановъ — и пышныя, яркія плечи дѣвы обнажаются передъ вами во всей своей дѣвственной красѣ. И мужчины, и женщины съ одинаковымъ удовольствіемъ любуются ею: мужчинъ плѣняетъ она, какъ красавица, недокучающая пустой болтовней и необижающаяся, если по часамъ и не заниматься ею; женщинъ — какъ прелестное созданіе, къ которому однако нѣтъ повода ревновать. Неудивительно, что Интерлакенъ, пользующійся сосѣдствомъ такого очаровательнаго существа, сдѣлался любимымъ мѣстопребываніемъ туристовъ. Отсюда предпринимаются экскурсіи въ романтическія окрестности; здѣсь отдыхаютъ на волѣ

отъ этихъ экскурсій, нерѣдко довольно утомительныхъ. Игорнаго дома въ Интерлакенѣ нѣтъ, общественныхъ баловъ не дается; вся жизнь сложилась на патріархальный, деревенскій ладъ: знакомства заключаются весьма легко, такъ-какъ всякій знаетъ, что, по выѣздѣ отсюда, вѣроятно уже никогда не встрѣтится съ здѣшними знакомыми; спать ложатся часу въ 10-мъ, потому-что многіе собираются спозаранку на экскурсіи; а физіономіи, даже поутру свѣжія и веселыя, не наводятъ унынія, подобно измятымъ лицамъ горожанъ.

А какъ хороши въ Интерлакенѣ вечера! Смеркнется; въ воздухѣ, напоенномъ теплою, благоухающею сыростью, тихо, неподвижно-тихо; развѣсистыя деревья, не шевеля ни листомъ, какъ-бы притая дыханіе, сплелись въ вышинѣ густымъ шатромъ. Темно, такъ темно, что не будь освѣщенныхъ оконъ отелей, изъ которыхъ льется трепетный полусвѣтъ, въ алеѣ ничего нельзя было бы разглядѣть, такъ-какъ уличныхъ фонарей въ Интерлакенѣ не полагается. Но сумракомъ еще увеличивается уютность вечера. Болтая, хохоча, прохаживаются взадъ и впередъ праздныя толпы, останавливаясь группами то тамъ, то здѣсь, послушать тирольцевъ или странствующихъ музыкантовъ, упражняющихся, среди кучки туземцевъ въ національныхъ нарядахъ, то передъ той, то передъ

другой отелью. Уставшіе бродить располагаются у входа кандитерской, гдѣ выставлено нѣсколько плетеныхъ столиковъ и стульевъ, и велятъ подать себѣ, по желанію, мороженаго, шоколаду, грогу.

Первый день пребыванія друзей - натуралистовъ въ Интерлакенѣ прошелъ для нихъ рѣшительно незамѣтно.

Въ садикъ пансіона *R.* выходитъ небольшой, двухэтажный флигель. Одна изъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ носитъ названіе садовой — Gartenzimmer, и служитъ мѣстомъ собранія пансіонеровъ въ свободное отъ ѣды и прогулокъ время. Есть въ ней фортепьяно, есть диваны по стѣнамъ и полка книгъ (по преимуществу французскихъ романовъ), есть на окнахъ горшки съ цвѣтами, заслоняющими своей густою зеленью даже наружный свѣтъ, отчего въ комнатѣ царствуетъ и въ свѣтлый полдень отрадный полусумракъ. Надъ входомъ въ Gartenzimmer распустился навѣсъ, весь изъ зелени: на желѣзныхъ, вертикальныхъ прутьяхъ, обвитыхъ широколиственнымъ ползучимъ растеніемъ, покоится желѣзный же скелетъ крыши, скрытый въ сочно-зеленый пологъ того же растенія.

Подъ этимъ-то навѣсомъ, въ ожиданіи послѣобѣденнаго вожделѣннаго аравійскаго напитка, сразились впервые на шахматномъ полѣ Змѣинъ и Лиза.

Первый убѣдился вскорѣ, что имѣетъ дѣло съ достойнымъ противникомъ. Куницынъ собралъ около себя цѣлую компанію слушателей, въ томъ числѣ и двухъ нашихъ героинь, въ Gartenzimmer; съ талантомъ и вкусомъ сыгралъ онъ на фортепьяно нѣсколько блестящихъ салонныхъ пьесъ. Ластовъ усѣлся въ одной изъ садовыхъ бесѣдокъ рисовать интерлакенскій монастырь.

Насталъ вечеръ. Началось обычное фланированіе по главной алеѣ; а тутъ уже и 10-й часъ, законное время къ отдохновенію отъ тяжкихъ дневныхъ трудовъ.

Когда Ластовъ проходилъ коридоромъ въ свою комнату, мимо него прошелестило женское платье. Онъ оглянулся и узналъ, при свѣтѣ лампы, Мари, молоденькую горничную, взявшуюся поутру прибрать ихъ вещи. Онъ назвалъ ее по имени; она остановилась.

— Чего прикажете?

— Мнѣ хотѣлось бы поболтать съ вами, Мари.

— Мнѣ некогда.

— Ну вотъ! Для меня найдется минутка. Я долженъ откровенно сказать вамъ, что немножко уже влюбленъ въ васъ; вы и не воображаете, какъ вы милы!

— Къ чему эти плоскіе комплименты, которымъ и повѣрить-то нельзя. Придумали бы хоть что поостроумнѣе.

— Да? Ну, такъ подайте же ручку.

— Это къ чему?

— Подайте, говорю я вамъ: будетъ остроумнѣе.

— Извольте — если ужъ необходимо нужно.

Схвативъ невинно протянутую къ нему руку, Ластовъ поднесъ ее къ губамъ.

— Ай! вскрикнула Мари, отдергивая ее съ быстротою, и продолжала, понизивъ голосъ: — какъ же это можно, сударь! онѣ у меня такія грубыя отъ работы...

— А губки у васъ негрубыя отъ работы?

И молодой Донъ-Жуанъ наклонился къ ней, чтобы удостовѣриться въ спрашиваемомъ. Дѣвушка отскочила и ретировалась на лѣстницу:

— Gute Nacht, Herr Naturfuscher!

Утро глядѣло уже свѣтло и жарко въ обитель Naturfuscher'овъ, когда проснулся одинъ изъ нихъ — Ластовъ. Онъ вскочилъ съ постели, протеръ глаза, взглянулъ на часы, лежавшіе на столѣ и показывавшіе 8, и подошелъ къ окну; цѣлую ночь оно оставалось настежъ, и жгучіе поцѣлуи солнца обдавали теперь поэта попеременно съ свѣжими струями утренней прохлады. Окно выходило на Юнгфрау, и, очарованный дивной картиной, юный сынъ Аполлона провелъ нѣкоторое время въ безмолвномъ созерцаніи ея.

— Змѣинъ, проговорилъ онъ наконецъ; — вставай, посмотри, что за душка.

Пріятель пробудился, потянулся и приподнялся на локоть.

— Душка? Ужъ не ты ли? Хорошъ, нечего сказать; decolté, какъ наши дѣвы.

— Какія дѣвы?

— Да, я и забылъ, что обѣщался не разсказывать.

— Нѣтъ, сказалъ Ластовъ, — я говорилъ не про себя, а про настоящую душку, про Юнгфрау, прелестную дѣву горъ.

— Однако, у тебя жажда любви дѣйствительно неодолима: даже въ гору влюбился, потому единственно, что она „Jungfrau". Ты, конечно, написалъ ей уже и хвалебный гимнъ?

— Нѣтъ, не успѣлъ еще; какъ одѣнусь, не премину. Однако и тебѣ, братъ, пора вставать; народы, я думаю, стекаются уже къ кофею.

Полчаса спустя друзья сходили въ столовую. Здѣсь застали они одну Лизу: она лечилась сыворотками и вставала аккуратно въ 6 часовъ; выпивъ въ кургаузѣ свою порцію всецѣлебныхъ Molken, она прогуливалась, согласно предписанію доктора, часовъ до 8-ми, и долѣе. Перебросившись съ нею двумя-тремя незначущими фразами, молодые люди, отпивъ кофе, вышли на улицу. У ограды возсѣдала прода-

вица черешень, столь же сочная и розовая, какъ плоды въ корзинѣ у нея. За полфранка отсыпала она друзьямъ въ шляпы по грудѣ спѣлыхъ черешень, и, отягощенные этимъ, въ полномъ значеніи слова сладкимъ бременемъ, вернулись они восвояси.

Комнатка ихъ была уже убрана. На столѣ красовался въ стаканѣ воды букетъ рододендроновъ, иначе — альпійскихъ розъ.

Змѣинъ взялъ книгу и устроился на диванѣ. Ластовъ сѣлъ къ раскрытому окну, писать — вѣроятно хвалебный гимнъ неземной дѣвѣ. Иногда одинъ изъ друзей сдѣлаетъ другому теоретическій вопросъ, тотъ отвѣтитъ — и снова воцарится молчаніе, прерываемое лишь скрипомъ пера или жужжаніемъ нечаянно влетѣвшей въ окошко пчелы. Пишетъ Ластовъ, пишетъ, вдругъ задумается, возьметъ нѣсколько черешень изъ лежащей на сосѣднемъ стулѣ кучки ихъ, вложитъ ихъ глубокомысленно въ ротъ, склонится головою на руку и глядитъ долго-долго, въ сладостной разсѣянности, на отдаленную горную красавицу. Изъ сада вносятся въ окошко теплымъ вѣтеркомъ благовонія акацій, левкоевъ, розъ — больше же розъ, которыми такъ изобилуетъ хорошенькій садикъ пансіона. Гардины надъ головою поэта чуть колышатся, а стора то надуется парусомъ, то опустится въ безсиліи, не смѣя шевельнуть ни складкой.

Около полдня растворилась дверь; въ комнату глянуло привѣтливое личико Мари.

— Господъ приглашаютъ къ прогулкѣ, объявила она.

— Приглашаютъ? повторилъ разсѣянно поэтъ; — кто приглашаетъ?

— Барышни — Липецкія.

Ластовъ повернулся на стулѣ къ товарищу.

— Слышалъ, братъ?

— Что? очнулся тотъ.

— Предметы наши стосковались по насъ.

— Очень радъ. Не мѣшай, пожалуйста.

— Да вѣдь насъ зовутъ; пойдемъ.

— Иди, если хочешь. Я на самомъ интересномъ мѣстѣ; нельзя же бросить.

— Вотъ тутъ-то и слѣдуетъ бросить: все время, пока не раскроешь опять книги, ты будешь въ пріятномъ ожиданіи; а какъ возьмешься читать, такъ сряду начнешь съ интереснаго мѣста. Двойная выгода.

— Резонно. Иди же, я сейчасъ буду; дочесть только главу.

— Знаемъ мы васъ! Ужъ лучше обожду.

Ластовъ съ веселой улыбкой обернулся къ посланницѣ, дожидавшейся еще у дверей отвѣта.

— Что-жъ вы не взойдете, Мари? Мы васъ не съѣдимъ.

— Кто васъ знаетъ, Naturfuscher'овъ-то? можетъ, и съѣдите.

— Не бойтесь, не трону; мнѣ надо сказать вамъ...

— Ну да, какъ вечоръ!...

Дѣвушка, однако, сдѣлала два коротенькіе шага въ комнату.

— Что вамъ угодно?

— Прежде всего — здравствуйте! Вѣдь мы съ вами еще не здоровались.

Мари засмѣялась.

— Здравствуйте-съ.

— Это вы принесли намъ альпійскихъ розъ?

— Какихъ альпійскихъ розъ?

— Да вонъ. на столѣ.

— Н-нѣтъ, не я.

— Кто же убиралъ нашу келью?

— Я.

— Такъ цвѣты, должно быть, сами влетѣли въ окошко?

Мари опять засмѣялась.

— Должно быть! Да еслибы и я принесла ихъ, что-жъ за бѣда?

— Бѣды бы тутъ никакой не было; я почелъ бы только своимъ долгомъ расцѣловать васъ.

— Вотъ еще! надула она губки.

— А вы что думали?

— У васъ въ Россіи, видно, поцѣлуи ни по чемъ.

— А у васъ они продаются? Нѣтъ, мы русскіе, на этотъ счетъ, какъ и вообще на всякій счетъ, народъ щедрый, особенно съ такими красавицами, какъ вы. Да вѣдь и милый же вашъ цѣлуетъ васъ безъ разбора, когда придется.

— Какой милый? У меня нѣтъ милаго.

— Ну вотъ! А съ кѣмъ вы шушукались вечоръ у барьера, противъ *Hôtel des Alpes?*

— То была не я, ей-Богу, не я; мало ли здѣсь дѣвушекъ. Я слишкомъ дорожу собою, чтобы позволять себѣ подобные поступки.

— Да какъ же? на головѣ у васъ былъ еще голубой платочекъ, на шеѣ пунцовый шарфъ, продолжалъ сочинять поэтъ; — неправда, что ли?

— Ха, ха! Платка я и въ жизнь не ношу, а шарфъ у меня хоть и есть, да не пунцовый, а оранжевый.

— Пунцовый ли, оранжевый — все одно; въ потемкахъ всѣ кошки сѣры. Не запирайтесь! Я догадываюсь, отъ кого вы научились скрытничать.

— Отъ кого-съ?

— Отъ Лотты въ Вертерѣ; вѣдь вы читали Вертера?

Мари важно кивнула головой:

— Еще бы!

— А вѣдь она была прехитрая, точно вы, продолжалъ Ластовъ: — любитъ въ душѣ Вертера, а все удерживается, не выдаетъ себя, въ финалѣ только растрогалась.

— Ужъ эта мнѣ Лотта! перебила съ сердцемъ молодая швейцарка. — Не понимаю, что̀ хорошаго находятъ въ ней мужчины? Всякая другая на ея мѣстѣ была бы безъ ума отъ Вертера, а она — какъ дерево, какъ ледъ.

— Ага, такъ вы изъ такихъ! По вашему, примѣръ Вертера достоинъ подражанія?

— Я думаю. Такихъ, какъ Вертеръ, ныньче и съ фонаремъ не отыщешь.

— Гм, да: и я полагаю, что такой нюни ныньче и съ фонаремъ не отыщешь. Въ сущности вѣдь онъ малый даровитый, неглупый, могъ бы приносить еще пользу человѣчеству, а чѣмъ занимается? Носится съ нелѣпѣйшею страстью къ чужой женѣ, и хоть бы пытался подавить это чувство, а то нѣтъ! находитъ еще какое-то тайное удовольствіе въ растравленіи своихъ сердечныхъ ранъ, какъ докторъ, слѣдящій съ сладостнымъ трепетомъ за ходомъ заразительной болѣзни, или какъ нищій, показывающій вамъ на улицѣ свои отвратительныя язвы, чтобы возбудить этимъ ваше состраданіе. „Если не дашь ничего, такъ хоть

похнычь для компаніи.“ Нечего сказать, примѣръ достойный подражанія.

— У всякаго свой взглядъ, г-нъ Ластовъ.

— А вы знаете, какъ меня зовутъ?

— Какъ же не знать, когда при мнѣ же расписались: „Leo Lastow, dito.“

— Могли бы забыть.

Дѣвушка, ничего не отвѣчая, потупилась.

— Я готовъ, объявилъ тутъ Змѣинъ, приподнимаясь съ дивана. Онъ подошелъ къ столу, оторвалъ уголокъ отъ хвалебнаго гимна поэта, заложилъ имъ книгу и опустилъ послѣднюю въ карманъ. — Идемъ.

— Идемъ. Мы съ вами, Мари, поратуемъ еще изъ-за Вертера.

— Дай-Богъ вамъ успѣха! потому-что надежды на успѣхъ для васъ очень мало-съ.

И она выпорхнула изъ комнаты.

VIII.

Корпорентъ, янки и эмансипированная.

Внизу дожидалось нашихъ друзей цѣлое общество. Знакомства, какъ выше замѣчено, заключаются въ Интерлакенѣ необычайно скоро; неудивительно, что настоящее общество состояло изъ людей, познако-

мившихся только на дняхъ или даже сегодня. Каждая страна прислала сюда своего представителя: были тутъ наши русскіе и нѣмецъ-студентъ изъ Дерпта; были коренные нѣмцы изъ Гамбурга, изъ Франкфурта; была молодая чета парижанъ, проводившая, по издревле принятому обычаю, медовый мѣсяцъ въ путешествіи по чужимъ краямъ; былъ наконецъ и кровный янки изъ американскаго запада. Для полноты колекціи недоставало только англичанина; но англичанинъ въ Интерлакенѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, свѣтоненавистничаетъ и дичится общества. Есть въ Интерлакенѣ даже привилегированныя отели, обитаемыя исключительно бѣлокурыми сынами Альбіона; но тамъ, говорятъ, такая тоска, что хоть вонъ бѣги: „торжественно-безмолвно совершается обѣдъ, торжественно-безмолвно — утренній и вечерній чай (впрочемъ, нѣкоторые пьютъ и кофе или джинъ); если околѣешь не отъ хандры, такъ отъ голода, ибо въ обществѣ этихъ баснословныхъ кавалеровъ спѣси и сплина всякій апетитъ уходитъ къ чёрту“, разсказывалъ вышеупомянутый дерптскій студентъ, имѣвшій несчастіе поселиться сначала въ Hôtel Jungfrau, одной изъ этихъ привилегированныхъ отелей.

Руина Уншпунненъ, къ которой потянулся нашъ караванъ, лежитъ въ $^3/_4$ часа ходьбы отъ Интерлакена и есть одно изъ самыхъ, такъ-сказать, казенныхъ

мѣстъ прогулокъ интерлакенскихъ пансіонеровъ. Дорожка къ ней пролегаетъ сначала между палисадниками хорошенькихъ обывательскихъ домиковъ, потомъ по орѣховой алеѣ и, обогнувъ малый Ругенъ, ступаетъ въ сосновый лѣсъ.

Броннъ, дерптскій корпорентъ, въ цвѣтной корпоративной фуражкѣ, занималъ общество разсказомъ о своемъ поднятіи на Риги. Эпитетъ „fabelhaft“ — „баснословно“ употреблялся имъ, по обыкновенію дерптцевъ, послѣ каждаго второго слова.

— И вотъ, подаютъ мнѣ счетъ. Читаю и морщусь: цѣны баснословныя! Вдругъ — стой, батюшка, это что? „Bougies — deux francs.“ Теку къ хозяину. „Объясните, молъ, за что, про что? Легъ я въ потьмахъ и не зажигалъ свѣчей.“ — „Да это, говоритъ, все единственно: зажжете ли, нѣтъ ли, дѣло вкуса; мы не смѣемъ стѣснять гостей; но плата для всѣхъ одна.“ Я пожалъ плечами; что съ нимъ подѣлаешь? Законъ такой поставилъ; ну, а съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ. Я расплатился. Но постой, голубчикъ, такъ-то ты! Свѣчи, значитъ, мое благопріобрѣтенное достояніе; не оставлю же ихъ тебѣ. Возвращаюсь въ свой номеръ, вынимаю ихъ изъ подсвѣчниковъ и въ карманъ. Въ коридорѣ выростаетъ передо мною, какъ листъ передъ травою, гаускнехтъ. „Я, дескать, такой-сякой; не

изволите ли сообщить что за труды.“ — „За какіе, говорю, труды? Я заплатилъ хозяину счетъ сполна, въ томъ числѣ и за прислугу.“ — „Да мы, говоритъ, съ портье́ не входимъ въ число прислуги. Соблаговолите же...“ — „Но опять-таки за что?“ — „За чистку башмаковъ.“ — „А, за чистку башмаковъ“? Я подношу къ физіономіи молодчика ногу съ баснословно-пыльнымъ башмакомъ, котораго явно не касалась щетка. „Соблаговолите взглянуть, такъ-то у васъ чистятъ?“ Парень мой замялся. „Вы ихъ не выставили за дверь, а войти къ вамъ я не посмѣлъ, чтобы не обезпокоить...“ — „Такъ за что же награждать васъ?“ — „Да у насъ уже такъ заведено.“ — „А, да! законъ опять такой поставленъ? Такъ бы и сказали. Что-жъ, будетъ съ васъ одного франка?“ Гаускнехтъ просіялъ; онъ не ожидалъ столь баснословной щедрости. „О, да!“ воскликнулъ онъ, осклабляясь. Я извлекаю изъ кармана свѣчу и подаю ему: „Примите, мой милый: она стòитъ франкъ; можете справиться у хозяина.“ Машинально взялъ онъ въ руки свѣчу, баснословно вытращилъ на меня зрачки и такъ и остолбенѣлъ съ открытымъ ртомъ. Не имѣя болѣе надобности оставаться, я направился къ выходу. Тутъ дожидался портье́; но онъ былъ свидѣтелемъ предъидущей сцены, и, не нуждаясь вѣроятно въ освѣщеніи, далъ мнѣ уже свободный пропускъ.

— Ну, а другую свѣчу куда вы дѣли? спросилъ, смѣясь, одинъ изъ слушателей. — Вѣроятно съ собой везете, какъ реликвію, и домой воротившись, стеклянным колпакомъ накроете?

— То-то, что нѣтъ; теперь жаль. Я отдалъ ее тутъ же мальчику, который несъ мою поклажу. Онъ баснословно обрадовался подарку и обѣщался снести домой матери.

— Вы русскій? спрашивалъ между тѣмъ американецъ Змѣина.

— Русскій.

— Догадались-таки вы наконецъ освободить своихъ рабовъ; наши южане и по сю пору не уразумѣли истины, что съ людьми нельзя обращаться, какъ съ вещью, какъ съ неразумнымъ скотомъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ Змѣинъ, — что ваши рабы и въ самомъ дѣлѣ не люди.

— Какъ такъ?

— Они составляютъ переходное состояніе отъ обезьянъ къ людямъ; лучшимъ тому доказательствомъ ихъ черепъ, который несравненно площе нашего; негръ никогда не можетъ достигнуть одного развитія съ бѣлымъ.

— Будто? А Туссéнъ-Лувертюръ?

— Туссéнъ — исключеніе; не всякій и у насъ Гумбольдтъ, Гёте. Да и чѣмъ же необыкновеннымъ

отличился Туссéнъ? Онъ былъ хорошимъ полководцемъ, и только.

— Такъ по вашему, плантаторы совершенно правы, обращаясь съ неграми, какъ съ животными?

— Все въ мірѣ относительно: съ своей точки зрѣнія они правы. Только толстокожее, коренастое племя чернокожихъ способно, безъ ущерба для своего здоровья, нести нечеловѣческія плантаціонныя работы, подъ знойнымъ солнцемъ юга. Да и нужно же что-нибудь дѣлать неграмъ? Для головной работы они слишкомъ тупы, такъ пусть работаютъ хоть тѣлесно, доставляютъ человѣчеству почтенные запасы грѣющаго хлопка.

— Ну, и пусть работаютъ; но зачѣмъ же изъ-подъ палки? Освободите ихъ — и они будутъ работать попрежнему, только добровольно, для дневнаго пропитанія.

— Вы думаете? Какъ же вы мало знаете чернокожихъ. Вѣдь они страсть лѣнивы.

— Это вѣрно.

— Они рады скорѣе умереть съ голода, чѣмъ добывать кусокъ хлѣба вольнымъ трудомъ. Только авторитетъ господской палки подвигалъ ихъ до сихъ поръ на трудъ.

— Александръ Александровичъ! воскликнула съ

изумленіемъ Лиза; — неужели вы такой консерваторъ, что стоите за рабство?

— Я, Лизавета Николавна, приводилъ только взглядъ южанъ; по моему, негровъ все-таки слѣдуетъ освободить. Понятно, что и негры разовьются со временемъ, если дать имъ на то возможность; мы же, бѣлые, какъ существа высшія, должны способствовать ихъ развитію, освобождая ихъ прежде всего отъ тѣлеснаго гнета, съ которымъ такъ неразрывно связанъ и гнетъ моральный. Пусть оттого цвѣтущія плантаціи южанъ въ началѣ даже заглохнутъ — плантаторы станутъ изощрять свой умъ для изобрѣтенія мертвыхъ машинъ взамѣнъ прежнихъ, одушевленныхъ, и по всему вѣроятію изобрѣтутъ.

— Messieurs! воззвала тутъ Моничка къ Куницыну и Ластову, внимавшимъ, подобно другимъ, предъидущему спору; — sauvez nous de cette trombe sauvage de radotage savante d'un savant sauvage sur des sauvages savants!

— Vous n'avez que d'ordonner, m-lle, отвѣчалъ правовѣдъ и, шепнувъ Ластову на ухо: — помни нашъ уговоръ, обратился къ Наденькѣ.

Поэтъ не замедлилъ приблизиться къ Моничкѣ.

— Не посѣщали ли вы, подобно старшей кузинѣ вашей, университетскихъ лекцій? началъ онъ вопросомъ.

Барышня насмѣшливо взглянула на него.

— Какъ же, разъ Лиза уговорила меня пойти съ нею; читалъ знаменитый вашъ Костомаровъ.

— Ну, и что-жъ?

— Такъ веселилась, что и сказать нельзя.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, чуть не заснула.

— А! Что-жъ онъ, плохо читалъ?

— Не берусь судить; должно быть, по вашему, не очень плохо, потому-что ему аплодировали; одной шикать не пришлось; но скука, mon Dieu, что за скука! Разсказывалъ онъ про древнихъ русскихъ, кажется про новгородцевъ; ну, сами посудите, что̀ мнѣ въ древнихъ новгородцахъ? C'est plus, que ridicule! Если очень ужъ понадобятся, то чего же проще — справиться въ тоненькомъ Устряловѣ? А то сидѣть битый часъ въ душной, жаркой залѣ, не смѣть пошевельнуться, comme un automate; поневолѣ раззѣваешься. Ха, ха! жаль, право, что не заснула! Душка Костомаровъ, я думаю, былъ бы въ восхищеніи отъ магическаго дѣйствія своихъ лекцій. Прекрасное заведеніе для людей, страдающихъ безсонницей. Если не будетъ у меня сна, то можете быть увѣрены, не забуду вашего университета; до тѣхъ же поръ къ вамъ ни ногой.

Ластовъ слушалъ ее съ улыбкой.

— А скажите пожалуйста, другія слушатель-

ницы также засыпали подъ снотворнымъ обаяніемъ лекціи?

— То-то, что нѣтъ. Это меня и удивило. Однѣ сидѣли какъ вкопанныя, съ разинутыми ртами, точно проглотить хотѣли професора; другія даже записывали! Я не иначе могла объяснить себѣ такую пасивность, какъ долгой привычкой: вѣдь и люди, нюхающіе табакъ, не чихаютъ болѣе отъ него. Что̀ меня, однако, болѣе всего шокировало у васъ, такъ это то... Не знаю, говорить ли?

— Говорите; вы вѣдь эмансипированная, если не ошибаюсь?

— Да... Такъ, видите ли, мнѣ было и странно, и досадно, что студенты ни малѣйшаго вниманія на дѣвицъ не обращаютъ, точно ихъ тамъ и нѣтъ.

— Да мы этимъ гордимся! возразилъ съ нѣкоторою горячностью Ластовъ. — Чтобы дѣвицы ни чуть не были стѣснены въ своихъ занятіяхъ, мы нарочно ихъ не замѣчаемъ.

— Какъ вы, милостивый государь, смѣшно разсуждаете. Если дѣвица удостоиваетъ ваши лекціи своимъ посѣщеніемъ, то первый долгъ вашъ, я думаю, какъ galants cavaliers, показывать по крайней мѣрѣ глубокое вниманіе.

— Вотъ какъ! Вы, Саломонида Алексѣвна, хотите, видно, сдѣлать изъ университета нѣчто въ родѣ

Лѣтняго сада съ его майскимъ парадомъ невѣстъ? Покорно благодаримъ за незаслуженную честь! Если дѣвушка жаждетъ просвѣщенія — мы не помѣха ей, пусть посѣщаетъ наши лекціи — но и только.

— Очень нужно намъ ваше просвѣщеніе! Истинное просвѣщеніе заключается не въ томъ, чтобы знать, когда жили древніе новгородцы, какъ назвать по имени и фамиліи всякую букашку; это дѣло особой касты чернорабочихъ — касты ученыхъ. Да, господа университетскіе, вы — черный народъ. Истинно-просвѣщенный пользуется вашими открытіями, пользуется желѣзными дорогами, телеграфами и т. д., но самъ не станетъ марать себѣ рукъ унизительнымъ трудомъ.

— Никакой трудъ не унизителенъ, отвѣчалъ Ластовъ, — менѣе всего умственный. Это уже до того общепризнано, столько разъ перевторено, что отзывается даже общимъ мѣстомъ. Такъ, по вашему, истинно - просвѣщенные тѣ, которые сидятъ сложа руки, жаръ чужими руками загребаютъ, то есть паразиты? Браво!

— Вы не дали досказать мнѣ! Эмансипація прекраснаго пола — вотъ что главнымъ образомъ характеризуетъ истинное просвѣщеніе. Свобода во всемъ. Прежде, бывало, ни за что не дадутъ въ руки дѣвицѣ Поль-де-Кока . . .

— А вамъ даютъ?

Моничка расхохоталась.

— Qu'il est naif! Я сама беру его. Отчего же и не читать Поль-де-Кока? Вслухъ прочитывать, конечно — un peu gênant, ну, а про себя...

— Поль-де-Кокъ — писатель очень хорошій, замѣтилъ Ластовъ: — рисуетъ прекрасно парижскій бытъ; но все-таки я того мнѣнія, что чтеніе его въ ваши лѣта болѣе вредно, чѣмъ полезно: юношество имѣетъ обыкновеніе вычитывать изъ романовъ именно то, чего не слѣдуетъ.

— Ну да! Послушайте, вѣдь вы уважаете Лизу, какъ вашу же студентку?

— Положимъ, а что?

— Да то, что она и Наденькѣ позволяетъ читать, что̀ той вздумается.

— Не можетъ быть!

— Я же вамъ говорю; что мнѣ за выгода лгать?

— Надо переговорить объ этомъ серьезно съ Лизаветой Николавной.

— Можете.

Моничка ускорила шаги, чтобы поравняться съ Куницынымъ, который въ это время съ особеннымъ жаромъ объяснялъ что-то Наденькѣ; но осторожный правовѣдъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ вопроса, съ которымъ обратилась къ нему Моничка; чтобы

не возбудить общаго вниманія, послѣдняя нашлась въ необходимости воротиться къ своему букѣ- „университанту“.

— Еслибы вы знали, m-r Ластовъ, какой вы скучный — ну, просто Костомаровъ!

Ластовъ разсмѣялся.

— Дай то Богъ; очень радъ былъ бы.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ же, сами согласитесь, ходить съ молоденькой дѣвицей и не умѣть занять ее?

Ластовъ зѣвнулъ въ руку.

— О чемъ говорить прикажете?

— Мало ли о чемъ. Если не можете ни о чемъ другомъ, такъ говорите хоть о театрѣ. Часто вы бываете въ оперѣ? Говорите, острите, ну!

— Бываю.

— А, скажите пожалуйста, бываете! Какая же опера болѣе всего нравится вамъ? Каждое слово приходится выжимать изъ васъ, какъ изъ мокраго платка.

— Какая мнѣ опера болѣе всѣхъ нравится? Еслибъ я былъ хвастливъ, то сказалъ бы: „Разумѣется, Донъ-Жуанъ!“ Но я откровененъ и сознаюсь, что и музыку Верди слушаю съ большимъ удовольствіемъ; напримѣръ, Трубадура, Травіату...

— Травіату? Да вѣдь всѣ наши прима-

донны inexcusable толсты, а Травіата умираетъ отъ чахотки? Да и декораціи въ Травіатѣ очень незавидны.

— Опять-таки долженъ сознаться, что ни пѣвицы, играющей Травіату, ни декорацій не видѣлъ.

— Какъ не видѣли? гдѣ же вы сидите?

— А въ парадизѣ, притомъ на второй скамьѣ. Первая скамья, какъ извѣстно, искони абонирована, и абонементы эти переходятъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, такъ-что нашему брату, постороннему, неродившемуся подъ счастливой абонементной звѣздой, приходится удовольствоваться второй скамьею; а съ этой ничего не видно, если съ опасностью жизни не перегибаться всѣмъ корпусомъ черезъ головы впереди сидящихъ. Я сажусь обыкновенно лицемъ къ стѣнѣ, чтобы не ослѣпнуть отъ яркаго блеска люстры, висящей передъ самымъ носомъ, закрываю глаза и обращаюсь весь въ ухо.

— Все-таки не понимаю, зачѣмъ вы ходите наверхъ, а не въ партеръ?

— Очень просто потому, что по скудности финансовъ не имѣю доступа въ преисподнюю; поневолѣ возлетишь въ высшія сферы.

Моничка посмотрѣла на молодого человѣка искоса и сжала иронически губки.

— Вы, какъ поэтъ, вездѣ, кажется, возлетаете въ высшія сферы.

„Окончательно провалился!“ подумалъ поэтъ.

IX.

Ржаной хлѣбъ и безé.

Не болѣе успѣха, однако, имѣлъ и правовѣдъ у гимназистки.

— Поѣдете вы отсюда въ Парижъ? спросилъ онъ ее по-французски.

— Не думаю, отвѣчала она на томъ же языкѣ — сестра пьетъ сыворотки и вѣроятно придется пробыть здѣсь все лѣто. Да въ Парижъ въ это время года, я думаю, и не стоитъ: жарко, душно, какъ во всякомъ большомъ городѣ; да и вообще туда, кажется, не стоитъ.

— Ай, ай, m-lle Nadine, какія вы вещи говорите! Парижъ — центръ всемірной цивилизаціи, всякаго прогреса: науки, искуства, высшее салонное образованіе, всевозможныя безобразія наконецъ — все это сосредоточено въ новомъ Вавилонѣ, какъ въ оптическомъ фокусѣ, и всякаго мало-мальски образованнаго человѣка влечетъ туда съ неодолимой силой, какъ магнитная гора въ арабской сказкѣ. Приблизится къ такой горѣ на извѣстное разстояніе корабль

— и все желѣзо корабля: гвозди, обивка и проч., вырывается само-собою изъ стѣнъ его и мчится на встрѣчу волшебной горѣ.

— То-то, подхватила Наденька, — что когда желѣзныя части такого корабля отрывались отъ него, существенныя составныя его части, какъ-то бревна и доски, лишались взаимной связи, распадались, и бѣдные пасажиры судна погибали въ волнахъ. Молодежь, стремящаяся на всѣхъ парусахъ въ Парижъ, лишается тамъ своихъ гвоздей и распадается въ ничто. Не даромъ гласитъ нѣмецкая поговорка: „Nach Paris gehen Narren, davon — kommen Gecken.“

Правовѣдъ усмѣхнулся, подбросилъ себѣ въ глазъ стеклышко (въ чемъ достигъ настоящей виртуозности) и свысока посмотрѣлъ на собесѣдницу.

— Съ вашихъ, m-lle, хорошенькихъ губъ какъ-то странно слышать столь рѣзкій приговоръ. Вѣрно Добролюбова начитались?

— Не скрываю, начиталась.

— Кстати, ка̀къ вы смотрите на танцы? Добролюбовъ, по своей неуклюжести, не танцовалъ, — поклонники его ненавидятъ танцы.

— Видите, m-r Куницынъ: я люблю побѣсноваться, покружиться; какъ-то особенно весело, точно улетаешь куда-то; но все-таки танцы — ребячество, глупость. Лиза тоже не танцуетъ.

Куницынъ расхохотался.

— Потому и глупость, что m-lle Lise не танцуетъ? Она для васъ авторитетъ? Въ настоящее время, m-lle, авторитеты — нуль, всякій имѣетъ обо всемъ свое собственное мнѣніе.

— Да и я же высказываю свое собственное мнѣніе! Ну, сами посудите: въ огромный, празднично-освѣщенный залъ сходится въ пухъ и прахъ разряженная толпа — для чего, спрашивается? чтобы попрыгать, какъ маріонетки, подъ тактъ музыки! Неужели это не глупо?

— А, нѣтъ, m-lle, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ бальная музыка рѣшительно незамѣнима. Она заглушаетъ задушевный разговоръ, такъ-что изливайся передъ любимымъ существомъ сколько угодно — никто не услышитъ. Потомъ она даетъ случай обнять это любимое существо, прижать отъ глубины души къ сердцу, что̀ во всякомъ другомъ случаѣ было бы преступленіемъ.

— Все это вздоръ! перебила Наденька. — Вы говорите про любимое существо, а любовь — нелѣпость!

— Вотъ какъ! А не обожали ли вы сами въ гимназіи кого-нибудь изъ учителей?

— Были у насъ глупенькія, которыя обожали; я слишкомъ умненькая для того.

— Погодите немножко, придетъ и ваша пора, будете сами глупенькой.

— А вы уже глупенькій?

— Къ вашимъ услугамъ.

— То-то я замѣтила. — Наденька засмѣялась.

— Смѣйтесь, смѣйтесь! Вспомяните мое слово: не успѣете оглянуться, какъ окажетесь глупенькой.

— Перестаньте вздоръ нести, серьезно замѣтила гимназистка. Въ сентиментальный періодъ романтиковъ любовь дѣйствительно была въ модѣ; ныньче она брошена, какъ шляпка стараго фасона.

— Такъ-съ. И всякая привязанность вздоръ?

— Привязанность? нѣтъ, разумная — не вздоръ. Разумная привязанность рождается вслѣдствіе долгаго знакомства съ предметомъ нашей привязанности, когда мы успѣли вполнѣ убѣдиться въ душевныхъ достоинствахъ его. Любовь же, въ томъ смыслѣ, какъ вы ее понимаете, — въ смыслѣ влюбленности, безотчетнаго, глупаго влеченія, — разлетается, какъ дымъ, коль скоро любимое существо сойдетъ съ пьедестала, на который вознесено нашей же фантазіей, и разоблачится въ свою обыденную, человѣческую форму.

— Прошу извиненія за откровенность, сказалъ, смѣясь, Куницынъ; — но слова ваши такъ и отзываются реторикой. Вѣрно цитируете Добролюбова?

— Съ чего вы взяли, что у меня нѣтъ собственныхъ убѣжденій? Впрочемъ, если не у Добролюбова, то у Бѣлинскаго, учителя его въ дѣлѣ критики, дѣйствительно есть нѣчто подобное: кажется, въ 8-мъ томѣ, гдѣ онъ разбираетъ Пушкина.

— Ха, ха, ха!

— Чему обрадовались? Бѣлинскій, кажется, уважительный авторитетъ?

— Я только-что говорилъ вамъ, что не признаю авторитетовъ. Впрочемъ, смѣялся я не тому; меня забавляетъ, что вы запомнили такъ хорошо и томъ, и статью.

— Не диво вспомнить, когда въ 8-мъ томѣ всего двѣ статьи.

— Что же говоритъ о привязанности вашъ Бѣлинскій?

— Онъ не отвергаетъ ея, однако считаетъ ее возможною только въ случаѣ взаимности. Любятъ васъ (разумѣется, чувствомъ привязанности, а не влюбленности) — и это до такой степени льститъ вашему самолюбію, что вы начинаете сами благоволить къ любящему, пока не полюбите его такъ же нѣжно, какъ онъ васъ. Станетъ онъ пренебрегать вами — и вы, какъ окаченные холодною водою, остываете мгновенно. Привязанность безъ взаимности

и вѣрность до гроба могутъ быть допущены только, какъ натяжка воли или — растройство мозга!

— Сами вы себѣ противорѣчите, сударыня: только-что говорили, что любовь не въ модѣ, а теперь допускаете ее въ случаѣ взаимности; вѣдь Бѣлинскій говоритъ же о любви между мужчиной и женщиной, а не между лицами одного пола?

— Ну, да...

Наденька замялась.

— А все виноватъ синьоръ Бѣлинскій! Я вотъ хоть сознаюсь откровенно, что не могу одолѣть его: больно фразистъ и ученъ; вы же цитируете его, да сами сбиваетесь на немъ.

Наденька покачала головой.

— Вы не понимаете меня... вы слишкомъ молоды.

Куницынъ сострадательно усмѣхнулся.

— Ну, а вы-то совсѣмъ еще ребенокъ.

— Извините! мнѣ скоро 16, а дѣвицы развиваются несравненно ранѣе мужчинъ; вамъ сколько?

— 21-й.

— То есть 20; дѣвушка въ 16 лѣтъ считается уже взрослой, а мужчина въ 20 все еще недоросль.

— Не хочу спорить, съ достоинствомъ произнесъ правовѣдъ; — пусть за меня говорятъ факты: въ чемъ, спрашивается, заключается развитость 16-тилѣтней дѣвицы, чѣмъ превосходитъ она насъ: тѣлес-

нымъ или умственнымъ развитіемъ? Дѣвица въ 16 лѣтъ еще бо̀льшая невѣжда въ наукахъ, чѣмъ мальчикъ того же возраста, потому-что начинаетъ уже выѣзжать на балы, тогда-какъ мальчикъ еще продолжаетъ учиться; слѣдовательно развитость ея только тѣлесная; что-жъ! собаки взрослы уже на восьмомъ мѣсяцѣ. Я, положимъ, еще недоросль, а между тѣмъ окончилъ уже курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, а между тѣмъ уже имѣю 9-й классъ!

— Что это: 9-й классъ?

— Это значитъ: титулярный. Даже кандидаты университета получаютъ только 10-й.

— Да такъ и слѣдуетъ, сказала Наденька: — они знаютъ несравненно больше васъ.

— Да нѣтъ, вы, кажется, не такъ понимаете: 9-й классъ выше 10-го.

— Какъ такъ выше?

— Конечно, выше. Самый высшій — 1-й классъ, затѣмъ 2-й, и т. д.; 14-й или китайскій императоръ — низшая степень.

— Какъ же я этого не сообразила! насмѣшливо замѣтила Наденька. — Станутъ студентамъ давать ту же степень, какъ правовѣдамъ! Помните, у Добролюбова:

Правый брегъ гористъ, а лѣвый брегъ низменъ,
Такъ и все на Руси — что̀ выше правѣе бываетъ.

Въ университетъ поступаетъ народъ неимущій, низкій, паріи, народъ печеный изъ грубаго, ржаного тѣста. Ржаной хлѣбъ пожалуй и сытнѣе, и здоровѣе кандитерскихъ пирожковъ, но цѣна пирожкамъ всегда выше.

— Оттого выше, что они идутъ на столъ образованнаго сословія, тогда-какъ ржаной хлѣбъ годенъ для однихъ мужиковъ.

— Неправда; и я люблю ржаной хлѣбъ — съ жаркимъ, съ супомъ. Посмотрѣла бы я, какъ бы вы сами стали заѣдать эти блюда сладкимъ пирожкомъ!

— Но подъ конецъ обѣда, въ видѣ десерта, всегда же пріятно что-нибудь сладенькое, напримѣръ безé, или нѣтъ?

— Что касается спеціально меня, то я охотница до безé, но вкусъ у меня еще неразвитъ. Спросите-ка людей бывалыхъ, испробовавшихъ всего въ жизни — они пренебрегаютъ пирожнымъ, и вѣрно недаромъ.

— Пренебрегаютъ кандитерскимъ безé, потому-что вкушали уже безé болѣе сладостное — съ прелестныхъ устъ. Вы пока знаете только безé перваго рода; но сдѣлайтесь глупенькой, то есть полюбите, и найдете вкусъ и въ безé второго рода.

— Вы, m-r Куницынъ, какъ я вижу, большой эгоистъ: сами изъ породы безé, такъ и расхваливаете свою братью... Вамъ бы только пирожныхъ, да

поцѣлуевъ, да романчиковъ: какъ есть сахарные — того и гляди, развалитесь.

— Вы, m-lle, кажется, думаете, что я не беру въ руки серьезныхъ книгъ? съ важностью замѣтилъ Куницынъ. — Напротивъ: я прочелъ всего Молешота, всего Фейербаха, Прудона... Знаете, главный принципъ Прудона: „Le vol c'est la propriété"...

— Что, что такое? Воровство — имущество?

— Да, имущество всякаго... то есть всякому предоставляется воровать, сколько угодно, не попадись только.

— И это главный принципъ Прудона?

— Да, это принципъ всѣхъ вообще комунистовъ...

— Знаете, m-r Куницынъ, мнѣ сдается, что вы не читали никого изъ этихъ господъ.

Правовѣдъ обидѣлся.

— Что-жъ тутъ необыкновеннаго? Современному человѣку надо ознакомиться со всѣми отраслями знанія. Я вѣдь и не говорю, что философія — вещь интересная; матерія она скучнѣйшая, суше которой едва ли что сыскать; но возьмите-жъ опять — долгъ всякаго человѣка образовать себя... Если философы посвящали лучшіе годы жизни сочиненію отвлеченныхъ теорій, не слыша около себя вѣянія окружающей жизни, то обязанность современнаго человѣка — дышать одною грудью со вселенной, мыслить со всѣми

и за всѣхъ, а слѣдовательно, и съ философами. Понятно однако, что философія для нашего брата лишь дѣло второстепенное, одно изъ звѣньевъ всей цѣпи нашихъ знаній. А какъ философія такая непроходимая сушь, то чѣмъ скорѣе отдѣлаться отъ нея, тѣмъ и лучше; вѣдь все равно ничего путнаго, реальнаго не вынесешь. И могу похвалиться: перелисталъ на своемъ вѣку столько философскихъ переливаній, что на всю жизнь хватитъ.

Наденька пожала плечомъ и не сочла нужнымъ сказать что-нибудь.

„Странное дѣло! разсуждалъ самъ съ собою Куницынъ, схлыстывая тросточкою пыль съ своихъ свѣтлыхъ, широкихъ панталонъ. — Чѣмъ же развлечь, привлечь ее? О Парижѣ, о чувствахъ, о предметахъ серьезныхъ говорить не хочетъ: о чемъ же, наконецъ, толковать съ ней? Sacrebleu!“

Онъ не догадывался, что гимназисткѣ вообще не хотѣлось говорить съ нимъ.

X.

Синій чулокъ.

И Змѣинъ, незамѣтно для себя самого, очутившись около Лизы, затруднялся въ началѣ въ тэмѣ для разговора.

— Не взыщите, если я не займу васъ хорошенько, откровенно сознался онъ, — но я не мастеръ болтать съ барышнями.

— Болтать! Какъ будто женщина можетъ только болтать и неспособна на разумный разговоръ? Знаете ли, что вы грубите?

— Очень можетъ быть; я вѣдь предупредилъ васъ, что не гораздъ на комплименты.

— Да отъ комплиментовъ до грубостей „дистанція огромнаго размѣра". Развѣ разговоръ мужчины съ женщиной долженъ ограничиваться комплиментами? Я думаю, если женщина собирается сдавать на кандидата . . .

— И то! я забылъ. Но позвольте узнать, по какой вы это части?

— Сначала я занималась исторіей, но послѣ, когда естественныя науки получили у насъ такое значеніе, я перешла къ натуралистамъ. Что вы усмѣхаетесь такъ язвительно? Вы, какъ Куторга*), думаете, что мозгу у женщинъ менѣе, чѣмъ у мужчинъ? Такъ знайте же, что я хочу убѣдить васъ на себѣ, что женщина на все такъ же способна, какъ вашъ братъ, мужчина.

---

*) Степанъ Семеновичъ Куторга, покойный професоръ санкт-петербургскаго университета.

— Убѣдите.

— Какой бы стороною ума прежде всего блеснуть передъ вами?

— Да хоть сметливостью. Сметливость у женщинъ развита болѣе другихъ способностей.

— Извольте. У васъ есть теперь въ карманѣ книга?

— Есть.

— Видите, какая сметливость; ни вы, никто не говорилъ мнѣ, что вы взяли съ собою книгу, а я домекнулась.

— Какъ же вы домекнулись?

— По простой, логической цѣпи мыслей: вы пренебрегаете женскимъ обществомъ; вамъ предстояло гулять съ женщинами — вы знали, что будете скучать. „Возьму-ка съ собою книжку, сказали вы себѣ: — при первомъ удобномъ случаѣ улизну куда-нибудь въ сторону и расположусь подъ сѣнью струй.“ Вѣдь такъ?

— Положимъ, что такъ.

— Я вамъ скажу даже, что̀ у васъ за книга.

— Едва ли.

— Беллетристикой вы заниматься не станете; значитъ, это не романъ. Ученаго сочиненія также не станете читать, потому-что путешествуете для развлеченія и не захотите скромную жизнь туриста

отравить постнымъ блюдомъ учености. Книга ваша должна быть изъ полу-ученыхъ, популярно-ученыхъ. Но вы натуралистъ и выбрали, конечно, сочиненіе по своей части... Пари: у васъ что-нибудь Карла Фохта?

Змѣинъ не могъ скрыть нѣкотораго изумленія.

— Логика у васъ дѣйствительно не женская!

— Что-жъ, угадала? Фохта?

— Фохта.

— Покажите.

Змѣинъ подалъ ей книгу.

— „Bilder aus dem Thierleben", прочла она. — Какъ кончите, такъ одолжите мнѣ. Я давно желала прочесть это сочиненіе, да не откуда было взять. Въ библіотекахъ не даютъ: запрещено, дескать; студенты же знакомые хоть и обѣщались достать, да по обыкновенію забывали вѣчно.

— Можете взять хоть сейчасъ.

— Благодарю васъ.

Перелистывая книгу, Лиза остановилась на одной страницѣ и прочла вслухъ:

— „Das Werden der Organismen hat für mich stets einen weit grösseren Reiz gehabt, als das Bestehen derselben und der Prozess der Selbsterhaltung. Es liegt etwas stabil-Langweiliges in der Erhaltung des thierischen Organismus — in dieser doppelten

Buchführung, die über Einnahme von Nahrungsstoffen und Ausgabe verbrauchten Materiales von dem Organismus mit ermüdender Gleichförmigkeit geführt wird, und wo sich das Haben als Fett ansetzt, während das Soll sich durch Abmagerung kundgiebt, und endlich ein Bankerott oder der zunehmende Wucherzins, welchen der Organismus zahlen muss, das ganze Geschäft endigt und die Firma zu den Todten wirft"*).

— Остроуменъ, какъ всегда, сказала Лиза, по прочтеніи отрывка. — Но я не вполнѣ раздѣляю вкусъ Фохта. Его томитъ монотонное прозябаніе земныхъ тварей; меня тоже; но есть случай, гдѣ такое прозябаніе дѣлается въ высшей степени интереснымъ: это, если акклиматизировывать какую-нибудь животную или растительную породу. Существо экзотическое, выросшее подъ знойнымъ небомъ юга, вы

---

*) Образованіе организмовъ имѣло для меня всегда несравненно бо́льшую прелесть, чѣмъ существованіе ихъ и процесъ самосохраненія. Неодолимо скучно это поддерживаніе животнаго организма — это двойное веденіе книгъ о приходѣ питательныхъ веществъ и расходѣ истраченнаго матеріала, исполняемое организмомъ съ такою утомительною равномѣрностью; при чемъ кредитъ осаживается въ видѣ жира, а дебетъ выражается худѣніемъ, покамѣсть окончательное банкротство или лихоимные проценты, платимые организмомъ, не остановятъ торговли и не закроютъ фирмы.

перевоспитываете для своей холодной родины, холите его, защищаете отъ рѣзкихъ вліяній климата, и вотъ — старанія ваши увѣнчиваются успѣхомъ: вашъ пріемышъ перерождается на вашихъ глазахъ, и вы дарите отечеству новую породу! Жаль, что у насъ въ Россіи эта статья обращаетъ на себя еще такъ мало вниманія. Главная трудность заключается, конечно, въ натурализаціи животныхъ: растеніе, акклиматизируясь, въ то же время и натурализуется; животное же, перенесенное въ другой градусъ широты, хотя и существуетъ въ началѣ съ грѣхомъ пополамъ, какъ степной помѣщикъ, пріѣхавшій въ столицу пожуировать жизнью, — однако это не болѣе, какъ прозябаніе, существованіе болѣзненное, отъ котораго еще далеко до полной натурализаціи. Что-жъ вы молчите, Александръ Александровичъ? Неужели вы не интересуетесь этимъ вопросомъ?

На Змѣина краснорѣчивый монологъ экс-студентки не произвелъ почему-то того благопріятнаго впечатлѣнія, котораго она обѣщала себѣ отъ него. Нахмурившись и надувъ губы, натуралистъ отвѣчалъ рѣзко:

— Нѣтъ!

— Что нѣтъ?

— Нѣтъ, то есть я несогласенъ съ вами.

— На счетъ чего?

— Гм... Да хоть на счетъ того, что можетъ

найтись разумный человѣкъ, который возьмется акклиматизировать иноземщину ради одного плезира, безъ всякаго вознагражденія.

— Отчего же, Александръ Александровичъ? На столько же всякій безкорыстенъ въ дѣлѣ общаго блага.

— Общаго блага? Что такое общее благо? Всякій человѣкъ печется только о себѣ — вотъ вамъ и общее благо. Да что-жъ? пусть каждый печется только хорошенько о себѣ — и всѣ будутъ счастливы. А какъ кулачное право — основной законъ природы и жизни, то кто сильнѣе, тотъ и счастливѣе.

— Зарапортовались! перебила Лиза. — Скажите на милость, что̀ такъ встревожило вашу жёлчь?

— Да развѣ не правду я говорю? Эгоизмъ — этотъ рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ поворотить землю, составляетъ основу всякаго существа, потому-что если мы сами не станемъ печься о себѣ, такъ кто же возьметъ на себя эту заботу? А, слѣдовательно, повсемѣстно и кулачное право. Котлету, приготовленную изъ филе невинно-заколотаго быка, я съѣдаю съ тѣмъ же звѣрскимъ хладнокровіемъ, съ какимъ волкъ уплетаетъ ягненка, и ни его, ни меня нельзя обвинять за нашу кровожадность. Логика голода — неотразимая логика. Умники-баснописцы, правда, совѣтуютъ волкамъ довольствоваться травою; но еслибы такого барина оборотить въ волка —

посмотрѣлъ бы я, какъ бы онъ плотоядными зубами, плотояднымъ желудкомъ пережевывалъ, переваривалъ растительную пищу! Издохъ бы, неразумный, съ голоду, а все по незнанію анатоміи. Весь кодексъ нашей гуманности сводится къ правилу: „Не тронь меня — и я тебя не трону.“ Кто дошелъ до пониманія этого правила, тотъ считается человѣкомъ просвѣщеннымъ: уважаетъ, молъ, личность. Если же мы помогаемъ кому въ бѣдѣ, то изъ чистаго эгоизма, въ надеждѣ поживиться когда-нибудь отъ него, или по крайней мѣрѣ изъ эгоистическаго побужденія: устранить отъ себя непріятное ощущеніе при видѣ несчастнаго.

— То есть изъ прикладнаго эгоизма? сострила Лиза. — Вы чѣмъ-то раздражены, Александръ Александровичъ, и судите голословно. Подумайте хорошенько: не дѣлали ли вы сами когда-нибудь въ жизни добра?

— Какъ не дѣлать — если понимать подъ добромъ оказываніе помощи — но все изъ прикладнаго эгоизма. Я приготовлялъ, напримѣръ, бѣдныхъ молодыхъ людей безвозмездно въ университетъ. Но что побуждало меня къ тому? Мое человѣческое достоинство было оскорблено видомъ людей, одаренныхъ отъ природы одними со мной мозговыми орудіями и неимѣющихъ случая развиться. Чтобы избавиться

отъ этого тягостнаго чувства, я брался учить бѣдняковъ.

— Такъ это очень похвальный эгоизмъ; дай-Богъ, чтобы всѣ эгоистическія побужденія на свѣтѣ были такъ же безкорыстны.

— Да, я согласенъ, что подобный эгоизмъ невреденъ; но онъ все-таки эгоизмъ, то есть чувство, заставляющее насъ дѣлать добро другимъ — только для удовлетворенія самихъ себя. Все на свѣтѣ дѣлается вслѣдствіе эгоизма; но эгоизмъ бываетъ трехъ сортовъ: вредный, безразличный и полезный.

— Такъ и я, значитъ, дѣйствовала подъ вліяніемъ эгоизма, когда обучала въ воскресныхъ школахъ?

— А то какъ же?

— Какъ вы унижаете меня въ моихъ собственныхъ глазахъ! Бывало, какъ окончишь урокъ, всегда такъ довольна собой: „вишь, говоришь себѣ, какая ты хорошая!“

— И вы имѣли полное право говорить себѣ это. Своимъ „добрымъ дѣломъ“ вы дѣйствительно возвышались надъ уровнемъ толпы, но опять-таки вы не можете вмѣнять себѣ это въ достоинство. Развѣ вы сами сдѣлали себя такой, какъ вы есть? Обстоятельства сложили вашъ характеръ: вы воспитывались, развивались въ такой средѣ, гдѣ было понято, что помогать ближнему выгоднѣе, чѣмъ оставаться къ

нему безразличнымъ — уже изъ видовъ спокойствія совѣсти.

— Ваши софизмы довольно убѣдительны, согласилась экс-студентка. — Грустно, въ самомъ дѣлѣ, подумать, какъ поддаешься иногда силѣ обстоятельствъ, какъ теряешь иногда всякую силу воли. Помнится, въ Петербургѣ . . . идешь въ воскресную школу; зима, морозъ; спѣшишь по набережной Фонтанки и кутаешься въ салопъ, въ муфту. Стоитъ на дорогѣ, прислонившись къ фонарю, оборванный пролетарій, дрожитъ, бѣдняжка, посинѣлъ отъ холода, простираетъ къ тебѣ руку съ жалобнымъ воплемъ: „Жена, дѣти... помогите!“ Взглянешь ты на него, завернешься теплѣе и поспѣшишь мимо, успокоивая себя мелочнымъ доводомъ: остановись, такъ опоздала бы на урокъ.

— А между тѣмъ поступокъ вашъ былъ совершенно естественъ и вы напрасно раскаяваетесь въ немъ: вы не могли поступить иначе, обстоятельства принудили васъ поступить такъ, а не иначе.

— Полноте! Сколько же тутъ требовалось воли? Еслибъ я и опоздала минутою на урокъ — что-жъ за бѣда! а одинъ или даже нѣсколько изъ моихъ ближнихъ были бы спасены отъ мученій голода. Стоило только остановиться.

— Вы говорите: только; но это только и есть, быть можетъ, та лишняя гирька на вѣсахъ ва-

шего состраданія, которая перетянула на сторону „неподанія помощи“. Помочь велитъ вамъ чувство униженнаго человѣческаго достоинства, вопіющее вмѣстѣ съ несчастнымъ: „Жена, дѣти... помогите!“ Въ пользу же неоказанія помощи говоритъ несравненно большее число данныхъ, хотя и не столь полновѣсныхъ: предчувствіе, что если вы вынете руку изъ муфты, то не отогрѣете ея скоро — разъ; предположеніе, что нищій, носъ котораго и безъ того превратился, отъ неумѣренныхъ возліяній Бахусу, въ нѣкотораго рода сливу, пропьетъ ваши деньги въ первой распивочной — два; мысль, что проходящіе почтутъ вашъ поступокъ фарисейскимъ — три. И вотъ, приближаясь къ нищему, вы колеблетесь: помочь или не помочь? Но тутъ является внезапно новое данное въ пользу неоказанія помощи: вы вспоминаете, что поздно, что пожалуй опоздаете въ школу — и гордо проходите мимо. Будь климатъ въ Петербургѣ умѣреннѣе — однимъ неблагопріятнымъ даннымъ было бы менѣе, и вы вѣроятно помогли бы бѣдняку; но въ суровой климатической обстановкѣ и сердце человѣка черствѣетъ: жители юга всегда общительнѣе, добродушнѣе нашего брата, сѣверянина.

— Всякую волю въ человѣкѣ однако нельзя отрицать, возразила Лиза: — если я пересиливаю себя, если во мнѣ происходитъ борьба, то тутъ-то и про-

является сила воли. Возьмемъ тотъ же примѣръ съ нищимъ. Положимъ, я отошла отъ него на нѣсколько шаговъ. Вдругъ мнѣ дѣлается его жаль; я начинаю колебаться, оборачиваюсь и возвращаюсь къ несчастному надѣлить его милостыней. Чѣмъ же я заставила себя преодолѣть свою неохоту вернуться, какъ не силою воли?

— И тутъ никакой воли не было. Что вы колебались, что вамъ пришлось, какъ вы выражаетесь, пересилить себя — то это явленіе самое обыкновенное, наблюдаемое во всѣхъ случаяхъ, гдѣ происходитъ борьба, вслѣдствіе бо̀льшей или меньшей равности борящихся силъ. На вѣсахъ вашего человѣческаго достоинства чаши нагружены въ разсматриваемый моментъ почти одинаково и колеблются по тому са̀мому — то въ одну, то въ другую сторону, оставляя васъ въ неизвѣстности, которая перетянетъ. Ваше положеніе здѣсь совершенно страдательное, и вы вовсе непричастны тому своей волей, если наконецъ одна изъ чашъ перетянетъ. Всякая воля — химера.

— Вы убѣдили и побѣдили меня, господинъ философъ; а между тѣмъ... — Лиза лукаво засмѣялась: — между тѣмъ и я выхожу побѣдительницей!

— Какъ-такъ?

— Да такъ. Помните, въ началѣ прогулки вы

объявили, что скучаете во всякомъ женскомъ обществѣ; теперь вы съ жаромъ спорите съ женщиной, стало быть, находите интересъ въ бесѣдѣ съ ней.

— Гм... да.

— Ваше жёлчное настроеніе, кажется, прошло; скажите теперь по совѣсти: чему вы такъ разсердились, когда я говорила про аклиматизацію?

— Нѣтъ, зачѣмъ...

— Ну, однако? Не на меня ли изволили гнѣваться?

— А еслибъ?

— А! это интересно. Но за что? говорите, за что?

— Сами напрашиваетесь на откровенность. Видите: въ началѣ нашего знакомства вы произвели на меня довольно пріятное впечатлѣніе, какъ умная, разсудительная дѣвушка. Легкая взбалмошность такъ обыкновенна въ ваши лѣта, что я не придалъ ей значенія въ васъ. Когда же вы заговорили объ аклиматизаціи, я сталъ убѣждаться, что имѣю дѣло съ синимъ чулкомъ...

— И я горжусь этимъ названіемъ! Пожалуйста, не измѣняйте своего мнѣнія; я хочу быть синимъ чулкомъ.

Змѣинъ съ сожалѣніемъ пожалъ плечами:

— Вольному воля.

XI.

Гроза. О французскихъ романахъ и патріотизмѣ. Schloss Unspunnen.

Прогулка въ лѣтній полдень имѣетъ свои пріятности; но всѣ онѣ взвѣшиваются одною непріятностью — зноемъ: солнце, стоящее въ зенитѣ, жжетъ изо всѣхъ силъ, словно за-то невѣсть какое жалованье получаетъ, такъ-что и духъ у васъ спираетъ, и въ глазахъ рябитъ. Задыхаясь и обтираясь платками, общество наше едва обогнуло Ругенъ, какъ набѣжала тучка и раздался первый, внушительный рокотъ грома. Все засуетилось. Вдругъ — ахъ, а! Золотая, съ голубоватымъ сіяніемъ, электрическая змѣйка, дивноловко извиваясь, низринулась съ неистовствомъ въ средину общества; лица какъ мѣлъ побѣлѣли — нельзя было сказать: отъ отблеска молніи, или отъ испуга. Въ слѣдующій же мигъ грянула небесная артилерія, и мелкимъ ружейнымъ огнемъ задребезжало въ сосѣднихъ горахъ въ отвѣтъ переливчатое эхо. Трава, деревья, платья дамъ — все зашелестило подъ крупными каплями грозового дождя.

— Sauve qui peut!

Дамы въ своихъ воздушныхъ одѣяніяхъ, съ кро-

хотными зонтиками, недающими ни малѣйшей защиты отъ капитальнаго ливня, мужчины въ однихъ сюртукахъ — все бѣжало спасаться. „Юнгфрауенбликъ!“ былъ общій лозунгъ: изъ-за ближнихъ деревъ манила крыша этой отели.

— M-r Куницынъ! крикнула Моничка во слѣдъ правовѣду, искавшему, подобно другимъ, спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ: — soyez si aimable, prêtez moi votre chapeau et votre surtout.

— Молодой человѣкъ остановился и снялъ съ себя то и другое.

— Voilà, mademoiselle.

— Grand merci.

Она торопливо накрылась соломенной шляпой правовѣда и пиджакъ его одѣла въ накидку.

— Prenez, defendez vous par ceci, comme vous pouvez.

Оставивъ въ рукахъ его свой маленькій зонтикъ, она уже мчалась къ спасительной кровлѣ. Распустивъ надъ собою зонтикъ, правовѣдъ поскакалъ вслѣдъ за нею.

Ластовъ, такъ неожиданно покинутый своей собесѣдницей, отыскивалъ глазами мѣсто, гдѣ бы укрыться, когда завидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ, подъ густолиственнымъ орѣшникомъ, Наденьку. Понятно, что въ мгновеніе ока онъ былъ у ней. Гимназистка

встрѣтила его съ привѣтливой, дѣтской улыбкой и указала ему около себя, подъ деревомъ, сухое мѣсто.

— Какъ славно, Левъ Ильичъ, не правда ли? Чувствуешь, что живешь! Помните, у Майкова...

— Помню; оно такъ и начинается:

Помнишь — мы не ждали ни дождя, ни грома.
Вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома...

— Нѣтъ, я думала про другое. Но и это, кажется, премиленькое. Дальше, кажется:

Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью?
— Не было конца тутъ страху и веселью,

подхватилъ Ластовъ:

— Дождикъ лилъ сквозь солнце, и подъ елью мшистой
Мы стояли точно въ клѣткѣ золотистой...

— Ахъ! вскрикнула тутъ Наденька, хватаясь безсознательно за руку молодого человѣка: вся окрестность вспыхнула мгновенно ослѣпительнымъ огнемъ, сопровождаемымъ гульливыми раскатами.

— Вдругъ надъ нами прямо громъ перекатился,

продолжалъ цитировать поэтъ:

— Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи жмуря...
Благодатный дождикъ! золотая буря!

— Какъ я испугалась! вздохнула изъ глубины души гимназистка, отодвигаясь отъ сосѣда. — А я, кажется, не трусиха... Я, знаете, еще ребенкомъ

смерть какъ любила грозу; меня такъ и называли: маленькой колдуньей. Чуть блеснетъ первая молнія, брызнетъ дождикъ, я — въ садъ, и стою тамъ съ непокрытой головою. Дождь заливаетъ меня, гроза шумитъ, а я стою, какъ очарованная. Явлюсь домой — маменька и гувернантка только ахнутъ: волоса-то всклокочены, платье какъ губка: „Наденька, Наденька, что съ тобой?“ А я тряхну головой да бѣгомъ опять подъ дождь. Теперь я начинаю понимать что̀ меня всегда такъ привлекало къ грозѣ.

— Что̀?

— Лучше всего разъяснитъ вамъ это майковское стихотвореніе, о которомъ я вамъ говорила:

Жизнь безъ тревогъ — прекрасный, свѣтлый день;
Тревожная — весны младыя грозы,
Тамъ — солнца лучъ и въ зной оливы сѣнь,
А здѣсь — и громъ, и молнія, и слезы...
О, дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ,
И горечь слезъ, и сладость слезъ!

— И вы, Надежда Николавна, сочувствуете этому? спросилъ тихимъ голосомъ поэтъ. — Вы понимаете горечь и сладость слезъ?

— М-да... — Наденька замялась. — Ахъ, да вотъ и наши философы! подхватила она съ живостью, увидѣвъ приближающихся Змѣина и Лизу. — Перемокли какъ, батюшки! Гдѣ это вы пропадали?

— Какъ видишь, подъ дождемъ, отвѣчала, отря-

хиваясь, экс-студентка. — Отстали немножко. Что-жъ, теперь можно и далѣе; дождя нѣтъ.

Гроза дѣйствительно унялась. Тамъ и сямъ по освѣженной синевѣ бродили еще легкія облачки, но подъ жгучими лучами полуденнаго солнца высыхали уже и дорожки, и зелень.

Молодежь собралась опять въ путь къ первоначальной цѣли прогулки.

— Да! вспомнилъ Ластовъ: — правда ли, Лизавета Николавна, что вы сестрицѣ своей даете читать французскихъ романистовъ?

— А что же?

— Да вѣдь увлекательныя переливанія Дюма, Сю, Феваля не имѣютъ ничего общаго съ нагою дѣйствительностью?

— Не имѣютъ.

— Такъ какъ же давать ихъ въ руки невзрослой дѣвочкѣ, фантазія которой и безъ того черезчуръ прытка, а при помощи этихъ небылицъ можетъ разыграться до безобразія?

— Невзрослой! обидѣлась Наденька. — Мнѣ 16.

— Зачѣмъ прибавлять, милая? замѣтила Лиза: — тебѣ всего въ маѣ минуло 15.

Наденька покраснѣла.

— Ну да, минуло, значитъ уже нѣтъ.

— Положимъ, успокойся. Вы, Левъ Ильичъ, удив-

ляетесь, что я не воспрещаю ей читать французскихъ романовъ? Но для полнаго образованія всякому человѣку надо ознакомиться и съ нелѣпицами міра сего.

— Съ дѣтства-то? Для дѣтей это положительно ядъ. Я очень хорошо помню, какъ, будучи гимназистомъ 2-го — 3-го класса, бралъ съ собой въ классы Монте-Кристо или тому подобную небывальщину, чтобы читать во время уроковъ, подъ скамьей. За-то, какъ вызовутъ къ доскѣ — идешь шатаясь, словно пьяный, станешь у доски и не только не знаешь что̀ отвѣчать — не понимаешь даже заданнаго тебѣ вопроса. А какъ вредно дѣйствуютъ романы на расположеніе духа, на характеръ ребенка! Ходишь всегда въ какомъ-то чаду, дѣлаешься сварливымъ, всѣмъ недовольнымъ: „Что я за несчастный! повторяешь себѣ: — отчего со мною не бываетъ никакихъ приключеній? Миновало золотое время...“ И начинаешь хандрить, дѣлаешься безучастнымъ ко всему окружающему, бросаешь заниматься: „Что пользы? вѣдь все равно ни къ чему не послужитъ...“ Является даже мысль о самоубійствѣ...

— Ну, вы слишкомъ поэтизируете, господинъ поэтъ, перебила экс-студентка. — До какого возраста, скажите, упивались вы романами?

— До 14-ти, можетъ быть и до 15-ти лѣтъ.

— И вы недовольны, что такъ рано отдѣлались

отъ пагубной страсти къ этому сладкому яду? А я скажу вамъ, почему онъ вамъ такъ скоро опротивѣлъ: вы допились до омерзѣнія. Чѣмъ скорѣе дойти до этой стадіи, тѣмъ лучше. Послѣ періода романовъ настаетъ періодъ отечественныхъ журналовъ. Съ какою гордостью, бывало, возвращалась я изъ конторы редакціи Современника или Русскаго Слова съ новымъ номеромъ журнала подъ мышкой! Нарочно повернешь его еще заглавнымъ листомъ наружу, чтобы всѣ проходящіе видѣли, что вотъ ты, молъ, какая — прогресистка! Для Наденьки, видите ли, кончается и этотъ періодъ. Она въ журналахъ читаетъ уже ученые отдѣлы, и вскорѣ, подобно мнѣ, заинтересуется вѣроятно и самыми науками, такъ-что броситъ и журналы.

— Напрасно. Журналы всегда полезны, хотя уже тѣмъ, что знакомятъ насъ съ современными интересами. Что же до французскихъ романовъ, то я долженъ вамъ еще вотъ что замѣтить. Вы смотрите на нихъ, какъ на неизбѣжное зло, съ которымъ чѣмъ скорѣе познакомиться, тѣмъ лучше, чтобы получить скорѣе отвращеніе къ нему?

— Ну да.

— Я же вижу въ нихъ зло, котораго можно избѣгнуть, если во-время изощрить вкусъ болѣе удобоваримыми вещами. Человѣкъ, испившій разъ хоро-

шаго рейнвейну, не пристрастится уже къ шампанскому. Давайте молодежи Диккенса, Гейне, Тургенева, Бѣлинскаго — и французская шипучка не прельститъ ихъ.

— Такъ, 12-ти, 13-тилѣтнимъ ребятишкамъ и давать Гейне, Бѣлинскаго? Да они половины не поймутъ.

— Нѣтъ, въ эти лѣта вообще не годится читать что-либо беллетристическое. До 16-тилѣтняго возраста человѣкъ достаточно занятъ собираніемъ элементарныхъ научныхъ свѣденій, и только съ этого времени, когда понятія у него приведены въ нѣкотораго рода систему, онъ можетъ безъ большого для себя вреда оглядѣться и въ мірѣ литературы. Мнѣ живо вспоминается Einwohner-Mädchenschule Фрёлиха въ Бернѣ, которую мы съ Змѣинымъ посѣтили проѣздомъ. Главныя старанія Фрёлиха обращены на развитіе въ ученицахъ эстетическаго чувства. Для этого онъ уже съизмала учитъ ихъ музыкѣ, устраиваетъ прогулки по романтическимъ окрестностямъ Берна, а въ высшихъ классахъ знакомитъ и съ литературой. При этомъ онъ заставляетъ и самихъ учениць сочинять стихи.

— Какъ это должно быть весело! не могла удержаться воскликнуть Наденька.

— Мнѣ удалось присутствовать на такомъ урокѣ.

Одна изъ ученицъ, 17-тилѣтняя, красивая дѣвушка прочитывала элегію своего произведенія.

— И какимъ размѣромъ была написана эта элегія? перебила опять гимназистка.

— Гекзаметрами; вѣдь это самый легкій размѣръ: въ 17 слоговъ и безъ риѳмъ. Содержаніе стихотворенія была любовь къ родинѣ. Живописную природу Швейцаріи, поэтическія легенды, гдѣ высказалась швейцарская доблесть, надежду на будущее благосостояніе отечества, твердую увѣренность, что народъ ея, самъ собою правящій и никому неотдающій отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, никогда не запятнаетъ своей чести — все это соединила она въ звучное попури, отъ котораго растрогались и она, и ея товарки. Самъ Фрёлихъ прослезился и наградилъ поэтесу поцѣлуемъ въ лобъ. Сцена была по истинѣ умилительная, такъ-что подѣйствовала раздражительно даже на слезныя железки сѣвернаго скиѳа, присутствовавшаго тутъ постороннимъ зрителемъ. Невольно вспомнились ему родные разсадники женской премудрости, откуда, вмѣсто живыхъ цвѣтовъ, душистыхъ, свѣжихъ, выпускается въ свѣтъ колекція цвѣтовъ красивыхъ, но бумажныхъ, на проволокѣ...

— Грустно въ самомъ дѣлѣ положеніе нашихъ институтокъ, замѣтилъ Змѣинъ. — Онѣ скажутъ вамъ, пожалуй, когда и зачѣмъ почесалъ себѣ за ухомъ

Александръ Македонскій, или какъ извлечь квадратный корень изъ... кубической селитры; а между тѣмъ въ состояніи при видѣ пожатой жнивы всплеснуть радостно руками: „Ахъ, теперь я знаю, какъ растутъ спички!“ Самое же горькое то, что, имѣя о Россіи такія же смутныя понятія, какъ о Сандвичевыхъ островахъ, онѣ дѣлаются совершенно равнодушными къ благу своей родины, дѣлаются космополитками, въ самомъ жалкомъ значеніи слова.

— А вы, Александръ Александровичъ, развѣ не космополитъ? спросила Лиза. — Вы, кажется, такой холодный, что не можете быть патріотомъ, привязаться къ чему-нибудь серьезно.

— О, космополитизмъ — заманчивая вещь, согласился Змѣинъ: — „Отказаться отъ всякихъ личныхъ симпатій, жить не для отдѣльнаго народа, а для цѣлаго человѣчества!“ Какія громкія фразы! Люди, сшитые на живую нитку, какъ Куницынъ, не даромъ прельщаются ими. Но нашъ братъ — глубокая, тяжелая на подъемъ натура, сросшійся съ своимъ отечествомъ всѣми фибрами своего существа, не можетъ оторваться отъ того, что̀ составляетъ его жизнь, его плоть и кровь. Если человѣкъ родился въ Россіи, воспитывался въ русскихъ заведеніяхъ, между русскими, вскормленъ русскимъ хлѣбомъ, русскими понятіями — какъ ему не любить Россіи? Любовь къ родинѣ со-

вершенно такъ же естественна, какъ любовь къ родителямъ, къ братьямъ и сестрамъ.

Въ такихъ разговорахъ путники наши вышли въ свѣтлую, прелестную долину. Справа и слѣва воздымались утесистыя громады, впереди искрились снѣжные хребты Юнгфрау и Мёнха. По близости, изъ-за купы густого орѣшника, глядѣла зубчатая стѣна развалины.

— Вотъ никакъ и Уншпунненъ, замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

Около развалины, между деревъ, мелькнули фигуры мальчика и нѣсколькихъ козъ.

— Сейчасъ узнаемъ, сказала Наденька и подбѣжала къ пастушку. — Послушайте, какая это руина?

Мальчуганъ съ любопытствомъ разглядывалъ хорошенькую барышню, такъ неожиданно выросшую передъ нимъ изъ земли. Она должна была повторить вопросъ.

— Разумѣется, Уншпунненъ, удивленный ея невѣденіемъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Какія же у васъ о немъ легенды? Говорите, разсказывайте, молодой человѣкъ, покуда не подошли другіе.

— Что такое легенда?

— Легенда?...

Наденька смолкла: на шляпѣ мальчика усмотрѣла

она большую, пышную розу и забыла уже о своемъ вопросѣ.

— Какая прелесть! воскликнула она; — подарите мнѣ ее.

И, не дожидаясь его согласія, она сорвала шляпу съ кудрявой головы его и отцѣпила розу. Потомъ достала портмонэ и подала мальчику франкъ.

— На̀-те.

Пастушокъ съ радости ротъ разинулъ и забылъ даже поблагодарить щедрую дательницу. Когда же та обратилась къ спутникамъ, похвастаться своей добычей, то осторожный мальчуганъ, опасаясь угрызеній совѣсти барышни, за ея великую расточительность, заблагоразсудилъ скрыться съ своими питомцами.

— Руина какъ руина, говорила Лиза, озирая башнеобразную, весьма необширную развалинку за̀мка. — Только прежніе обитатели этой великолѣпной Burg были вѣроятно лилипуты, потому-что иначе необъяснимо, какъ въ такомъ тѣсномъ пространствѣ умѣщалась широкая жизнь рыцарей.

— Да они и были лилипуты, подтвердилъ Змѣинъ: — въ прежніе вѣка и Швейцарія кишѣла мелкотравчатыми ѳеодалами. Всякій изъ „благороднаго“ сословія рыцарей считалъ необходимою принадлежностью своего сана — неограниченное самоуправство, хотя-бъ на

пространствѣ квадратной сажени; вотъ начало этихъ лилипутскихъ зàмковъ.

— А что, вмѣшалась Наденька, — можетъ быть, и не всѣ лилипуты этого зàмка вымерли? Пойдемте, поищемте: чего добраго, вытащимъ изъ какой-нибудь щели карапуза-Зигфрида.

— Непремѣнно вытащите: здѣсь раздолье мышамъ и крысамъ.

— Ахъ, какой вы гадкій, Александръ Александровичъ! Не даромъ Моничка называетъ васъ матеріалистомъ. Левъ Ильичъ, вы хоть натуралистъ, да поэтъ; побѣжимте, догоните меня.

Наденька, и за нею Ластовъ, взбѣжали на холмикъ, на которомъ возвышалась развалина, и, отыскавъ на противоположной сторонѣ ея безформенное отверстіе, служившее когда-то дверью, спустились въ самый зàмокъ. Ихъ обдало прохладою и сыростью. Крышу зданія Богъ-вѣсть когда уже снесло, и ласково млѣло въ вышинѣ отдаленное, лазурное небо. Въ ногахъ у нихъ валялись кирпичи и камни, обломавшіеся отъ стѣнъ; по волѣ расцвѣтали кругомъ чертополохъ, папоротникъ, крапива.

— Какъ бы взобраться вонъ туда? говорила Наденька, указывая глазами на верхушку стѣны: — какой, я думаю, оттуда видъ!

— Посмотримъ, сказалъ Ластовъ и, ухватившись

обѣими руками за край высокой оконной бойницы, неимѣвшей, какъ само собою разумѣется, ни стеколъ, ни рамы, вскочилъ на самое окно. — Ну, Надежда Николавна, теперь вы.

Онъ опустился на одно колѣно, и протянулъ къ ней руки.

— Да страшно . . .

— Ничего, не бойтесь, держитесь только крѣпче.

Наденька взялась за поданныя руки, оперлась носкомъ на выдавшійся изъ стѣны кирпичъ, Ластовъ приподнялъ ее — и она стояла уже на окнѣ возлѣ него.

— Ахъ, что за видъ! вѣдь я говорила!

Подъ ногами молодыхъ людей разстилалась во всей своей лѣтней красѣ лаутербрунненская долина, залитая жгучимъ золотомъ солнца.

— Послушайте, Надежда Николавна, когда вы вглядываетесь въ такой ландшафтъ, не находитъ на васъ неодолимое желаніе броситься изъ окошка на встрѣчу всей природѣ, заключить въ объятія цѣлый міръ?

Дѣвушка разсмѣялась.

— А на васъ находитъ? Ну, бросьтесь.

— Извольте. Господи благослови!

Онъ готовился соскочить съ окна; Наденька вовремя удержала его за руку.

— Что за ребячество! вѣдь расшиблись бы.

— Наденька! Левъ Ильичъ! домой! донеся снизу голосъ Лизы.

— Уже? удивилась Наденька. — Надо бы какъ-нибудь увѣковѣчить свое пребываніе на этой высотѣ... Нѣтъ ли у васъ карандашика?

— Есть.

Ластовъ вынулъ бумажникъ.

— Но стѣна слишкомъ шероховата, сказалъ онъ: — ничего не напишешь. Вотъ у меня визитная карточка — распишитесь на оборотѣ.

— Гуси-лебеди, домой! раздалось опять снизу. — Гдѣ вы запропастились? Обѣдать пора, скоро два часа.

— Ахъ, скорѣй, скорѣй! заторопила Наденька, выхватывая изъ рукъ молодого человѣка карандашъ и карточку, и, приложивъ послѣднюю къ стѣнѣ, расчеркнулась на ней: „Н. Липецкая. 2/14 Іюля 186—г.“

— Спрячьте же куда-нибудь, да подальше, чтобы никто не нашелъ.

Ластовъ приподнялся на цыпочки и втиснулъ карточку въ глубокую расщелину надъ окномъ.

— Здѣсь и дождемъ не захватитъ.

Онъ соскочилъ внутрь развалины.

— А я-то какъ? сказала гимназистка: — вѣдь высоко.

— Упритесь на мое плечо.

— А вы закройте глаза.

— Могу.

Едва коснувшись плеча молодого человѣка, ловкая барышня въ мигъ соскользнула на землю.

XII.

Какое назначеніе женщины?

— Такъ вы, Александръ Александровичъ, о насъ одного мнѣнія съ Наполеономъ?

— Съ Наполеономъ?

— Да, съ I-мъ. Помните, какъ онъ выразился на вопросъ m-me Staël: какую женщину онъ уважаетъ болѣе всего?

— Какъ?

— „Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ, — la respectable femme, qui a fait le plus d'enfants".

— Со стороны француза подобный отвѣтъ былъ, конечно, не совсѣмъ деликатенъ, усмѣхнулся Змѣинъ, — тѣмъ болѣе, что женщина, предлагавшая вопросъ, явно напрашивалась на любезность: „Васъ, молъ, сударыня, я уважаю болѣе всѣхъ." Но съ своей точки зрѣнія, Наполеонъ разсуждалъ весьма логично.

— А съ вашей точки зрѣнія? Впрочемъ, что-жъ я спрашиваю: вѣдь вы ученикъ Куторги.

— Во взглядѣ на женщинъ, я дѣйствительно схожусь съ нимъ отчасти.

— Значитъ, и по вашему, человѣческія самки только пищатъ, не поютъ?

— Гм, казусный вопросъ. Мнѣ нравится, признаться, женское пѣніе; но какъ знать — можетъ быть, изъ пристрастія? Вѣдь и птичьимъ самцамъ, я увѣренъ, пискъ ихъ самокъ кажется очаровательнѣйшимъ пѣніемъ.

— Ну, пошли! Птичьи самцы одѣты всегда въ пестрое, праздничное платье, самки — въ сѣрое, будничное, слѣдовательно онѣ сандрильоны, назначеніе которыхъ сидѣть дома, производить себѣ подобныхъ, и т. д., и т. д.

— Совершенно справедливо. И назначеніе человѣческихъ самокъ — семейная жизнь.

Лиза сдѣлалась серьезною.

— Вотъ вы, мужчины, какіе деспоты, что не хотите въ насъ признать даже равныхъ съ вами умственныхъ способностей! И все только потому, что вы тѣломъ сильнѣе. Смѣются надъ средневѣковымъ кулачнымъ правомъ, а что же это, какъ не вопіющее кулачное право? Я не отрицаю факта, что нынче много пустыхъ женщинъ; но отчего ихъ много? Оттого, что вы, мужчины, сдѣлали изъ нихъ этихъ куколъ и рабынь, что вы не даете развиться имъ, что

вы столько разъ напѣвали имъ: „волосъ бабы дологъ, умъ коротокъ“, что онѣ, наконецъ, и сами тому повѣрили.

— А вы, Лизавета Николавна, затѣмъ вѣроятно остриглись, чтобы показать, что не подходите подъ общую мѣрку?

— Да, затѣмъ! отвѣчала съ сердцемъ экс-студентка. — Такъ-какъ вы уже затронули этотъ вопросъ, то знайте же, что я пожертвовала своими волосами въ пользу недавнихъ питерскихъ погорѣльцевъ.

— Честь вамъ и слава; вы уподобились, значитъ, карѳагенскимъ женамъ. Но спрашивается, куда дѣть погорѣльцамъ такой небольшой кусокъ каната? Развѣ съ горя повѣситься?

— Ваши остроты, Александръ Александровичъ, совершенно неумѣстны. Въ жалкомъ положеніи погорѣльцевъ и какіе-нибудь 8 рублей, которые я получила отъ парикмахера за свою шевелюру, немаловажная помощь.

— Ну, 8 рублей у васъ, пожалуй, и такъ бы нашлось; для такой суммы не стоило лишаться волосъ, этой истинной красы женщинъ.

— Хорошо, оставимъ этотъ вопросъ. Такъ, по вашему, только замужняя женщина достигаетъ своего назначенія?

— Да; незамужняя — незрѣлый плодъ . . .

— Который, въ ожиданіи великаго счастія быть выбраннымъ въ сожительницы однимъ изъ васъ, долженъ сидѣть сложа руки и помирать съ голода?

— Нѣтъ, и незамужняя женщина должна трудиться. Я даже допускаю, что силамъ женщины довѣряютъ до сихъ поръ слишкомъ мало, что кругъ дѣятельности ея могъ бы быть обширнѣе нынѣшняго. Зачѣмъ бы ей не быть, напримѣръ, конторщикомъ, управляющимъ домомъ или имѣніемъ, фотографомъ, женскимъ врачомъ? При незначительной семьѣ подобныя обязанности она могла бы исполнять даже во время замужества.

— А! вотъ видите ли: значитъ, замужество только помѣха, значитъ, незамужняя женщина еще лучше замужней можетъ исполнять свой человѣческій долгъ. Что же вы говорили о незрѣломъ плодѣ?

— И повторяю: незамужняя женщина — незрѣлый плодъ. Пусть ее ставитъ себя по возможности независимо, заработывая свой собственный хлѣбъ; но положеніе ея — выжидательное. Уже поэтому (не говоря о ея меньшихъ умственныхъ способностяхъ) женщина не можетъ занимать должностей, болѣе важныхъ: профессорскихъ, чиновничьихъ, потому-что въ этихъ должностяхъ она не могла бы выдти замужъ.

— Почему-жъ такъ? въ Нью-Йоркѣ же есть професорши . . .

— Которыя вѣроятно всѣ холосты.

— Изъ чего вы это заключаете?

— Да представьте себѣ положеніе слушателей замужней професорши. Сидятъ они, въ ожиданіи ея, въ аудиторіи — вдругъ объявляютъ имъ, что г-жа професорша намѣрена подарить отчизнѣ новаго гражданина, почему не смѣетъ впродолженіе столькихъ-то недѣль выходить изъ комнаты. Слушатели и на бобахъ! Наконецъ, является она, начинаетъ только-что привѣтственную рѣчь — а тутъ изъ-за дверей доносится жалобный пискъ; стремглавъ кидается професорша за дверь — утолить жажду маленькаго пискуна, котораго оставила тамъ съ нянькой. Слушатели опять на бобахъ!

— Зачѣмъ же ей кормить самòй? возразила экс-студентка: — есть мамки.

— Добросовѣстная мать всегда кормитъ сама.

— Да, наконецъ, къ чему выходить ей вообще замужъ? Докажите мнѣ, что семейная жизнь необходима, что безъ нея женщина — незрѣлый плодъ...

— Извольте. Вы вѣдь допускаете, что основаніе всего органическаго міра — жизнь?

— Да. Что-жъ изъ того?

— Какъ произведенія законовъ природы, мы не имѣемъ права нарушать эти законы и, рожденные однажды, не смѣемъ самовольно пересѣкать свое су-

ществованіе, а напротивъ всѣми силами должны поддерживать его.

— Такъ. Но кто же говоритъ о самоубійствѣ?

— Я говорю не о самоубійствѣ, а объ убійствѣ тѣхъ существъ, которымъ мы могли бы дать жизнь — и не даемъ. Умирая бездѣтно, мы дѣлаемся убійцами нашихъ потомковъ, членовъ будущаго поколѣнія. Хотя садовники и взращиваютъ съ особенною заботливостью махровые цвѣты, плѣняющіе насъ своимъ пышнымъ видомъ, но кому неизвѣстно, что всякій махровый цвѣтокъ въ сущности не что иное, какъ болѣзненное состояніе цвѣтка, какъ аномалія, такъ-какъ плодородныя части его: пестики и тычинки, превращены искуственнымъ образомъ въ болѣе низкіе органы — въ лепестки. Что же сказать о людяхъ, которые отказываются отъ семейной жизни для того, чтобы стать махровыми? Цвѣты махровые не теряютъ хоть своего натуральнаго запаха, получаютъ болѣе роскошный видъ; а махровые люди?

— Такъ и мужчины же бываютъ махровыми?

— Бываютъ. Только мужчина и женщина вмѣстѣ взятые составляютъ цѣлаго человѣка. Мужчина — умъ, женщина — чувство.

— Старая пѣсня!

— Старая, но меткая, правдивая. Можете ли

вы указать мнѣ на женщину, прославившуюся, напримѣръ, какъ скульпторъ, живописецъ?

— Гм... не припомню сейчасъ.

— И не припомните, еслибы даже стали припоминать. Скульптурныхъ произведеній женщинъ я даже не встрѣчалъ; но отчего же женщины и въ живописи не доходятъ далѣе цвѣтовъ и плодовъ? Даже нѣтъ попытокъ изобразить историческій, всемірный сюжетъ. Тутъ виновато вотъ что...

Змѣинъ указалъ на лобъ.

— Мозгъ! воскликнула Лиза. — Вы съ Куторгой полагаете, что у насъ его менѣе, чѣмъ у васъ?

— Не полагаю, а положительно знаю, потому-что лично производилъ взвѣшиванія. Но есть большая вѣроятность, что и самый составъ мозга у васъ иной, чѣмъ у насъ.

— Химія этого не показала.

— Не показала; но не потому, что вашъ мозгъ и нашъ одинаковы, а просто потому, что химія стоитъ еще довольно низко. Надо разсматривать вопросъ съ отрицательной стороны: чего вы, женщины, не можете. Женщинъ-живописцевъ, скульпторовъ вы не могли мнѣ назвать. Пойдемте далѣе: составила ли себѣ когда женщина громкое имя, какъ первоклассный литераторъ?

— Сафо, Жоржъ-Зандъ...

— Все звѣзды второй величины. Если женщины имѣли еще нѣкоторый успѣхъ на литературномъ поприщѣ, то потому, что могли выказать здѣсь чувство: Сафо — лирикъ, Зандъ — повѣствовательница любовныхъ интригъ. И такъ, и въ литературѣ женщина — пасъ. А раскройте исторію наукъ, изобрѣтеній — найдете ли вы хоть одно женское имя?

— Н-нѣтъ; но вѣроятно потому, что женщина была до сихъ поръ слишкомъ угнетена, что ей не давали случая развернуться.

— Пустяки! Такъ же можно бы сказать, что женщина ростомъ менѣе мужчины, потому-что ей не даютъ развернуться. Возьмите извѣстныхъ мужчинъ: Шиллеръ цѣлый вѣкъ боролся съ бѣдностью, Ломоносовъ, Линкольнъ — дѣти мужиковъ. Сила всегда возьметъ свое; а гдѣ ея нѣтъ, тамъ нечего и искать ея. Очевидно, что дѣятельность женщины должна вращаться въ другой сферѣ, не интелектуальной . . .

— Ну, да! перебила Лиза: — чувство у нея развито несравненно глубже, и т. д.; та же пѣсня.

— Точно такъ. Чувство состраданія, способность переносить съ твердостью горе, мученія — отличительныя черты тѣлесно слабѣйшаго пола. Въ случаяхъ, гдѣ главную роль играло чувство, хоть бы любовь къ родинѣ, женщины нерѣдко обезсмертивались высокими подвигами, какъ напримѣръ: Жанна

д'Аркъ, Шарлота Кордэ. Но само собою разумѣется, что назначеніе женщины не можетъ ограничиваться выжиданіемъ случая спасти родину, или сотворить иной подвигъ. Назначеніе ея слѣдуетъ искать гораздо ближе, и сама природа ея указываетъ намъ на него. Мужчина достигаетъ возмужалости не ранѣе 20-ти — 22-хлѣтняго возраста, женщина — взросла въ 16, много-много въ 18 лѣтъ. Такимъ образомъ, до супружества женщина имѣетъ на пріобрѣтеніе элементарныхъ свѣденій нѣсколькими годами менѣе мужчины; замужемъ же она и подавно не можетъ серьезно заняться науками...

— Почему? Вы думаете, что дѣти займутъ у нея столько времени...

— Да, думаю. Только женщина, съ ея податливой, мягкой натурой, способна взлелѣять первый возрастъ малютки. А сколько разнообразныхъ занятій ждетъ ее при тщательномъ воспитаніи дѣтей до тѣхъ годовъ, гдѣ они могутъ быть отданы въ школу! Да и въ періодѣ школы мать оказываетъ на нихъ свое благотворное вліяніе. А если ко всему этому Господь надѣляетъ ее что годъ новымъ дѣтищемъ, какъ то и должно быть при нормальномъ образѣ жизни? Тутъ ей ужъ не до возвышенныхъ мечтаній, не до общежитейскихъ вопросовъ: самый близкій для нея вопросъ — тѣлесное и душевное здравіе ея

Ванички, ея Машеньки. Между прочимъ, она, конечно, поддерживаетъ и связь съ общественною, всемірною жизнью — чтеніемъ журналовъ, избраннымъ кругомъ знакомыхъ, дружескими бесѣдами со своимъ вторымъ я — мужемъ, который совѣтуется съ ней во всѣхъ трудныхъ случаяхъ его многоподвижной жизни. Свѣтлымъ взглядомъ, ласковымъ словомъ сглаживаетъ она морщины заботъ на лицѣ его, а это, говорятъ, для истинной женщины удовольствіе не изъ послѣднихъ! Да, воспитывая отечеству въ своихъ дѣтяхъ нѣсколько достойныхъ гражданъ, она въ нѣкоторомъ отношеніи дѣлается даже важнѣе своего благовѣрнаго: онъ приноситъ пользу только какъ отдѣльный индивидуумъ, она — даритъ отчизнѣ цѣлую колекцію полезныхъ индивидуумовъ. Что же до безбрачной жизни мужчины, то она почти такъ же неполна, какъ жизнь дѣвушки, и сколько ни трунятъ надъ старыми дѣвами, — при видѣ этихъ бѣдныхъ, безцѣльныхъ существъ, беретъ меня только жалость, тогда-какъ односторонніе выходки стараго холостяка, имѣвшаго, какъ мужчина, безъ сомнѣнія, не одинъ случай найти себѣ подходящую пару, возбуждаютъ во мнѣ жёлчный смѣхъ.

XIII.

Гдѣ искать поэзіи въ природѣ?

Тихонько насвистывая про себя модный въ то время романсъ Скажите ей, Ластовъ разсѣянно шелъ рядомъ съ Наденькой, отбивая тростью пушистыя головки одуванчиковъ, устилавшихъ край дорожки.

— Что вы казните несчастныхъ? спросила гимназистка.

— Виновать! очнулся поэтъ и, тутъ же замѣтивъ, о чемъ проситъ извиненія, разсмѣялся. — А вы думаете, имъ больно?

— Больно не больно, а все-таки жаль убивать хорошенькія созданія природы, которыя ни въ чемъ неповинны. Вы, я вижу теперь, по истинѣ — натуралистъ, холодный, безсердечный, и если сочиняете стихи, то вѣроятно одни саркастическіе; мнѣ не вѣрится, что вы и въ душѣ поэтъ.

— Какая вы невѣроятная. Почему же вамъ это не вѣрится? объяснитесь ближе.

— Потому-что, видите ли . . .

Наденька замолкла и опустила личико въ знакомую намъ уже розу, похищенную у пастушка.

— Потому-что человѣкъ, погрузившійся, такъ-

сказать, по уши въ сухой анализъ жизненныхъ процесовъ, долженъ поневолѣ потерять уваженіе ко всему прекрасному: встрѣтится ему что прекрасное, возбуждающее въ немъ своей безукоризненной изящностью смутное, пріятное чувство, — съ кровожадностью хищнаго звѣря бѣжитъ онъ за ножичкомъ, за микроскопомъ, съ холодною любознательностью разлагаетъ прекрасное на составныя части: надо же допытаться до основной причины пріятнаго чувства; ну, и допытается, найдетъ, что виновата во всемъ какая-нибудь мелочь, „недостойная разумнаго человѣка“! Усмѣхнется онъ съ сожалѣніемъ надъ собою и прочтетъ себѣ мысленно мораль — впередь быть осмотрительнѣе и не увлекаться всякой милой бездѣлушкой.

— Зачѣмъ же читать себѣ мораль? возразилъ натуралистъ. Если бездѣлушка мила, то не грѣхъ и увлечься ею. Надо пользоваться всѣмъ въ сей жизни бренной: *Man lebt nur einmal*, Walzer von Strauss.

— Это ужасно! Съ возмутительнымъ прилежаніемъ разыскиваете вы значеніе всякаго винта, всякой пружинки въ механизмѣ прекраснаго творенія и, опрофанировавъ его, извлекаете изъ него еще практическую пользу... Да это — уголовное преступленіе, это низ... непростительно!

— Что-жъ вы недоговорили? Вы высказываете чисто-сердечное убѣжденіе, я не имѣю права обижаться.

— Все равно . . . Эта роза напоминаетъ мнѣ одну мысль у Бѣлинскаго. Читали вы его статью о Лермонтовѣ?

— О стихотвореніяхъ его?

— Да.

— Читалъ: одна изъ лучшихъ статей Бѣлинскаго.

— Онъ даетъ тамъ опредѣленіе слова „поэзія". — „Поэзія, говоритъ онъ, — описывая розу, не заботится о ея химическомъ составѣ. Поэзіи нѣтъ дѣла до клѣтчатки, красильнаго вещества и проч.; она беретъ лишь изящный очеркъ цвѣтка, нѣжные переливы красокъ, сладостный ароматъ его — и создаетъ изъ всего этого новую розу, которая еще лучше, еще прекраснѣе настоящей." Представьте же себѣ, что мы станемъ разрывать цвѣтокъ на части . . .

И, говоря это, Наденька приводила уже слова свои въ исполненіе:

— На части, вотъ такъ — сперва лепестки, потомъ чашечку . . . Видите, какъ этотъ лепестокъ измялся, посинѣлъ въ моихъ пальцахъ? Гдѣ его чистый, розовый колоритъ, гдѣ его запахъ? Понюхайте . . .

Дѣвушка поднесла лепестокъ къ носу молодого человѣка, губы котораго по какому-то странному случаю прикоснулись къ пальчикамъ ея. Не показывая, однако, вида, что она подозрѣваетъ въ этомъ

тайный умыселъ, гимназистка, удаливъ руку на безопасное разстояніе, продолжала:

— Чувствуете, чѣмъ пахнетъ? Какою-то только сыростью, простой травой. Значитъ, уже отъ немногосложнаго анатомированія такими простыми орудіями, какъ человѣческіе пальцы, цвѣтокъ лишился природной красоты и свѣжести. Если же изрѣзать его ножикомъ на мелкіе кусочки, разсматривать эти кусочки подъ стеклышкомъ, то улетучится и послѣдняя доля поэзіи, которую можно было бы найти еще въ увяданіи нѣжнаго, душистаго цвѣточка отъ грубыхъ рукъ человѣка... Ахъ, Боже мой! опомнилась тутъ барышня, — что же я сдѣлала? ощипала мою душку, миленькую, прекрасную розу! А все по вашей милости, господинъ натуралистъ! извольте достать мнѣ новую!

— Сію минуту?

— Сію минуту.

— А если здѣсь, въ лѣсу, нѣтъ розъ?

— Такъ хоть достойный сурогатъ. Мало ли здѣсь цвѣтовъ. Только поскорѣе, чтобы не отстать отъ другихъ.

Ластовъ скрылся въ чащѣ. Минуту спустя онъ вернулся съ торжествующимъ видомъ, съ ландышемъ въ рукѣ.

— Надежда Николавна! convalaria majalis!

— Я — convalaria majalis?

— И вы, и вотъ...

— О, первый ландышъ! изъ-подъ снѣга
Ты просишь солнечныхъ лучей;
Какая дѣвственная нѣга
Въ душистой чистотѣ твоей!

продекламировала Наденька, принимая цвѣтокъ и упиваясь его нѣжнымъ благоуханіемъ.

— Первый ландышъ — въ іюлѣ-то мѣсяцѣ? засмѣялся Ластовъ.

— Ну да, вамъ бы все критиковать. И ландышъ-то окрестили по-латыни: convalaria! Вотъ онъ и потерялъ уже половину своего природнаго запаха. Эхъ, вы, натуралисты!

— Натуралисты, Надежда Николавна, вѣрнѣе всякаго ненатуралиста понимаютъ поэзію природы.

— Скажите! Мы — дѣти въ естественныхъ наукахъ, такъ и не можемъ постичь всѣхъ затаенныхъ красотъ природы; такъ, что ли?

— Вы вотъ шутите, а не знаете, что высказываете глубокую истину. Какъ вы полагаете: если вы ребенку прочтете что-нибудь изъ Гейне, изъ Шиллера, доставите ли вы ему этимъ большое удовольствіе?

— Напротивъ: онъ зазѣвается и заснетъ.

— А прочтите ему сказку — онъ заслушается васъ съ такимъ упоеніемъ, что и не отвяжетесь отъ

него. И мы, взрослые, не можемъ отрицать въ фантастическихъ небылицахъ сказокъ извѣстной доли поэзіи, но эта доля гомеопатична и поэзія изъ самыхъ наивныхъ, самыхъ простыхъ; тогда-какъ Шиллеръ и Гейне читаются нами съ такимъ же энтузіазмомъ, съ какимъ дитя слушаетъ глупую сказку.

— Ну, а если Шиллеръ или Гейне, изъ которыхъ, сколько я знаю, ни тотъ, ни другой не былъ натуралистомъ, воспѣваютъ природу, то, въ сравненіи съ вашей поэзіей, натуралистовъ, и это, въ свою очередь, будетъ поэзіей дѣтской, наивной?

— Безъ сомнѣнія.

— Ха, ха, ха! Какое бы стихотвореніе взять для примѣра? Да вотъ хоть, помните, у Майкова есть переводы изъ Гейне; одинъ изъ нихъ начинается такъ:

„Отъ солнца лилія пугливо
Головкой прячется своей.“

— Ну-съ?

— Ну-съ, эта самая лилія въ лунномъ свѣтѣ:

Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ
И, всѣ раскрывши лепестки,
Благоухаетъ и трепещетъ
Отъ упоенья и тоски.

Это ли не поэзія, это ли не чувство? А, по вашему, это только наивно?

— А то какъ же? Лилія, по словамъ поэта,

„Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ —“

„Глядитъ“? Да чѣмъ же, позвольте узнать, какими органами глядитъ она, когда у нея нѣтъ глазъ? „Горитъ“? Да отчего ей разгораться? отъ луннаго-то свѣта? Ужъ коли возвыситься температурѣ вращающихся въ ней соковъ, то отъ знойнаго солнца, отъ котораго она

пугливо
Головкой прячется своей.

— Ну, пошли анатомировать! Такъ вы пожалуй скажете, что она и „упоенья и тоски“ не можетъ чувствовать?

— А неужто можетъ? У нея нѣтъ нервной системы. И послѣ этого стихи эти не наивны? Да они, говоря по-просту, — ерунда!

Краска выступила на щекахъ Наденьки.

— Любопытно бы знать, какую поэзію натуралисты находятъ въ цвѣткѣ? Что̀ видите вы въ микроскопъ, когда подложите туда кусочекъ растенія?

— Растительныя клѣточки.

— Растительныя клѣточки! Скажите, какъ поэтично! Я ужъ представляю себѣ, какъ вы, сидя надъ микроскопомъ, затягиваете трогательный гимнъ:

„Растительныя клѣточки
Родимыя мои!
Все въ ровныя фасеточки
Сложились вы, какъ въ сѣточки,
Блондиночки, брюнеточки,
На голосъ: ай-люли, люли,
Ай-люли!“

— Брависимо! разсмѣялся Ластовъ. — Но, шутки въ сторону: растительныя клѣтки — вещь очень интересная. Прослѣдивъ зарожденіе, развитіе клѣтки, опредѣливъ ея значеніе въ каждой части растенія, вы словно прозрѣваете, вамъ раскрывается новый, невѣдомый міръ внутренней жизни растенія: процесъ питанія, движеніе соковъ по жиламъ растенія, обмѣнъ въ нихъ веществъ, дыханіе посредствомъ устьицъ на нижней поверхности листьевъ — все это для васъ полно поэзіи. Вамъ дѣлается понятной эта трепетная жажда тепла и свѣта, съ которою цвѣтокъ обращается всегда въ сторону солнца: какъ сердце человѣка наливается и зрѣетъ подъ лучами любви, такъ растеніе созрѣваетъ подъ живительнымъ огнемъ солнца. Наблюдайте и любуйтесь! Здѣсь также жизнь, также поэзія. Поэтъ, съ его тонкимъ чувствомъ, подмѣтилъ эту жизнь, эту поэзію, но, слѣдуя общей людской слабости — мѣрить по своей мѣркѣ, одушевилъ растеніе человѣческими ощущеніями: упоеньемъ и тоской. Это мило, но сказочно-мило, наивно.

Мечтательно слушала Наденька поэта-натуралиста.

— Такъ послѣ этого, сказала она, вы не только растеніе, но и всякое произведеніе природы, какого-нибудь червяка или букашку, должны находить прекраснымъ и поэтическимъ?

— Всеконечно. Что̀ изъ того, что вамъ, можетъ быть, непріятно съѣсть съ малиной полевого клопа, проглотить муху или взять въ руки таракана? Вѣдь не могутъ же нѣкоторые люди ѣсть землянику — развѣ она отъ того что-нибудь дурное?

— А для васъ тараканы то же самое, что̀ земляника?

— Да чѣмъ же они не хороши? Если разглядѣть ихъ повнимательнѣй, то нельзя не признать извѣстной изящности въ очеркѣ ихъ крыльевъ, въ лихо-скрученныхъ усикахъ. Они въ своемъ родѣ также прекраснѣйшія произведенія природы.

Наденька лукаво засмѣялась.

— Хорошо же, примемъ къ свѣденію.

XIV.

Прекраснѣйшія произведенія природы.

За нѣсколько минутъ до вечерняго чаю, гимназистка удалилась въ свою комнату поправить прическу.

Въ окошко увидѣла она проходящую мимо, съ блюдомъ земляники, Мари. Она подозвала ее къ себѣ.

— Душенька, нѣтъ ли у васъ здѣсь таракановъ?

Швейцарка посмотрѣла на нее съ непритворнымъ удивленіемъ.

— Таракановъ?

— Да, прусаковъ, въ кухнѣ, что ли?

— Нѣтъ, фрейлейнъ, мы слишкомъ опрятны, чтобы у насъ могли завестись эти грязныя твари.

— Какъ различны вкусы! А я знаю одного господина, который отъ нихъ безъ ума. Такъ не достанете ли вы мнѣ ихъ?

— Да на что же они вамъ?

— Это мое дѣло. Послѣ увидите. Достанете?

— Достать-то почему не достать; здѣсь недалеко, у сосѣдей...

— Такъ пожалуйста, Мари. Да смотрите, побольше, полную коробку. И никому не сказывайте.

— На этотъ счетъ будьте покойны. Куда же прикажете доставить вамъ ихъ?

— Да мы сейчасъ чай будемъ пить; вызовите меня.

— Слушаю-съ.

Качая головой, швейцарка отправилась исполнять странное порученіе.

За чаемъ Наденька была развязнѣе чѣмъ когда-либо, шутила съ молодыми людьми, шушукалась съ

Моничкой. Въ дверяхъ показалась Мари и кивнула ей головой. Гимназистка вскочила и торопливо послѣдовала за нею изъ комнаты.

— Что-жъ, достали?

— Какъ же, вотъ . . .

Посланница подала ей небольшую коробочку. Наденька подняла осторожно уголокъ послѣдней: оттуда высунулось нѣсколько подвижныхъ усиковъ.

— Отлично! Какъ я вамъ благодарна, Мари! Теперь еще одно: есть у васъ свѣжее тѣсто?

— Да вы никакъ хотите изъ нихъ пирогъ спечь?

— Угадали.

Мари отвернулась съ отвращеніемъ.

— Тьфу, мерзость! и вы ѣдите таракановъ; у васъ это національное блюдо?

— Нѣтъ, я-то не ѣмъ, залилась въ отвѣтъ Наденька.

— Такъ тотъ господинъ, про котораго вы сказывали?

— Не знаю, ѣстъ ли онъ ихъ; но онъ говорилъ, что очень любитъ таракановъ; вотъ я и хочу сдѣлать ему сюрпризъ.

— Кто-жъ это? изъ нашихъ пансіонеровъ?

— Да, знаете, этотъ длинный, блѣдный.

— Г-нъ Ластовъ?

— Онъ самый.

— Нѣтъ, фрейлейнъ, въ такомъ случаѣ я это никакъ не могу допустить... Отдайте мнѣ назадъ коробку, я выброшу ее.

— Да, милая моя, я вѣдь хочу ему только доказать, какъ тараканы противны...

— Но и другихъ бы вмѣстѣ съ нимъ стошнило. И что за слава, посудите, пошла бы на нашу отель, еслибъ у насъ допускались подобныя вещи?

Наденька сдѣлала плачевную гримасу.

— Но какъ же мнѣ быть, душенька?

— Если г-нъ Ластовъ такъ любитъ таракановъ, то отдайте ихъ ему въ коробкѣ.

— Да они, понимаете, должны быть ему сюрпризомъ... Ахъ, знаете что, Мари? Подсуньте-ка ихъ ему въ карманъ! Вамъ оно удобнѣе: какъ станете обносить чай...

— Нѣтъ, фрейлейнъ, увольте меня.

— Марихенъ, миленькая, пожалуйста!

— Отвѣтственность вы возьмете на себя?

— Всю, всю.

— Ну, хорошо. Не обвязать ли коробку розовымъ шнуркомъ?

— Ахъ, да, непремѣнно. Надо бы и надпись сдѣлать. Гдѣ бы взять чернилъ да перо?

— Пойдемте въ контору.

Минуты двѣ спустя, Наденька сидѣла опять въ

столовой, возлѣ Монички. Вошедшая вслѣдъ за нею Мари наклонилась черезъ плечо Ластова, чтобы поставить на столъ хлѣбную корзинку. Когда затѣмъ поэтъ сталъ доставать изъ кармана платокъ, то ощупалъ тамъ нѣчто четырехугольное. Вытащивъ это нѣчто на свѣтъ, онъ съ недоумѣніемъ увидалъ въ своихъ рукахъ голубую коробочку, обвязанную розовою лентой; на крышкѣ были начертаны красивымъ женскимъ почеркомъ слова: „Прекраснѣйшія произведенія природы.“ Съ любопытствомъ развязалъ онъ ленту и раскрылъ коробку... Вкругъ стола поднялся общій гвалтъ:

— Schwaben, Russen!

По скатерти разбѣжалось стадо прусаковъ. Болѣе другихъ, однако, перепугалась сама виновница маленькой катастрофы, Наденька: ей не безъ основанія представилось, что буря всеобщаго недовольства сейчасъ вотъ разразится надъ нею... Къ счастью ея, Ластовъ, замѣтившій ея крайнее смущеніе, великодушно отвелъ роковой ударъ съ больной головы на свою — здоровую. Онъ поспѣшилъ переловить краснокожихъ бѣглецовъ, а потомъ обратился къ присутствующимъ съ извинительнымъ спичемъ: „Онъ, дескать, натуралистъ и пріобрѣлъ прусаковъ для физіологическихъ опытовъ.“ Гимназистка вздохнула свободнѣе и, чтобы отблагодарить любезнаго молодого

человѣка, была съ нимъ цѣлый вечеръ необычайно ласкова. Правовѣду это нимало не приходилось по сердцу, и когда стали расходиться, онъ взялъ пріятеля подъ руку и вывелъ его на улицу. Рука объ руку побрели они внизъ по алеѣ.

— Мнѣ надо серьезно переговорить съ тобою, началъ Куницынъ: — ты, cher ami, забываешь нашъ гисбахскій уговоръ; а уговоръ лучше денегъ.

— Какъ такъ забываю?

— Да такъ: ты вплотную ухаживаешь за Наденькой.

— Ухаживаю? ни чуть. Что я хаживалъ съ нею, напримѣръ, къ Уншпуннену — не отрекаюсь, но хаживать далеко еще не значитъ ухаживать. Да и кто-жъ тебѣ велѣлъ давича бросить насъ?

— Кто! Развѣ ты не видѣлъ, какъ эта Саломонида почти насильно взяла у меня сюртукъ да шляпу и давай Богъ ноги? Поневолѣ побѣжишь за нею. Да еще и угощай ее: выпила на мой счетъ три чашки шоколаду.

— Ну, за тѣ я тебѣ, пожалуй, заплачу. Вѣдь, по твоему, и въ этомъ случаѣ виноватый — я?

— Разумѣется, ты. Ты не смѣлъ покидать ее...

— Да если она меня покинула? И кто васъ знаетъ: можетъ быть вы даже заранѣе сговорились съ нею; я имѣю въ свою очередь полное право ревновать къ тебѣ.

— А что-жъ, замѣтилъ политичный правовѣдъ, — вѣдь и Моничка въ своемъ родѣ весьма и весьма апетитный кусочекъ: ножка самая что ни есть миніатюрная, а cou-de-pied высочайшій. Умомъ она также перещеголяла Наденьку: отпускаетъ такіе каламбуры и экивоки...

— Такъ она тебѣ нравится?

— Да какъ же не нравиться...

— Такъ вотъ что: по старой дружбѣ я готовъ принести тебѣ жертву: помѣняемся нашими предметами; ты возьми себѣ Моничку, я возьму Наденьку.

— Нѣтъ, къ чему? отвѣчалъ въ томъ же шутливомъ тонѣ правовѣдъ; — я жертвъ не принимаю. Но послушай, другъ мой, продолжалъ онъ серьезнѣе: — опять-таки повторяю: ты слишкомъ волочишься за Наденькой; когда я, по милости ея кузины, убѣжалъ отъ нея, ты также не смѣлъ оставаться съ нею: этого требовала уже деликатность.

— Какую ты дичь городишь, душа моя! Есть ли въ этомъ хоть крошка логики: ты побѣжалъ спасаться — бѣги, значитъ, и я. Да не хочу! мнѣ пріятно подъ дождемъ. А кто-жъ виноватъ, что и Наденькѣ случайно нравится стоять подъ дождемъ?

— Такъ ты долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, держаться отъ нея въ сторонѣ.

— Какое тутъ держаться въ сторонѣ! Едва

только сошлись мы съ нею подъ деревомъ, какъ подоспѣли Змѣинъ съ Лизой; вчетверомъ и отправились далѣе. Самъ ты знаешь, какъ неразлучны тѣ двое. На мою долю оставалась, значитъ, одна Наденька, на ея долю — одинъ я. Да что-жъ я отдаю тебѣ еще отчетъ! очень нужно.

— Но ты вѣроятно наговорилъ ей кучу комплиментовъ: за чаемъ она просто-таки увивалась около тебя.

— А знаешь, почему?

— Ну?

— Потому, что это она подсунула мнѣ тѣхъ таракановъ, что̀ надѣлали столько шуму. Въ благодарность, что я не выдалъ ея, она и полюбезничала со мной.

— Что она подсунула тебѣ таракановъ, доказываетъ только, что она обращаетъ на тебя вниманіе, и я самъ былъ бы очень доволенъ...

— Еслибъ и тебѣ ихъ подсунули? Что-жъ, я, пожалуй, скажу ей.

— Нѣтъ, перестань острить. Но въ томъ-то и дѣло, что она не только обращаетъ на тебя вниманіе, а явно благоволитъ къ тебѣ...

— Ты находишь?

— Cela saute aux yeux.

— Это меня радуетъ: и она мнѣ сильно нравится.

Куницынъ высвободилъ руку изъ-подъ руки пріятеля.

— Это еще что за новости! Она тебѣ не смѣетъ нравиться!

— Ха, ха, ха! не смѣши. Развѣ можно кому воспретить восхищаться чѣмъ бы то ни было? Еслибъ она была твоей женой, то и тогда я имѣлъ бы полное право находить ее милой, любезной, прекрасной. А теперь подавно. Знаешь, я хочу сдѣлать тебѣ предложеніе: давай ухаживать за нею по очереди — ты сегодня, я завтра, ты послѣ-завтра, и т. д.; въ нѣсколько дней окажется, на чьей сторонѣ перевѣсъ; тогда другой отступится добровольно. По рукамъ, что ли?

— Вотъ выдумалъ! какъ бы ни такъ. Она уже по уговору моя, значитъ — и толковать нечего.

— Такъ слушай, милый мой. Ты самъ согласенъ, что я нравлюсь ей болѣе твоего?

— Н-да.

— Къ чему же тогда нашъ уговоръ? Ты ей будешь только надоѣдать...

— Да ужъ она по контракту моя, а всякіе контракты должны чтиться свято.

— Что ты за пустяки говоришь. Для чего заключаются контракты? для какой же нибудь цѣли?

— Ну да.

— А если цѣль ими не достигается? Тогда они распадаются сами собой.

— Это все парадоксы, софизмы!

— Ни то, ни другое, а строгая логика. Такъ, стало быть, и знай, что нашъ контрактъ для меня уже не существуетъ, и я впередъ не намѣренъ избѣгать Наденьку.

— Ты серьезно это говоришь?

— Еще какъ: съ сжатыми губами, съ сдвинутыми бровями; въ темнотѣ тебѣ только не видно.

— Въ такомъ случаѣ... До сегоднишняго дня я считалъ тебя человѣкомъ порядочнымъ, благороднымъ; теперь принужденъ измѣнить свое мнѣніе!

— Ты позволяешь себѣ личности; но ты разгоряченъ, и на сей разъ я не взыскиваю. Сегодня намъ, видно, не сойтись, такъ лучше — разойтись. До свиденціи.

Онъ протянулъ оскорбленному руку. Тотъ не взялъ ея и, пробормотавъ: — Ладно же! отошелъ поспѣшными шагами.

Весело посвистывая, Ластовъ побрелъ слѣдомъ. Не доходя до отели, увидѣлъ онъ сквозь окружающую темь особу въ кринолинѣ, слѣдовательно, женскаго пола, прислонившуюся спиной къ оградѣ. Онъ хотѣлъ пройдти мимо.

— Herr Lastow, послышался тоненькій голосокъ таинственной особы.

Молодой человѣкъ остановился.

— Никакъ вы, Мари?

— Я-съ . . .

Говорящая подошла къ нему на полшага, и при помощи слабаго свѣта, падавшаго изъ ближнихъ оконъ, онъ различилъ черты молодой горничной.

— Простите меня, господинъ Ластовъ, начала она; — но я, право, не такъ виновата, какъ вы, можетъ, думаете . . .

— Виноваты? въ чемъ это? Я васъ не понимаю.

— Да вотъ я насчетъ таракановъ . . .

— Ба! такъ это вы имѣли любезность препроводить ихъ мнѣ въ карманъ?

— Простите, ради Бога! Я вѣдь не отъ себя, а по неотступной просьбѣ младшей Липецкой . . .

— Великодушно прощаю! отвѣчалъ, смѣясь, Ластовъ и сдѣлалъ видъ, будто хочетъ обнять ее.

Къ удивленію его, дѣвушка не тронулась съ мѣста, а только прошептала:

— Ахъ! увидятъ . . .

— Темно, никто не увидитъ, успокоилъ онъ ее и уже смѣло обнялъ и поцѣловалъ ее.

Пылая и трепеща, какъ осиновый листъ, она съ любовью прижалась къ нему.

— Милая моя, ненаглядная! шепталъ онъ, цѣлуя ее и въ лобъ, и въ глаза, и въ губы.

Робко отвѣчала она его ласкамъ.

— Такъ вы меня немножко любите?

— Много, вотъ сколько! отвѣчалъ онъ, распростирая въ обѣ стороны руки.

— Но я простая, вы — баринъ... вы не можете любить меня искренно, какъ слѣдуетъ... за что же вамъ и любить меня?

— Какъ за что? такую-то милую, добрую? Вѣдь ты не случайно встрѣтила меня, ты нарочно обождала меня?

— Да-съ; но я хотѣла только попросить у васъ извиненія за таракановъ; я не знала, что вы такой неудержимый...

И стыдливо припала она къ нему. Онъ съ нѣжностью погладилъ ее по разгоряченной молодой щекѣ. Въ верхушкахъ деревъ зашелестилъ вѣтерокъ. Дѣвушка переполошилась.

— Ахъ, кто-то идетъ! Прощай, мой милый, безцѣнный!

Она исчезла въ темнотѣ. Простоявъ нѣсколько времени, какъ ошеломленный, на одномъ мѣстѣ, Ластовъ невѣрными шагами направился къ отели. Тихо поднялся онъ по лѣстницѣ и вошелъ въ свой номеръ. Змѣинъ, съ книжкою въ рукахъ, лежалъ уже въ постели.

— Ты откуда? встрѣтилъ онъ товарища, когда тотъ, бросивъ на столъ трость и шляпу, опустился, тяжело дыша, на диванъ. — Красный, какъ изъ бани; вѣрно плясали или въ горѣлки играли?

— Да, то есть нѣтъ...

Но Змѣинъ, не обождавъ отвѣта, углубился уже въ свою книгу.

XV.

Естественно-историческія наблюденія надъ улиткой и неожиданный исходъ ихъ.

Сама судьба, казалось, взяла Куницына подъ свое крылышко, ибо на слѣдующій же день доставила ему благовидный предлогъ къ открытому антагонизму съ его болѣе счастливымъ соперникомъ.

Около полудня нѣсколько гостей пансіона *R.*, въ томъ числѣ и наши русскіе, предприняли, по обыкновенію, маленькую прогулку сообща. На этотъ разъ конечною точкою странствія былъ избранъ Гольдсвиль — небольшой холмикъ, также съ развалиной на вершинѣ, съ которой имѣется живописный кругозоръ на интерлакенскую долину.

Ластовъ, желая задобрить разревновавшагося

правовѣда, даже непоздоровавшагося съ нимъ поутру, занялся было Моничкой, но та безъ околичностей отослала его къ Наденькѣ, а къ себѣ подозвала Куницына.

— Вчера при такой же прогулкѣ вы занимали Наденьку; à présent il n'est plus que juste de changer les rôles.

Что могъ отвѣтить на это благовоспитанный молодой человѣкъ? Разумѣется, ему оставалось лишь увѣрить, что онъ нимало не скучалъ и почитаетъ за великую честь оказываемое ему барышней предпочтеніе.

Достигнувъ Гольдсвиля, общество, какъ рѣзвое стадо дикихъ козъ, принялось въ разсыпную взбираться на лѣсистую вершину холма.

— Паладинъ мой, за мной! крикнула своему кавалеру Наденька и, приподнявъ край платья, побѣжала вверхъ по самому крутому мѣсту ската. Когда паладинъ поровнялся съ нею, она слегка смутилась.

— Вы, Левъ Ильичъ, не удивляйтесь титулу, которымъ я васъ осчастливила; но каждая изъ насъ имѣетъ своего адъютанта: Лиза — Александра Александровича, Моничка — Куницына, я — васъ.

— И я офиціально могу называть себя вашимъ паладиномъ?

— Нѣтъ, къ чему . . . Достаточно, если вы знаете это про себя, чтобы тѣмъ усерднѣе прислуживаться.

— Но всячески вы обязаны теперь дать мнѣ въ удостовѣреніе моего званія вещественный знакъ.

— Какой это?

— Сорвать цвѣтокъ и вдѣть мнѣ его въ петличку.

— Видите, какой вы ненасытный! Протянула вамъ палецъ — такъ подай и всю руку. Когда вы окажетесь паладиномъ въ полномъ смыслѣ слова — un chevalier sans peur et sans reproche, тогда, быть можетъ... Вы какъ долго остаетесь здѣсь, въ Интерлакенѣ?

— Недѣлю, я думаю, еще пробуду.

— Ну, значитъ, есть время, когда испытать ваше паладинство... А! вотъ и тѣнь; какъ славно!

Молодые люди добрались до опушки лѣска и, вступивъ въ его прохладную сѣнь, должны были наклоняться и отбиваться руками отъ густыхъ вѣтвей, заграждавшихъ имъ дорогу. Сквозь золотистыя, солнечныя верхушки кротко синѣло безоблачное небо. Въ одиночномъ солнечномъ лучѣ, пробившемся сквозь густую листву и стоявшемъ свѣтлой полосою въ воздухѣ, роились весело мошки. Кругомъ разливался свѣжій, смолистый запахъ.

Наденька остановилась. Вдыхая полною грудью душистую прохладу чащи, она взглядомъ знатока окинула окружающую зелень, игравшую въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ зеленаго цвѣта, отъ золотистаго

гумигута до темнѣйшаго индиго. Тутъ замѣтила она на стволѣ стройной березки раковину, плотно присосавшуюся къ бѣлой корѣ.

— Ахъ, Левъ Ильичъ, посмотрите: улитка. Для чего она взобралась сюда?

— Дневное пропитаніе добываетъ. Въ настоящую минуту она предается, послѣ тяжкихъ трудовъ, полуденной сіестѣ. Подъ своимъ известковымъ щитикомъ она какъ страусъ, запрятавшій голову въ песокъ, воображаетъ себя въ полной безопасности.

— И лежитъ вѣроятно свернувшись, какъ младенецъ въ люлькѣ, подхватила Наденька: — крошечные глазенки закрыты... Ахъ, Левъ Ильичъ, какъ бы это подсмотрѣть ее?

— Нѣтъ ничего проще: дотроньтесь до щитика; какъ выглянетъ — вы ее и цапъ-царапъ.

— А! вотъ вы какіе. А если укуситъ?

Ластовъ расхохотался.

— Развѣ младенцы кусаются? у нихъ нѣтъ зубовъ.

Наденька вооружилась смѣлостью и прикоснулась пальцемъ до верхушки раковины; потомъ въ страхѣ отдернула руку.

— А ну, все-же укуситъ?

— А увѣряли, что не трусиха. Позвольте, я покажу вамъ, какъ обходиться съ этимъ народомъ.

Онъ отодралъ раковину отъ кожи дерева; слизень,

пуская пузырки, ретировался во внутренность своего каменнаго жилища.

— Доброй ночи, сударыня! засмѣялась дѣвушка. — А вы, Левъ Ильичъ, говорили, что выглянетъ?

— Погодите немножко; дайте ей оправиться отъ перваго волненія — непремѣнно выглянетъ. Любопытство свойственно и этимъ крошкамъ: успокоившись, она захочетъ познакомиться ближе съ невѣдомою силой, оторвавшею ее отъ родной почвы.

— Такъ мы вотъ какъ устроимъ, сказала Наденька, садясь въ траву и раскладывая передъ собою платокъ. — Вотъ такъ, положите ее сюда . . .

Ластовъ, опустившись на колѣни противъ гимназистки, помѣстилъ раковину на средину платка.

Улитка не дала ждать себя: соскучившись въ крайнемъ углу своей узкой кельи, она, къ немалому удовольствію Наденьки, стала пятиться назадъ.

— Смотрите, смотрите, лѣзетъ . . . говорила дѣвушка шёпотомъ, точно опасаясь испугать слизня; — почти совсѣмъ высунулась. Дохнуть на нее?

— Дохните.

Наденька наклонилась надъ слизнемъ и осторожно подула на него. Животное перестало вылѣзать.

— Что-жъ остановились, m-lle, испужались?

— Нѣтъ, она нѣжится въ вашемъ дыханіи.

— Полно вамъ глупости говорить. Дайте-ка какой-нибудь стебелекъ. Mercі. Пощекотать ее...

Кончикомъ поданнаго ей стебля, гимназистка дотронулась до бѣлой, слизистой спинки животнаго. Уколотое довольно чувствительно, оно, пуская пузыри, опять юркнуло въ глубину своего домика.

— Ахъ, бѣдная! сострадательно воскликнула барышня. — Что, если я уколола ее до смерти? вѣдь шкурка у нея такая нѣжная...

— Нѣтъ, это народъ живучій; только испугали не на шутку: молюски нервозны.

Наденька принялась опять дышать на раковину:

— Молюскъ, молюскъ, выставь рожки,
Я дамъ тебѣ на пирожки.

Видите, какой послушный; должно быть, пирожка захотѣлось.

Слизень, дѣйствительно, высунулся до половины и, выставивъ впередъ свои четыре острые рожка, началъ осторожно ощупывать ими около себя воздухъ. Убѣдившись, что врага, настращавшаго его, нѣтъ уже по близости, онъ рѣшился окончательно выползти изъ убѣжища.

— Послушайте, начала Наденька: — это у нихъ въ самомъ дѣлѣ роги, какъ напримѣръ, у коровъ, или что другое?

— Нѣтъ, не роги. Два верхніе рожка — глаза; видите: черныя точки на кончикахъ? это зрачки.

— Да улитки должны быть очень близоруки: эта даже насъ не видитъ.

— Да, глаза у нихъ не столько для зрѣнія, какъ для типа.

— Для типа?

— Да, какъ очень многое въ природѣ, какъ, напримѣръ, клыки у людей. Млекопитающіе характеризуются вообще тѣмъ, что имѣютъ зубы всѣхъ трехъ родовъ: коренные, рѣзцы и клыки; мы — млекопитающіе, ну, и намъ даны клыки. Употреблять же ихъ въ дѣло намъ никогда не приходится, потому-что клыкъ — зубъ хищный, служащій для удержанія добычи, а когда же мы ловимъ добычу зубами?

— А, можетъ быть, клыки даны намъ для красоты? Представьте себѣ, что у насъ отняли бы клыки — на ихъ мѣстѣ осталось бы пустое пространство?

Натуралистъ улыбнулся.

— Если даже вырвать зубъ, то пустое мѣсто понемножку заростаетъ. Слѣдовательно, красота не нарушается.

— И то правда. Такъ верхніе рожки у улитки, говорите вы, клыки?

Ластовъ разсмѣялся.

— Глаза.

— Ахъ, да. Ну, а нижніе?

— Это щупальцы, которыми она, какъ слѣпецъ палкою, рекогносцируетъ окрестность. Они у нея необычайно чувствительны; чуть, видите, дотронется случайно до платка, какъ, точно обжогшись, втягиваетъ ихъ опять въ себя.

Наденька не отвѣчала: все вниманіе ея сосредоточилось на искусныхъ эволюціяхъ слизня. Необезпокоиваемый болѣе своими зрителями, онъ почти всѣмъ корпусомъ выкарабкался изъ раковины, повернулся брюшкомъ къ землѣ, потянулъ себѣ домикъ на средину спинки и поползъ по платку, верхними рожками поводя въ воздухѣ, нижними ощупывая почву, на которую собирался ступить. Раковина, какъ паланкинъ на хребтѣ слона, мѣрно колыхалась на немъ вправо и влѣво.

— Еслибы и мы могли носить свои дома на себѣ, шутливо замѣтила Наденька: — всегда былъ бы случай укрыться отъ опасности...

Она и не подозрѣвала, какую глубокую истину высказывала этими словами, какъ ей самой въ эту минуту было необходимо убѣжище. Юный поэтъ глядѣлъ на нее такими восхищенными глазами... Да и какъ было не залюбоваться! Отъ наклоненнаго положенія тѣла, кровь поднялась въ голову дѣвушкѣ и разлила по всему лицу ея свѣтлое сіяніе; ожиданіемъ

полураскрытыя, свѣжія губки показывали блестящій рядъ перламутровъ; темносиніе глаза свѣтились изъ-подъ длинныхъ иглъ рѣсницъ дѣтскимъ любопытствомъ, дѣтскою невинностью; широкополая шляпка, небрежно насаженная на остриженные въ кружокъ, пышные кудри, эфектно оттѣняла верхнюю половину лица; одинъ рѣзвый локонъ, своевольно отдѣлившійся отъ толпы товарищей, равномѣрно колыхался въ воздухѣ, тихонько ударяясь всякій разъ о цвѣтущую рдѣющую щеку . . .

Жаръ и трепетъ пробѣжали по жиламъ юноши, въ глазахъ у него зарябило.

— Какъ вы хороши! воскликнулъ онъ, жадною рукою обвивая станъ дѣвушки и съ горячностью цѣлуя ее.

Наденька отчаянно вскрикнула, отбросилась назадъ и въ тотъ же мигъ была на ногахъ. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ ея уже не было, и только легкій шелестъ вѣтвей говорилъ, въ какую сторону она скрылась.

„Такъ - то творятся глупости! разсуждалъ самъ съ собою поэтъ, мрачно насупивъ брови и не двигаясь съ мѣста; — ну, къ чему было это дѣлать? Сидитъ она противъ тебя такъ спокойно, такъ довѣрчиво, и вдругъ ты, ни съ того, ни съ сего, точно бѣлены объѣвшись . . . Тьфу ты пропасть! непростительно глупо!“

Разсуждая такъ, онъ, очевидно, не обдумалъ, что по его, натуралистической теоріи, всякое дѣйствіе простительно, ибо не въ волѣ человѣка, и если онъ, Ластовъ, повинуясь обстоятельствамъ, сдѣлалъ глупость, то глупость простительную.

Стряхнувъ слизня съ его раковиной съ забытаго Наденькою платка и спрятавъ послѣдній въ карманъ, герой нашъ, для ободренія себя, заломилъ на бекрень шляпу и, безпечно насвистывая лихую студентскую пѣсню, вышелъ изъ опушки. Но когда онъ сталъ подходить къ обществу, расположившемуся на скатѣ, подъ руиной, и глянулъ въ нѣсколько лицъ, озиравшихъ его подозрительными, чуть не недружелюбными взглядами, свистъ невольно замеръ на губахъ его.

Дѣло въ томъ, что когда Наденька выскочила изъ лѣска, то тутъ же бросилась къ сестрѣ, обвила ее руками и, прошептавъ что-то, залилась слезами.

Подбѣжала Моничка.

— Что съ нею?

— Такъ, пустяки, отвѣчала Лиза: — онъ поцѣловалъ ее.

— Кто? Куницынъ?

— Какой Куницынъ! Ластовъ.

Гладя плачущую по головкѣ, экс-студентка старалась утѣшить ее.

— Изъ чего же тутъ убиваться, глупенькая? Ну,

поцѣловалъ — большая бѣда! Что такое поцѣлуй? Прикосновеніе губъ — не болѣе.

Но аргументъ сестры не успокоилъ гимназистку; слезы ея потекли даже будто обильнѣе.

Подошли другіе, пошли разспросы. Ни Лиза, ни Моничка не выдали настоящей причины горя плачущей, но всѣ и безъ того догадывались, что тутъ замѣшанъ какъ-нибудь молодой поэтъ, съ которымъ, какъ замѣтили они, дѣвушка вошла въ чащу. Веселое настроеніе общества разстроилось. Броннъ тщетно расточалъ свои доморощенныя остроты — разговоръ не клеился. Собрались домой.

По обѣ стороны героини дня шли Лиза и Моничка. Послѣдняя, для вящшаго успокоенія кузины, изливалась цѣлымъ потокомъ обвиненій на „необтесаннаго университанта.“

— Еслибы ему au moins позволили, заключила она; — а то самъ, безъ спроса!

Непосредственно за дѣвицами шелъ правовѣдъ. Изъ рѣчей ихъ подхватилъ онъ нѣсколько крохъ и, тонкимъ чутьемъ обуяннаго ревностью сердца, безъ дальнѣйшихъ объясненій, смекнулъ въ чемъ дѣло. Молніеносные взгляды, съ которыми онъ оборачивался на шедшаго сзади соперника, краснорѣчиво свидѣтельствовали о вулканѣ, клокотавшемъ въ груди его.

Арьергардъ шествія составляли наши натуралисты, рѣчь которыхъ вращалась около той же тэмы.

— Только-то? говорилъ Змѣинъ. — А я думалъ невѣсть что.

— Да развѣ этого мало? Дѣвушка дѣвушкѣ рознь, милый мой. Вотъ хоть Мари, что убираетъ нашу комнату, — прехорошенькая, да и преблагонравная, а цѣлуется такъ, что любо.

— Вотъ какъ! ты испыталъ?

— Д-да . . . Но тутъ мнѣ и передъ собою стыдно, и за Наденьку обидно . . . Слезы ея такъ вотъ и жгутъ, такъ и душатъ меня.

— Это отъ созвучія: она льетъ слезы, а его онѣ душатъ!

— Нѣтъ, не шутя, мнѣ страшно досадно за нее. Можетъ же человѣкъ при всемъ хладнокровіи дѣлать такія несообразности!

— За-то что за тэма для элегіи, продолжалъ подтрунивать матеріалистъ. — Счастливый вы, ей-Богу, народъ, сочинители: изъ всякой напасти извлекаете прибыль. Вотъ тебѣ и начало:

„О, слезы женщины любимой!“

или

„О, слезы дѣвы дорогой!“

смотря по климату, какая потребуется риѳма.

— Остри, братъ, остри! Элегію-то я вѣроятно напишу, кстати воспользуюсь даже однимъ изъ предлагаемыхъ тобою стиховъ; но повѣрь мнѣ: будь ты на моемъ мѣстѣ — самого бы вѣдь стала грызть совѣсть.

— Не думаю; угрызеній совѣсти вообще никогда не слѣдуетъ имѣть, потому-что во всемъ виноваты обстоятельства, не мы. Что же до тебя, то ты вовсе не испортилъ своего дѣла, напротивъ, даже подвинулъ его: поцѣлуй — лучшій посредникъ между влюбленными.

— Да кто же влюбленъ!

— Оба вы влюблены. Ты жаждалъ любви и вотъ нашелъ источникъ для утоленія своей жажды. Что Наденька по уши втюрилась въ тебя...

— Тс! пожалуйста, не такъ громко.

— Что она влюблена въ тебя, явствуетъ изъ всего ея обращенія съ тобой. Стала бы она такъ безутѣшно плакать, еслибы человѣкъ, обидѣвшій ее, по ея мнѣнію, такъ кровно, не былъ ей дорогъ? Маленькій дисонансъ, вкравшійся въ ваше сердечное созвучіе, дастъ тѣмъ рельефнѣе выказаться послѣдующей гармоніи. Насильно похитивъ у нея поцѣлуй ты какъ-бы далъ ей этимъ право и на себя; поглядика, какъ она теперь сама станетъ бѣгать за тобою.

— Не вѣрится что-то.

— Смѣло вѣрь. Гдѣ дождь, тамъ и вёдро. Не

разразись надъ вами этой грозы, вы, пожалуй, скоро прискучили бы другъ другу; теперь атмосфера опять очистилась до поры до времени, и благодушничанья могутъ возобновиться. Если солнышка не видать покуда, то только потому, что оно кокетливо за облачкомъ прячется.

XVI.

Перчатка брошена.

Подложивъ себѣ подъ ухо, вмѣсто изголовья, руку, Змѣинъ отдыхалъ, послѣ сытнаго пансіонскаго обѣда, на своемъ диванѣ. Теплый солнечный воздухъ, мягкими волнами вливавшійся изъ сада въ открытыя окна, располагалъ къ лѣни и нѣгѣ. На полу около дивана лежали недорѣзанная книга и орѣховый ножъ. Но молодому матеріалисту не суждено было на этотъ разъ воспользоваться послѣобѣденнымъ покоемъ: въ коридорѣ раздались быстрые шаги, дверь съ шумомъ растворилась и вбѣжалъ Куницынъ. Окинувъ комнату быстрымъ взоромъ, онъ приблизился къ отдыхавшему и тронулъ его за плечо. Змѣинъ открылъ глаза и вопросительно уставился на неожиданнаго гостя.

— Прошу извиненія, если помѣшалъ вамъ, началъ тотъ; — но дѣло спѣшное, нетерпящее отлагательствъ.

Змѣинъ оперся на локоть.

— Пожаръ?

— Не пожаръ, но...

— Такъ померъ кто скоропостижно?

— И то нѣтъ...

— Такъ что же? Не хотите ли присѣсть? стулья у насъ, какъ видите, имѣются.

— Благодарю-съ, не до того. Чтобы обратиться прямо къ дѣлу: я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ быть моимъ секундантомъ?

Змѣинъ съ непритворнымъ удивленіемъ вымѣрилъ говорящаго: не шутитъ ли онъ; но темная туча, облегавшая чело правовѣда, увѣрила его въ противномъ.

— Я — секундантомъ? это два понятія несовмѣстныя.

— А я разсчитывалъ именно на васъ.

— Бываютъ же фантазіи! Если вамъ уже такъ приспичило драться, то отчего бы вамъ не обратиться съ вашимъ предложеніемъ къ Ластову?

— Да съ нимъ-то я и дерусь.

— Гм, да; драться и быть въ то же время секундантомъ противника — дѣйствительно, не совсѣмъ-то удобно. Но почему бы вамъ не пригласить одного изъ здѣшнихъ нѣмцевъ — они всѣ заклятые любители дуэльныхъ упражненій. Чего лучше Броннъ, дерптскій студіозусъ?

— Благодарю покорно! я съ этой нѣмчурой не знаюсь. Такъ я могу разсчитывать на васъ, m-r Змѣинъ?

— Чего для васъ не сдѣлаешь! Не знаю только, чѣмъ я заслужилъ такое предпочтеніе съ вашей стороны: кажется, не давалъ къ тому ни малѣйшаго повода. Нельзя ли однако узнать, изъ-за чего у васъ началось съ нимъ дѣло?

— Дѣло еще не начиналось; я только собираюсь вызвать господина Ластова.

— Да за что же? Не спроста же такъ, здорово живешь?

— Это до васъ не касается; это мое дѣло.

— Какой вы шутникъ. Послѣ этого вы, пожалуй, и противника вашего не посвятите въ тайну вашей ненависти: „Дерись, молъ, да и кончено, осерчалъ да и все тутъ, а ужъ за что, про что — узнаетъ могила одна.“

— Вы, m-r Змѣинъ, будто не знаете, что̀ милый другъ вашъ позволилъ себѣ съ младшей Липецкой?

— Знаю — поцѣловалъ ее. И отлично сдѣлалъ: она премиленькая дѣвочка.

— Вы нарочно не хотите понять меня! Пусть бы онъ цѣловалъ ее, еслибы имѣлъ на то право, а то вѣдь мы заключили контрактъ — помните, на Гисбахѣ . . .

— Оно конечно! Зачѣмъ же вы не заключили вашего контракта по установленной формѣ, на бумагѣ соотвѣтственнаго достоинства? Сами виноваты: кому же, какъ не правовѣду, знать чиновныя кляузы?

— Да и съ общечеловѣческой точки зрѣнія такой поступокъ былъ въ высшей степени неделикатенъ, негуманенъ, когда со стороны дѣвицы не было дано къ тому ни малѣйшаго повода.

— А почемъ вы знаете? Да она уже тѣмъ виновата, что такъ мила. Губки у нея свѣжія, полныя, такъ и просятся на поцѣлуи — вотъ вамъ и поводъ. Признайтесь-ка откровенно, любезнѣйшій, что вамъ только до смерти завидно, что вы не первый догадались поцѣловать такую душку? Да-съ, что дѣлать, опоздали. Теперь она уже такъ скоро не поддастся.

Куницынъ скосилъ презрительно губы.

— Остро, необыкновенно остро! Итакъ, позвольте же наконецъ узнать, могу я разсчитывать на васъ, или нѣтъ, согласны вы быть моимъ секундантомъ?

— Итакъ, согласенъ; то есть согласенъ быть имъ, но не буду имъ.

— Какъ понимать ваши слова? опять остроумничаете.

— Я хочу только сказать, что при всемъ желаніи съ моей стороны, мнѣ не придется быть вашимъ секундантомъ, потому-что Ластовъ на столько все-

таки разсудителенъ, что не станетъ рисковать жизнью изъ-за такихъ пустяковъ.

— Ну, такъ я найду себя принужденнымъ прибѣгнуть къ инымъ средствамъ!

— Другими словами: „Двоимъ намъ тѣсно на сей планетѣ — или онъ, или я! А не хочетъ драться, такъ заколю изъ-за угла.“ Такъ, что ли?

— Если угодно, такъ.

— Ни чуть не угодно! Закадычнаго моего друга собираются зарѣзать изъ-за угла, и чтобы мнѣ это было угодно? Нѣтъ, ужъ лучше драться; тамъ хоть шансы равны. Но вамъ, я думаю, все равно, теперь ли я схожу за нимъ, или немного погодя?

— А что?

— Да такъ, соснулъ бы маленько.

— Вамъ сонъ дороже чести вашего ближняго!

— Да вѣдь драться Ластовъ не будетъ; такъ раньше, позже ли не драться...

— M-r Змѣинъ! вы, какъ я вижу, изволите смѣяться надо мною; это можетъ обойтись вамъ дорого!

— Ой-ой, не замайте! зѣвнулъ Змѣинъ, поднимаясь съ дивана. — Я не зналъ, что вы такъ кровожадны. Сію секунду несусь на крыльяхъ мести. Позволите ли вы мнѣ хоть одѣться?

— Одѣньтесь, угрюмо проворчалъ правовѣдъ, отходя къ окну.

— Гдѣ бы найти его? говорилъ, облачаясь, Змѣинъ.

— Онъ, кажется, отправился по алеѣ, съ тетрадью подъ мышкой.

— А, да — съ альбомомъ. Хотѣлъ срисовать Интерлакенъ съ того берега Ааръ. Ну-съ, скажите-ка на прощанье: не жаль вамъ посягать на жизнь юноши во цвѣтѣ лѣтъ, подающаго великія надежды, котораго сами вы еще такъ недавно считали своимъ лучшимъ пріятелемъ?

— Увольте пожалуйста отъ вашихъ нравоучительныхъ сентенцій, m-r Змѣинъ. Вы, надѣюсь, взялись серьезно исполнить мою просьбу?

— Еще бы! нарочно надѣлъ башмаки, сюртукъ...

— Такъ до свиданья. Теперь три четверти четвертаго, прибавилъ онъ, справляясь съ часами: — ровно черезъ часъ, въ три четверти пятаго, я захожу опять сюда.

— Можете. Для вящшаго удостовѣренія преступника въ серьезности вашихъ намѣреній, не дадите ли вы мнѣ съ собою перчатки?

Не удостоивая вопрошающаго отвѣта, Куницынъ съ достоинствомъ вышелъ изъ комнаты.

Виновника предстоящаго кровопролитія Змѣинъ отыскалъ дѣйствительно на той сторонѣ Ааръ, лежащимъ подъ тѣнистымъ деревомъ и рисующимъ въ альбомъ женскую головку. Полюбовавшись нѣкото-

рое время черезъ плечо пріятеля рождающимся произведеніемъ, принимавшимъ все болѣе и болѣе знакомыя черты, Змѣинъ промолвилъ:

— Недурно.

Живописецъ вздрогнулъ и рукавомъ накрылъ рисунокъ.

— А! это ты?

— Какъ видишь. Ты Интерлакенъ срисовываешь?

Легкій румянецъ окрасилъ щёки Ластова.

— Такъ, отъ нечего дѣлать...

— Что-жъ, очень можетъ быть, что весь Интерлакенъ слился для тебя въ одну эту личность. Знаешь, вѣдь я къ тебѣ съ уморительнымъ предложеніемъ.

— Да?

— Все этотъ шутъ гороховой, Куницынъ. Вообрази... да ну, отгадай для смѣха, съ чѣмъ онъ прислалъ меня къ тебѣ? Ни за что не угадаешь.

— Вѣроятно, съ вызовомъ?

— Какъ это ты догадался? И вѣдь что всего милѣе — меня прочитъ себѣ въ секунданты! а? что-жъ ты не помираешь со смѣху?

— Я этого ожидалъ: онъ сильно влюбленъ и вспыльчиваго темперамента. Передай ему, что я принимаю его вызовъ.

— Левъ Ильичъ, поэтъ, что съ тобой? не для

новой ли ужъ элегіи? Дуэль уже сама по себѣ нелѣпость, а тутъ и причины порядочной нѣтъ.

— Причины-то нѣтъ, но есть цѣль: пустить себѣ кровь. По крайней мѣрѣ я не нахожусь въ необходимости обращаться за этимъ къ цирюльнику: тотъ, пожалуй, пустилъ бы ея слишкомъ много; здѣсь количество ея въ моихъ рукахъ.

— Другими словами, ты хочешь дать себя ранить?

— Именно. Кровь все въ голову кидается, какъ разъ еще ударъ приключится. Да хочется и нѣкоторую боль ощутить — хоть этимъ способомъ наказать себя.

— Это въ подраженіе средневѣковымъ монахамъ, истязавшимъ свое тѣло? Что-жъ, вольному воля. Ты дерешься, конечно, на холодномъ оружіи?

— Конечно. Изъ-за одного поцѣлуя жертвовать собою не приходится! прибавилъ онъ съ печальной улыбкой.

— Ну, и изъ-за нѣсколькихъ бы не стоило. А если правовѣдъ будетъ настаивать на пистолетахъ?

— Онъ не имѣетъ на это права: я вызванный и имѣю потому выборъ оружія. Притомъ замѣть: я дерусь не на рапирахъ, а на эспадронахъ — оно безопаснѣе.

— Ну, за это хвалю. Въ секунданты себѣ ты, вѣроятно, возьмешь Бронна?

— Да, а то кого же? Сейчасъ отыщемъ его.

Удалый корпорентъ, котораго друзья нашли въ пивной, за кружкой пѣнистаго мюнхенскаго, былъ видимо тронутъ сдѣланнымъ ему предложеніемъ.

— За что спасибо, такъ спасибо! Позвольте угостить васъ за то пивцомъ. Kellner, noch ein Paar Schoppen! Пускаясь въ дальнія странствія, я съ баснословнымъ сокрушеніемъ сердца оставлялъ родныя поля брани, плохо надѣясь на свою счастливую звѣзду; но Провидѣніе, видно, сжалилось, пославъ мнѣ васъ. Съ кѣмъ же, господинъ Ластовъ, у васъ дѣло?

— Съ Куницынымъ.

— Съ фертикомъ-то этимъ? Браво! Надѣюсь, вы поддержите нашего брата-студента? Я на него, признаться, золъ: онъ какъ-то назвалъ мою корпоративную шапку арлекинскимъ колпакомъ — я потребовалъ объясненія; онъ извинился незнаніемъ моего студентскаго званія, ибо никогда, говоритъ, не видалъ еще такихъ баснословно-пестрыхъ шапокъ; но говорилъ онъ это съ такой улыбочкой, что не могло быть сомнѣнія, что онъ подтруниваетъ. Я махнулъ рукой: что связываться со всякою швалью! Но теперь я полагаюсь на васъ, господинъ Ластовъ: вы отомстите за меня?

— Извольте.

— Благодарю васъ. А секундантъ фертика кто?

— Вотъ — Змѣинъ.

— Чудесно. Своя, значитъ, компанія.

Онъ отвелъ поэта въ сторону.

— Вы, конечно, на пистолетахъ?

— Нѣтъ, на эспадронахъ.

— Что вы! Ну, хоть на рапирахъ?

— Нѣтъ, я на эспадронахъ дерусь лучше, и потому выбралъ ихъ.

— Ничего съ вами не подѣлаешь. Извиненія просить вы, разумѣется, не намѣрены?

— Нѣтъ.

— А во сколько ударовъ вы полагаете назначить стычку? Конечно, не менѣе, какъ въ 7?

— Мнѣ все равно. Я уполномочиваю васъ въ этомъ отношеніи устроить дѣло по благоусмотрѣнію.

— Ужъ положитесь на меня: выторгую наибольшее число. Теперь оставьте насъ однихъ съ секундантомъ вашего противника: надо сговориться съ нимъ на счетъ мѣста и времени поединка.

— Да развѣ мнѣ нельзя быть при томъ?

— Положительно нельзя; какъ это вы, пробывъ четыре года въ университетѣ, не знаете даже этого? Можете, впрочемъ, допить свою кружку.

Ластовъ воспользовался послѣднимъ совѣтомъ и затѣмъ вышелъ.

— Итакъ, началъ Броннъ, садясь противъ Змѣина, — первымъ дѣломъ позвольте предложить вамъ вопросъ: не раздумалъ ли вашъ дуэлянтъ драться?

Александръ улыбнулся.

— Еслибъ онъ раздумалъ, я такъ бы и объявилъ Ластову и васъ вовсе не потребовалось бы. Поэтому вопросъ вашъ, по крайнему моему разумѣнію, совершенно лишній.

— Все своимъ чередомъ, сударь мой, все своимъ чередомъ; безъ формальностей нельзя.

— Почему же нельзя?

— Потому, что онѣ — основной букетъ дуэли.

— Для меня это слишкомъ высоко. Ну, да все равно, давайте по пунктамъ. Вопросъ теперь вѣроятно за мной?

Корпорентъ сдѣлалъ движеніе нетерпѣнія.

— Хотѣлъ бы я знать, чему васъ учатъ въ петербургскомъ университетѣ? Вы должны спросить меня: не рѣшился ли мой дуэлянтъ просить извиненія у вашего?

— Хорошо-съ: не рѣшился ли мой дуэлянтъ просить извиненія у вашего?

— Да не то! Съ какой стати вашему дуэлянту, обиженному, просить извиненія у обидчика?

— А! значитъ, наоборотъ: не рѣшился ли вашъ дуэлянтъ просить извиненія у моего? Но опять-таки,

къ чему этотъ вопросъ! Я и безъ того знаю, что Ластовъ не намѣренъ просить извиненія. Да и еслибъ хотѣлъ — вы думаете, Куницынъ удовлетворился бы? „Извини, молъ, что поцѣловалъ красотку, до которой ни тебѣ, ни мнѣ равно дѣла нѣтъ; никогда не буду.“

— А! такъ вотъ причина ихъ ссоры; въ этомъ случаѣ Ластову, конечно, не приходится просить извиненія. Теперь новая статья: Ластовъ, какъ вызванный, имѣетъ выборъ оружія, и выборъ его палъ на эспадроны. Надѣюсь, что дуэлянтъ вашъ не можетъ имѣть ничего противъ этого?

— Если Ластову предоставленъ выборъ, то что же можетъ имѣть противъ его выбора противникъ? По моему, опять лишній вопросъ.

Броннъ, нѣсколько задѣтый насмѣшливымъ тономъ собесѣдника, насупилъ брови, однако воздержался отъ прямыхъ знаковъ неудовольствія.

— Теперь о числѣ ударовъ, сказалъ онъ. — Я думаю, какъ искони принято, положить штукъ 7.

— Къ чему такую кучу? одного болѣе чѣмъ достаточно.

— Помилуйте! видано, слыхано ли, чтобы люди дрались на одинъ ударъ? Этакъ насъ всякій осмѣетъ.

— Осмѣетъ-то осмѣетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но осмѣетъ не за малое число ударовъ, а за самые удары, то есть за дуэль. Ну, да чтобы живѣе

покончить, накинемъ еще одинъ: пусть будетъ 2 и дѣло съ концомъ.

— И я сбавлю маленько, сказалъ корпорентъ; — хоть 7 ударовъ и самое законное число, но такъ-какъ вы человѣкъ такой несговорчивый, то надо уступить: порѣшимъ на 6-ти — по 3 на брата.

— По одному, я думаю, совершенно достаточно.

— А если одинъ изъ нихъ будетъ побитъ оба раза?

— Тѣмъ хуже для него: значитъ, дерется слабѣе противника; неужели и въ третій разъ подставлять спину?

— Нѣтъ, какъ хотите, перебилъ Броннъ, — а 2 удара — скандалъ; совѣстно и секундантомъ быть. Куда ни шло — 5.

— Мы какъ торговки на рынкѣ, сказалъ Змѣинъ; — развѣ ужъ еще прибавить? Богъ любитъ троицу.

— Ну, да еще одинъ? 4? тогда уступка будетъ одинакова съ каждой стороны.

Змѣинъ махнулъ рукой.

— Будь по вашему!

— Насилу-то поладили! вздохнулъ изъ глубины души удалый корпорентъ и сдѣлалъ глубокій глотокъ изъ стоявшей передъ нимъ кружки. — Теперь о мѣстѣ стычки.

— Проще всего, предложилъ Змѣинъ, — устроить

дѣло на дому, въ нашей комнатѣ: недалече по крайней мѣрѣ ходить.

— Нѣтъ, противъ этого я положительно протестую. Во-первыхъ, въ комнатѣ тѣсно и низко, а потомъ — что за дуэль въ четырехъ стѣнахъ? Поединокъ долженъ происходить гдѣ-нибудь въ баснословной просѣкѣ, тѣнистой, душистой; хоть бы за Ругеномъ.

— Можно и за Ругеномъ. Только бы насъ не накрыли? Вѣдь и здѣсь подобныя шалости запрещены.

— На счетъ этого будьте покойны, отыщу такое мѣсто, куда никто не заглянетъ. А въ которомъ часу быть дѣлу?

— Да этакъ послѣ кофею . . .

— Не поздно ли будетъ? Тогда уже много гуляющихъ.

— По мнѣ, хоть въ 4, въ 5.

— Вотъ это такъ; возьмемъ же среднее: въ половинѣ 5-го. Еще одинъ пунктъ: сколько взять съ собою пива?

— Это для отпразднованія примиренья?

— Нѣтъ, настоящее примиренье совершится уже дома, со всѣмъ комфортомъ. Но надо же подкрѣпляться и въ антрактахъ?

— Справедливо. Возьмите по парѣ бутылокъ на брата, всего, значитъ, 8.

— 10, хотите вы сказать?

— Какъ 10?

— А посредника вы и забыли?

— Да къ чему же намъ посредникъ?

— Какъ къ чему? Я, положимъ, буду увѣрять, что вашъ дуэлянтъ раненъ; вы будете настаивать, что не раненъ; вотъ тутъ-то и нуженъ посредникъ.

— Да раненъ или нѣтъ — я всегда буду согласенъ, что раненъ.

— Э, такъ вы вотъ какъ! Теперь я настоятельно требую, чтобы былъ посредникъ.

— А гдѣ вы возьмете его?

— И точно, гдѣ его взять?...

Броннъ погрузился въ размышленія надъ этимъ первостатейнымъ вопросомъ.

— Блестящая мысль, сказалъ Змѣинъ: — отчего бы не пригласить нашего же брата-студента?

— Кого это?

— Да старшую Липецкую.

Насмѣшливая улыбка появилась на губахъ корпорента.

— Я и забылъ, что у васъ есть студентки. Да сильна ли она по части пива?

— А развѣ это такъ необходимо? Къ тому же она лечится сыворотками, а такимъ больнымъ воспрещаются всякіе спиртуозные напитки.

— Ради этого, пожалуй, можно сдѣлать исключеніе. Не возьмете ли вы на себя труда переговорить съ нею? Остальныя хлопоты я въ такомъ случаѣ возьму на себя.

— Bene. Но теперь и я съ своей стороны намѣренъ возбудить вопросъ: не взять ли съ собою доктора?

— Богъ съ вами! Къ чему безъ надобности замѣшивать постороннихъ? Въ случаѣ чего я самъ съумѣю перевязать; невпервой.

— А экипажъ?

— Ну, тотъ, пожалуй, еще можно взять: кстати куда уложить пиво.

— А я запасусь квадратною саженью англійскаго пластыря и наличнымъ количествомъ носовыхъ платковъ. Но гдѣ вы возьмете эспадроны?

— Гдѣ-нибудь да выкопаю. Пойду сейчасъ отыскивать, прибавилъ онъ, вставая и бросая на столъ должныя за пиво деньги. — До свиданья.

— Смотрите, чтобъ были потупѣе.

— Напротивъ, чѣмъ будутъ они острѣе, тѣмъ легче потечетъ кровь.

— И то правда. Кланяйтесь же и благодарите.

Змѣинъ пошелъ отыскивать экс-студентку. Нечего, конечно, прибавлять, что та приняла его предложеніе — быть посредницей — какъ нѣчто подобающее, вполнѣ естественное.

XVII.

И грянулъ бой!

На слѣдующее утро, ясное, солнечное, еще до половины пятаго, всѣ прикосновенные къ предстоящему поединку собрались уже въ столовой пансіона. На вопросъ прислуживавшей имъ служанки: куда господа поднялись такъ рано? былъ согласный отвѣтъ:

— In's Grüne.

Передъ окнами дожидались четырехмѣстныя дрожки. Броннъ вынесъ и уложилъ въ нихъ съ осторожностью какую-то длинную вещь, завернутую въ плэдъ; затѣмъ не менѣе заботливо помѣстилъ на днѣ экипажа объемистую корзину, изъ которой лукаво выглядывала группа бутылочныхъ горлышекъ.

Укрѣпившись на скорую руку кофеемъ, поднялись въ путь. Въ экипажъ сѣлъ одинъ Броннъ, для охраненія уложенныхъ въ немъ сокровищъ. Остальные слѣдовали пѣшкомъ. Куницынъ не выспался и потому былъ мраченъ и молчаливъ; впрочемъ, не съ кѣмъ было и говорить ему. Лиза и натуралисты болтали какъ ни въ чемъ не бывало, такъ-что никто изъ встрѣчавшихся имъ экскурсіантовъ не могъ въ нихъ заподозрить траурную процесію къ лобному мѣсту.

За малымъ Ругеномъ, на краю опушки, дрожки

остановились. Выскочивъ изъ нихъ, Броннъ велѣлъ кучеру обождать, передалъ Змѣину плэдъ съ завернутыми въ него таинственными вещами, самъ завладѣлъ завѣтною корзиною и, ставъ во главѣ процесіи, углубился въ чащу. Вскорѣ открылась передъ ними небольшая лужайка, замкнутая кругомъ высокими деревьями. Солнце обливало свѣжую мураву своимъ полнымъ свѣтомъ и играло тамъ и сямъ въ невысохшихъ брызгахъ утренней росы. Изъ чащи вѣяло прохладой и сыростью.

Секунданты развернули плэды, и обнаружились четыре блестящихъ лезвія.

— Сюртуки долой! скомандовалъ Броннъ.

— Въ ихъ-то присутствіи? указалъ Куницынъ на Лизу.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, замѣтила та; — я не такъ мелочна, чтобы показывать наивный видъ, будто не знаю, что мужчины являются на свѣтъ не въ платьяхъ, и боюсь, что, скинувъ ихъ, они сдерутъ съ себя живьемъ кожу.

— А въ такомъ случаѣ я съ моимъ удовольствіемъ, сказалъ правовѣдъ, слѣдуя примѣру противника, который уже сбросилъ съ себя верхнее платье. — Я забылъ, что вы матеріалистка.

Секунданты вымѣривали между тѣмъ длину оружій.

— Приблизительно одного калибра, сказалъ корпорентъ. — Выбирайте, господа.

Противники взяли по эспадрону, секунданты также.

— Брр, какой морозъ, замѣтилъ Ластовъ, становясь въ позицію. — Хорошо еще, что я въ однихъ рукавахъ, а то можно было бы подумать, что трушу.

Презрительная улыбка пробѣжала по лицу Куницына; но, воздерживаясь отъ всякаго замѣчанія, онъ поправилъ только въ глазу стеклышко.

— Что же, господа, спросила Лиза, — такъ въ шляпахъ вы и деретесь?

— Оно практичнѣе, отвѣчалъ поэтъ: — солнце не мѣшаетъ, да и тумаки по головѣ не будутъ такъ ощутительны. Одно условіе, милый мой, обратился онъ къ противнику: — тебѣ, конечно, также не особенно желательно быть обезображеннымъ; такъ я предлагаю, не бить въ лице. Хочешь?

Правовѣдъ опять усмѣхнулся:

— Жаль вамъ своей смазливой рожицы? Пожалуй, такъ и быть, не трону.

— Я вовсе не нуждаюсь въ твоемъ великодушіи, холодно отвѣчалъ Ластовъ. — Кому изъ насъ двоихъ, тебѣ или мнѣ, дороже его смазливая рожа — подлежитъ еще сомнѣнію; разница между нами только та, что я откровеннѣе тебя и высказалъ обоюдную задушевную мысль. Впрочемъ, если хочешь, я отсѣку

тебѣ носъ; что я дерусь недурно, подтвердитъ тебѣ Змѣинъ.

— Да вѣдь я же говорю вамъ, что не имѣю ничего противъ вашего предложенія. Вы хотите только выиграть время.

— Ни мало. Я къ твоимъ услугамъ.

Оружія враговъ скрестились. Секунданты стали каждый за своимъ дуэлянтомъ, готовые предупредить вооруженною рукою всякій „незаконный“ ударъ противной стороны. Посредница въ ожиданіи предстоящаго зрѣлища, расположилась на ближнемъ древесномъ пнѣ.

— Los! скомандовалъ корпорентъ.

Куницынъ быстро отдѣлилъ эспадронъ отъ непріятельскаго лезвія и ударилъ приму. Ластовъ спокойно и ловко отвелъ ударъ. Правовѣдъ замахнулся квартой — и та была отбита. Посыпался еще рядъ меткихъ ударовъ, отпарированныхъ съ тѣмъ же искуствомъ. Куницынъ заносится опять квартой; Ластовъ парируетъ намѣренно слабо, вражеское лезвіе соскальзываетъ къ нему на грудь — и на бѣлоснѣжной рубашкѣ его, ровно по срединѣ груди, выступаетъ явственная красная полоска. Раненый отскакиваетъ два шага назадъ и опускаетъ оружіе:

— Es sitzt!

— Это вы, какъ секундантъ побѣдителя, должны

были закричать: „Es sitzt!“ наставительно замѣчаетъ Змѣину корпорентъ.

— На слѣдующій разъ не премину. Но теперь не до того: гдѣ у насъ пластырь?

Правовѣдъ, подобно другимъ, хлопоталъ около своего побѣжденнаго противника.

— Я надѣюсь, что ты не опасно раненъ? спрашивалъ онъ заботливо, съ великодушіемъ побѣдителя.

— По крайней мѣрѣ не смертельно, отвѣчалъ съ улыбкою побѣжденный, пожимая ему съ теплотою руку. — Однако, чёртъ побери, кусается! прибавилъ онъ, разстегивая запонку рубашки и распахивая грудь.

Лиза даже ахнула: поперегъ груди зіяла довольно широкая рана длиною вершка въ два; кровь ручьемъ бѣжала изъ нея. Броннъ выхватилъ свертокъ пластыря и ножницы изъ рукъ Змѣина и началъ вымѣривать рану.

— Отойдите, господа, дѣло мастера боится. Вотъ еслибъ вы, сударыня, достали водицы, чтобъ обмыть рану; тамъ, въ корзинѣ, между пивными бутылками, припасена одна и съ водой.

Дѣвушка поспѣшила исполнить порученіе.

Змѣинъ между тѣмъ отвелъ своего дуэлянта въ сторону.

— Не покончить ли на этомъ? Забава, какъ оказывается, не совсѣмъ безопасная. Кровожадность

ваша утолена, цѣль достигнута — was willst du, mein Liebchen, noch mehr?

Правовѣдъ прищурился.

— Вы это отъ себя, или по порученію господина Ластова?

— Нѣтъ, отъ себя. Къ чему лишнюю кровь проливать? Еще пригодится. Вѣдь можетъ же на бѣду случиться, что на слѣдующій разъ будете ранены вы?

Куницынъ призадумался.

— Такъ и быть!

Онъ направился къ перевязочному пункту. Тамъ молодой операторъ, наклеивая пластырь на рану поэта, задавалъ послѣднему серьезную распеканцію.

— Экая рана, подумаешь! Баснословно! Признайтеська откровенно, что послѣдняя ваша парада была скандалезна, изъ рукъ вонъ плоха?

— Чистосердечно каюсь! весело отвѣчалъ паціентъ. — Лизавета Николавна, сдѣлайте одолженіе, налейте-ка мнѣ vom edlen Gerstensaft; потеря крови ослабила меня.

— Вы дѣйствительно блѣднѣе обыкновеннаго, сказала посредница, наклоняясь къ завѣтной корзинѣ, исполнить желаніе раненаго.

— Что вы? не давайте! остановилъ ее Броннъ: — недостоинъ. Вы, государь мой, кажется, забываете, что обѣщались посвятить одну стычку и мнѣ.

— Вотъ слѣдующую дерусь за васъ. Только сами посудите, какъ же драться хорошенько, когда вы отказываете даже въ крѣпительномъ напиткѣ Гамбринуса?

— Ну, Господь съ вами. Сударыня, налейте ему Шопéна. Такъ смотрите-жъ, не ударьте въ грязь лицемъ.

— Если тебѣ уже очень не по душѣ, небрежно обратился къ поэту подошедшій въ это время Куницынъ, — то пожалуй перестанемъ; я не настаиваю непремѣнно на продолженіи rencontre'а.

Ластовъ взглянулъ на своего секунданта и покачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ, не могу. Долгъ платежомъ красенъ.

— Что я вамъ говорилъ? отнесся къ правовѣду Змѣинъ: — еще рьянѣе васъ. Но я все-таки не понимаю тебя, Ластовъ? Самъ же говорилъ вчера...

— Тò вчера; теперь я связанъ кружкою баварскаго. Повремените, господа: расклеился, такъ не сейчасъ и склеить. Wird's bald, Herr Leib- und Magenflicker?

— 's ist schon, отвѣчалъ хирургъ, окончательно нажимая платкомъ края пластыря.

Лиза подала обоимъ по шопену пѣнистаго пива.

— Александръ Александровичъ, желаете?

— Позвольте.

Куницынъ отказался. Трое университетскихъ чокнулись кружками и потомъ опорожнили ихъ разомъ.

— А! силы возвращаются, сказалъ Ластовъ; — aux armes, citoyens!

Враги и сподвижники ихъ стали опять въ позицію. Стиснувъ съ рѣшительностью зубы, Куницынъ, не дождавшись условнаго „Los!“, выпалъ убійственною секундой. Ластовъ предвидѣлъ ударъ и, отпарировавъ его съ силой, отвѣтилъ въ свою очередь легкой квартой. Правовѣдъ дрался недурно и отбилъ ее по всѣмъ правиламъ фехтовальной школы. Упало съ той и съ другой стороны еще нѣсколько ударовъ. Но въ то время, какъ правовѣдъ приходилъ все въ большій азартъ, и каждый ударъ его имѣлъ явною цѣлью чувствительно поразить противника, этотъ послѣдній отбивался играючи, словно тросточкой отъ стаи мухъ, и если самъ наносилъ иногда ударъ, то такъ легко, что Куницынъ, при всей своей горячности, могъ отпарировать его. Около пяти минутъ уже длилась битва — ни съ той, ни съ другой стороны не было ни царапины.

— Что же вы наконецъ? шепнулъ за спиною Ластова нетерпѣливый голосъ. — Вы забываете, что деретесь за меня.

— Смотрите же, отвѣчалъ тотъ. — Это за моего секунданта!

И, привскочивъ на аршинъ отъ земли, онъ ударилъ сильнѣйшую приму черезъ голову и затылокъ противника. Шляпа упала съ головы правовѣда, и гибкое непріятельское лезвіе со свистомъ проѣхалось по его спинѣ.

— Ай! невольно вскрикнулъ онъ, поднося къ губамъ лѣвую руку. Онъ держалъ ее, впродолженіе всего боя, какъ слѣдуетъ, за спиною, и эспадронъ Ластова, хлыснувъ его по спинѣ, избороздилъ и ладонь этой руки его.

— Das sitzt! поспѣшилъ возгласить Змѣинъ, чтобы загладить прежнюю оплошность.

— Опять невпопадъ! укорилъ дерптецъ: — теперь вашъ же дуэлянтъ раненъ, а вы, вмѣсто того, чтобы отстаивать его, говорить, что это пустяки, что нѣтъ никакой раны, первые же кричите: „Es sitzt!“

Закусивъ отъ боли и негодованія губу, правовѣдъ обвертывалъ платкомъ пораженную руку.

— Да покажите же, баснословный вы господинъ, сказалъ Броннъ: — можетъ быть, лучше наложить кусочекъ пластырю.

Правовѣдъ распуталъ повязку и показалъ ладонь. Поперегъ ея, отъ одного конца до другого, тянулся легкій шрамъ, изъ котораго въ нѣсколькихъ мѣстахъ выступали крупныя капли крови.

— Вишь, тоже красная, замѣтилъ иронически

корпорентъ: — я всегда слышалъ, что у аристократовъ синяя. Господинъ Змѣинъ, потрудитесь залѣпить эту бездѣлицу. Вы секундантъ, а не заботитесь о благосостояніи своего дуэлянта.

— Не забочусь? отвѣчалъ съ важностью Змѣинъ. — Вы думаете, это у него единственная рана? Herr von Kunizin, Advocat aus St.-Petersburg, извольте показать спину. — Онъ повернулъ правовѣда около оси. — Нѣтъ, что-то не видать; должно быть, одинъ синякъ, рубашка цѣла. А я такъ и думалъ, что распадетесь пополамъ — такъ звонко свистнуло.

— Пожалуйста, приберегите ваши остроты для другихъ, отвѣчалъ съ раздраженіемъ Куницынъ.

— Ну, батенька, удружили! говорилъ корпорентъ, ударяя по плечу поэта. — Никогда, ей-ей, ничего подобнаго не видывалъ. Это вѣдь вы за меня? ха, ха! молодчина! Теперь выпивайте хоть весь запасъ пива — не осерчаю. Знаете, мнѣ хотѣлось бы выпить съ вами брудершафтъ? давайте, а?

— Съ удовольствіемъ. Лизавета Николавна, позвольте-ка намъ еще по шопену.

Лиза подала имъ по бутылкѣ.

— Можете и такъ. Не думала я, что низойду на степень маркитантки!

Продѣвъ руки, какъ должно, одну подъ другую,

молодые люди выпили каждый свою бутылку и поцѣловались потомъ три раза.

— Важно! прицмокнулъ Броннъ. — Теперь, значитъ, на ты? Какъ-то баснословно-отрадно, знаешь: есть около тебя братская душа.

— До свадьбы заживетъ, говорилъ Змѣинъ, окончивъ операцію бинтованія руки правовѣда. — Теперь, я надѣюсь, вы удовлетворены? Можно, наконецъ, домой.

— Менѣе, чѣмъ когда-либо . . . отвѣчалъ мрачно и отрывисто Куницынъ, котораго видимо подмывала мысль о понесенномъ имъ унизительномъ пораженіи.

— Не перестать ли намъ? предложилъ и подошедшій въ это время Ластовъ. — Я съ своей стороны не имѣю уже большой охоты драться.

— А! струсили; теперь поздно. Была честь предложена — отказались; узнайте же, что̀ значитъ шутить со мной! Назначено четыре coups, было всего два, слѣдовательно, я имѣю полное право требовать отъ васъ продолженія дуэли. Берите шпагу и не тратьте лишнихъ словъ.

— Какъ знаете, отвѣчалъ Ластовъ, поднимая съ земли эспадронъ.

И бой возобновился. Но эта стычка прекратилась еще скорѣе предъидущихъ.

— Вамъ жаль своей физіономіи, такъ вотъ же

вамъ! вскричалъ разгоряченный правовѣдъ и, замахнувшись квартой, тутъ же перемѣнилъ направленіе оружія въ секунду, чтобы, обманувъ такимъ образомъ противника, нанести ему полный ударъ въ щеку. Поэтъ вспылилъ и отбилъ злонамѣренный ударъ со всей энергіей. Но парада его была такъ сильна, что эспадронъ Куницына отлетѣлъ далеко въ сторону, а лезвіе вражескаго оружія, неудержимаго въ своемъ стремленіи, вонзилось въ его распростертую руку, нѣсколько выше кисти. Кровь бойкимъ фонтаномъ забила изъ свѣжей раны.

— Das sitzt! рѣшилъ Броннъ и бросился за водой и пластыремъ.

Всѣ столпились вкругъ пораженнаго, и Лиза поспѣшила обвернуть ему руку собственной косынкой.

— Кажется, артерію захватило, замѣтила она съ видомъ знатока.

— Извини, голубчикъ Куницынъ, пожалуйста не сердись, умолялъ перепуганный Ластовъ; — право, невзначай.

Раненый хотѣлъ что-то отвѣтить, но вдругъ закрылъ глаза, опустилъ голову и пошатнулся: съ нимъ сдѣлалось дурно. Его схватили подъ руки. Возвратившійся съ необходимыми врачебными средствами корпорентъ вылилъ ему на голову полбутылки воды, и когда больной очнулся, то принялся за необходимыя

омовенія и заклеиванія, перевязалъ ему руку нѣсколькими платками и накинувъ ему на плеча плэдъ (по случаю забинтованныхъ рукъ нельзя было надѣть на него верхнее платье), рѣшилъ:

— Домой.

Никто уже не возражалъ. Ластовъ хотѣлъ было повесть своего врага-инвалида подъ руку, но тотъ высвободился и отвернулся.

— Оставьте . . . Мы съ вами еще раздѣлаемся. . .

— Оставь его на мое попеченіе, другъ Leo Leonis, сказалъ Броннъ; — лучше пособилъ бы господину Змѣину подобрать воинскія принадлежности. Вотъ, если г-жа студентка не откажется отвесть его со мною къ дрожкамъ . . .

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ же, я и самъ . . . проговорилъ правовѣдъ, оправляясь, но тутъ же опять пошатнулся, такъ-что спутники должны были его поддержать. Онъ съ горечью улыбнулся. — Нѣтъ, что-то не того . . . нейдетъ . . . Я чувствую, что дѣло плохо . . . У меня, Лизавета Николавна, есть къ вамъ послѣдняя просьба: еслибъ я не пережилъ своей раны, то скажите вашей сестрицѣ, чтобы принесла цвѣтовъ на мою могилу.

Лиза расхохоталась:

— Ну, вы еще не совсѣмъ безнадежны; потеря крови настроила васъ элегично.

— Напрасно вы его утѣшаете, вздохнулъ Броннъ; — дѣла уже не поправить: дома ждетъ насъ баснословный завтракъ въ честь примиренія, а господину Куницыну въ настоящемъ его положеніи едва ли можно выпить основательно. Нѣтъ, сударь, я отъ души соболѣзную о васъ.

Пока Ластовъ одѣвался, Змѣинъ завернулъ въ плэдъ эспадроны и подобралъ пустыя бутылки и кружки, разбросанныя по полю битвы; Ластовъ перекинулъ черезъ плечо платья Куницына, и они отправились за другими.

— Ты напоминаешь мнѣ лошадь въ баснѣ, замѣтилъ Змѣинъ: — гордый, статный конь потѣшался надъ уродомъ осломъ. Когда же съ осла содрали шкуру, то надменнаго же коня накрыли ею.

Ластовъ, занятый серьезными мыслями, не отвѣчалъ.

— Что если я его ранилъ опасно? проговорилъ онъ.

— Едва ли. Обморокъ сдѣлался съ нимъ по слабой натурѣ. Но я очень доволенъ, что онъ наказанъ: не рой другимъ ямы; зачѣмъ не удовольствовался первымъ дебютомъ.

XVIII.

Судьба улыбается Моничкѣ.

Случай съ Куницынымъ не произвелъ въ пансіонѣ *R.* никакого шума. Лица, участвовавшія въ вышеописанной маленькой драмѣ, понятнымъ образомъ, объ ней умолчали; по отрывочнымъ же даннымъ, никто не хотѣлъ, да и не думалъ доискиваться до истины.

Когда около 8-го часу пансіонеры, сидѣвшіе въ столовой за утреннимъ кофеемъ, завидѣли въ окошко медленно подъѣзжающія дрожки и съ трудомъ вылѣзающаго оттуда, завернутаго въ плэдъ правовѣда, кто-то изъ нихъ обратился къ входящему въ это время Змѣину съ вопросомъ:

— Что, скажите, съ вашимъ соотечественникомъ?

— Да такъ, ушибся маленько, объяснилъ Змѣинъ.

— Гдѣ-жъ это? упалъ, что ли?

— Н-да. Собирались мы, видите, спозаранку на Ругенъ, со всевозможнымъ провіантомъ, чтобы позавтракать въ зелени. Были съ нами барышни, а барышни, сами знаете, какой народъ: какъ забьютъ себѣ что въ голову, никакой палкой не вышибишь. Захотѣлось же одной изъ нихъ во что бы то ни стало понюхать цвѣточекъ, который росъ какъ разъ надъ обрывомъ: достань ей его да достань, чудно, должно

быть, пахнетъ. Ну-съ, соотечественникъ-то нашъ, воплощенная рыцарская натура, и пойди доставать. Какъ нагнулся — земля подъ нимъ тарарахъ! и совершилъ кувырколѣніе.

— Скажите! И больно расшибся?

— Да, кажется, есть-таки. Особенно пострадалъ руками, потому-что брякнулся на четвереньки.

— А цвѣтокъ-то что же? вмѣшалась наивная нѣмочка.

— На счетъ него можете быть спокойны: хотя и слетѣлъ также внизъ, но остался цѣлъ и невредимъ и доставленъ по принадлежности.

— Doch die Katze, die Katz' ist gerettet!

весело подхватилъ входившій въ это время Броннъ.

— Вотъ молодость! замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ, сухой старичокъ. — Впередъ поостережется. И со мною, признаться, случился въ юности подобный же пасажъ . . .

И обществу волей-неволей пришлось выслушать „подобный же пасажъ". Тѣмъ и кончились толки о Куницынѣ.

Врачъ, призванный къ больному, осмотрѣлъ его руку, успѣвшую уже порядкомъ опухнуть, чуть замѣтно улыбнулся на объясненіе: что „занозился, молъ, объ острый камень", и прописалъ ледяныя примочки.

— На молчаливость мою вы можете положиться, отозвался онъ, лукаво прищурясь на просьбу больного говорить о его случаѣ какъ можно менѣе: — кому какое дѣло, къ какому разряду минеральнаго царства принадлежитъ злополучный камень, о который вы заносились: у всякаго смертнаго свои камни преткновенія.

И надо отдать честь прозорливому сыну Эскулапа: онъ свято сдержалъ свое обѣщаніе, хотя, быть можетъ, тому содѣйствовало и немаловажное повышеніе завизитной платы.

Если мы сказали, что никто изъ постороннихъ въ пансіонѣ *R.* лицъ не извѣстился объ истинномъ ходѣ дѣла, то не выразили этимъ, что вообще никто, кромѣ дѣйствующихъ лицъ, не узналъ о поединкѣ; было еще два не совсѣмъ постороннія лица: Моничка и Наденька, которыя вскорѣ также сдѣлались соучастницами въ тайнѣ. Чутье влюбленныхъ, какъ извѣстно, не менѣе тонко, какъ у лягавыхъ собакъ, и потому, какъ только передали Моничкѣ эпизодъ о паденіи правовѣда со скалы, она мигомъ смекнула, что тутъ что-то неладно, есть какая-то несообразность. Она обратилась сначала къ Лизѣ, не скрывать отъ нея ничего; когда же та повторила ей сказку Змѣина, земля загорѣлась подъ ногами бѣдной влюбленной, и, съ рѣшимостью „d'une fille complétement émancipée", она кинулась въ комнату возлюбленнаго. На стукъ

ея въ дверь послышалось обычное „Herein!“, и, съ самосознаніемъ вскинувъ головку, она послѣдовала призыву.

Больной полулежалъ на диванѣ, подпертый съ боковъ подушками. На полу передъ нимъ сидѣла горничная и прикладывала ледъ къ рукѣ его, распростертой на стулѣ.

— Pardon, если я вхожу къ вамъ такъ, sans façons, начала скороговоркой Моничка; — но я услышала о вашемъ несчастіи...

— Не знаю, какъ и выразить вамъ мою признательность, отвѣчалъ, приподнимаясь съ подушекъ, правовѣдъ: — вы — первая, навѣщающая меня въ моемъ isolement. Я подалъ бы вамъ стулъ, но видите — не въ состояніи: Прометей къ скалѣ прикованный. Anna, bringen Sie doch dem Fräulein einen Stuhl.

— Nein, nein, lassen Sie sich nicht stören, предупредила барышня служанку, собиравшуюся уже исполнить приказаніе молодого человѣка. — Прислуга здѣшняя понимаетъ по-французски, такъ поневолѣ приходится говорить по-русски, продолжала она, усаживаясь противъ изголовья правовѣда. — Васъ ранили, m-r Куницынъ, ранили въ дуэли; пожалуйста не отпирайтесь, не повторяйте этой невѣроятной исторіи о паденіи d'un rocher.

— Гм, чѣмъ же она невѣроятна?

— Да всѣмъ. Во-первыхъ, съ какой стати вставать вамъ въ пять часовъ, когда ни Наденька, ни я не были de cette partie de plaisir?

— Et puis?

— Puis — вѣдь съ вами не было другихъ дамъ, какъ Лиза?

— Нѣтъ.

— Такъ вообразимо ли, что Лиза, эта отъявленная флегматка и прозаистка, прельстилась такъ на цвѣтокъ, чтобы тревожить изъ-за него другихъ? Нѣтъ, не скрытничайте, у васъ былъ rencontre, и я знаю даже, съ кѣмъ.

— Съ кѣмъ же?

— Да съ этимъ противнымъ Ластовымъ.

— Напрасно было бы, m-lle, скрывать отъ васъ истину; вы такъ проницательны...

— Ага, сознались... Анна, вы, я вижу, устали, обратилась она къ горничной по-нѣмецки: — дайте-ка, я замѣню васъ; послѣ можете воротиться.

Куницынъ съ благодарностью преклонилъ голову.

— Вы слишкомъ любезны, m-lle. Съ моей стороны было бы верхомъ безумства отказаться отъ такой чести, Anna, thun Sie, wie das Fräulein sagt.

Служанка посмотрѣла съ недоумѣніемъ поочередно на каждаго изъ нихъ, потомъ встала и, про-

говоривъ: — Wie Sie befehlen, сдѣлала книксъ и вышла.

Моничка присѣла на ея мѣсто и взяла въ руку кусокъ льду.

— Ah, mais c'est bien froid.

— Видите; откажитесь-ка лучше отъ роли сестры милосердія, которую взяли на себя въ порывѣ великодушія, возразилъ по-французски же правовѣдъ.

— Ахъ, нѣтъ, какъ же можно. Вамъ, я думаю, еще холоднѣе, на пылающую-то рану. Еслибъ вы знали, какъ я зла теперь на этого гадкаго университанта . . .

— Да вы не думаете ли, m-lle, что раненъ одинъ я? О, нѣтъ! Какъ я изрѣзалъ ему грудь!

— Да? Но это премило съ вашей стороны! Вѣдь онъ, я думаю, страшный трусъ; вѣрно, отказывался сначала драться?

— Да, то есть ни за-что не соглашался на пистолеты: на шпагахъ, говоритъ, не такъ опасно. Хе, хе!

— Ахъ, какой стыдъ! И вы же поплатились? Послѣ этого я его не только ненавижу — я его презираю! Попадается мнѣ сейчасъ на лѣстницѣ и свищетъ во всеуслышанье, какъ ни въ чемъ не бывало — точно извощикъ! мужикъ этакій . . . Вѣрно пойдетъ еще хвастаться передъ Наденькой, что побѣдилъ васъ; а она, дурочка, влюбленная въ него какъ

курица, какъ разъ и повѣритъ! Она не въ состояніи постичь все благородство вашего поступка... Вѣдь вы за тотъ поцѣлуй...?

— Да...

— Ну, вотъ; а она, я увѣрена, не рѣшится даже заглянуть къ вамъ, хоть бы изъ признательности: маленькія дѣвочки считаютъ это неприличнымъ!

Больной посмотрѣлъ на свою самаритянку искренне-благодарными глазами.

— А вы не сочли этого неприличнымъ? Знаете ли, m-lle, что вы въ нѣкоторомъ родѣ ангелъ? Позвольте поцѣловать вамъ руку; ей-Богу, отъ чистаго сердца.

Моничка просіяла.

— Слѣдовало бы отказать; но какъ вы больны, а больнымъ не велятъ отказывать въ ихъ желаніяхъ...

И маленькая, изящная ручка была поднесена къ губамъ правовѣда; тѣ крѣпко прильнули къ ней.

— Ну, довольно, m-r Куницынъ, довольно...

А сама не отнимала ея.

— Вотъ такъ, благодарю васъ, сказалъ онъ. — Мы говорили о вашей кузинѣ. Повѣрите ли, когда я восхвалялъ ей Парижъ, она — что̀ бы вы думали? пожала плечами.

— Ну да, ребёнокъ, я вѣдь говорила — ребёнокъ; гдѣ же ей! Ахъ, m-r Куницынъ, вѣдь дивно

должно быть въ Парижѣ? Какъ я завидую вамъ и всѣмъ, побывавшимъ тамъ.

— Да, недурная мѣстность, весьма и весьма изрядная; имѣете полное право завидовать. Вся атмосфера Парижа пропитана какимъ-то живительнымъ элексиромъ; вдыхая ее, замѣтно перерождаешься, дѣлаешься чѣмъ-то лучшимъ, высшимъ. Каждая малость, каждое такъ-сказать дрянцо носитъ на себѣ отпечатокъ цивилизованности. Хоть бы гарсоны въ отеляхъ. Я останавливался послѣдній разъ въ Луврской; такъ моего гарсона звали не Захаромъ или Никифоромъ, а Альфонсомъ! каково имячко?

— Ахъ, да, какое музыкальное. Такъ и напоминаетъ: Alphonse Karr!

— Именно. Въ своемъ франтовскомъ фракѣ, снѣжно-бѣломъ галстухѣ онъ не уступалъ въ граціи любому комъ-иль-фо, а чисто-французскій выговоръ, а выраженья... Не „papillon“, а „papiyon“! прелесть! Я даже боялся заговаривать съ нимъ, долженъ былъ обдумывать каждое слово, чтобы не срѣзаться. Между тѣмъ, я, какъ вы вѣроятно замѣчаете, изъясняюсь по-французски не очень-то дурно?

— Вы говорите безподобно, упоительно, m-r Куницынъ.

— А то возьмите прачку, продолжалъ онъ, — простую прачку. Ну, что такое въ сравненьи съ

нею наша доморощенная Матрена, Марья? толстая, неповоротливая! Ее и назвать-то нельзя иначе, какъ Матреной. А тутъ — стучатся къ вамъ въ дверь (уже по одному стуку вы угадываете благовоспитанную ручку), вы приглашаете: „Entrez“, и влетаетъ къ вамъ легкая, какъ зефиръ, граціозная вторая Тальони. Вы недоумѣваете: кто это? въ самомъ ли дѣлѣ не болѣе какъ прачка, или одна изъ гордыхъ фей Сенъ-жерменскаго предмѣстья?

— И вѣрно кокетничали съ нею? перебила Моничка. — Фи, съ прачкой! Какъ она тамъ ни будь граціозна — все прачка.

— А, нѣтъ. Вы узнайте сначала, что̀ такое француженка - прачка, а потомъ и судите. Правда, красавицъ въ полномъ смыслѣ слова между француженками и не ищи: напримѣръ, такихъ, какъ вы, положительно нѣтъ . . .

— Вы льстите!

— Нѣтъ, серьезно. Но лица у нихъ всегда необыкновенно выразительны, и какой вкусъ въ нарядахъ, что за манеры . . .

— Ну, хорошо, оставьте въ покоѣ своихъ прачекъ и разскажите что-нибудь про самую жизнь въ Парижѣ.

— Да, что до жизни, то можно безъ преувеличенія сказать, что одни французы раскусили эту за-

мысловатую дилемму. Прохаживаетесь вы по итальянскому бульвару, а народъ вамъ на встрѣчу — не идетъ, нѣтъ — прыгаетъ, порхаетъ, поетъ, хохочетъ. „Мы живемъ для наслажденія, читаете вы на этихъ беззаботныхъ, довольныхъ лицахъ: — бери примѣръ съ насъ, о странникъ, и будешь счастливъ!“ И какъ умно они умѣли воспользоваться всѣми усовершенствованіями по части жизненнаго комфорта, чтобы превратить свой Парижъ въ восьмое чудо міра, въ настоящій сказочный зàмокъ Шехеразады. Это я называю цивилизаціей! Недаромъ величаютъ они себя „la grande nation“. Вокругъ васъ только роскошь и блескъ, жизнь и наслажденіе. Чего стòитъ одинъ обѣдъ у *Trois Frères-Provençaux!* Насладись и умри! какъ сказалъ Прудонъ. Я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю одинъ случай . . . Подаютъ мнѣ тамъ бутылку вина. Не глядя на ярлыкъ, наливаю стаканъ, пробую. „Lacrymae Christi“, говорю гарсону. „Точно такъ“, подтверждаетъ онъ, кланяясь съ знаками уваженія. Пью еще: „48-го года“, рѣшаю опять. Человѣкъ даже ахнулъ отъ удивленія: вино было дѣйствительно 48-го года.

— Скажите! изумилась Моничка.

— Можете представить, какъ я самъ-то обрадовался. Но, само собою, узнавать вино можно только

въ неиспорченномъ видѣ... Когда-то наша бѣдная Россія достигнетъ хоть тѣни всего этого!

— Ахъ, m-r Куницынъ, и не упоминайте объ ней!

— А театры? а Mabile, Closerie de Lilas, Château de fleurs?

Tant qu'on le pourra, larirette,
On se damnera, larira.
Tant qu'on le pourra,
L'on trinquera,
Chantera,
Aimera
La fillette.
Tant qu'on le pourra, larirette,
On se damnera, larira.

Вотъ это такъ — жизнь!

— Вы, милый мой, разсказываете такъ увлекательно, что взяла бы да полетѣла туда. Что-жъ это наши сидятъ въ этой скучной Швейцаріи!

— И все это у нихъ въ колосальныхъ размѣрахъ, продолжалъ повѣствователь, довольный уже тѣмъ, что нашелъ внимательную слушательницу: — всякая бездѣлушка бьетъ въ глаза. Идете вы, примѣрно, по Пале-Роялю — въ окнахъ магазиновъ только бархатъ да золото, золото да бархатъ. Что есть у нихъ лучшаго, все на показъ. Если бы можно было, то хорошенькія продавицы и свои очаровательныя личики выкладывали бы на окна. Итакъ, говорю

я, все въ колосальныхъ размѣрахъ: лежитъ, напримѣръ, груда-не-груда — цѣлая гора брелоковъ для часовъ, микроскопическихъ какихъ-нибудь биноклей, а посмотрите въ такой бинокль, увидите прелюбопытную фотографію. Вотъ и у моихъ часовъ, какъ видите, привѣшана такая штучка.

— Можно взглянуть?

— Да вы, пожалуй, разсердитесь.

— Такъ что-нибудь нехорошее?

— Напротивъ, очень хорошее; а впрочемъ — какъ знаете.

Моничка отцѣпила часы отъ жилетки молодого денди и поднесла привѣшанную къ цѣпочкѣ крошечную зрительную трубку къ глазу.

— Ахъ, какой вы! пролепетала она, вспыхнувъ и быстро опуская часы съ замѣчательнымъ брелокомъ.

— Ха, ха, ха! смѣялся правовѣдъ; — что же въ этомъ дурного? вѣдь и себя же вы видите иногда въ подобномъ туалетѣ. Никто не родится на свѣтъ въ платьяхъ.

Опустивъ личико, чтобы не разсмѣяться, Моничка вложила часы обратно въ жилетку ихъ владѣльца и, закусивъ губу, принялась вновь съ усердіемъ прикладывать ледъ къ рукѣ его.

— Есть, правда, одна слабость у французовъ, заговорилъ опять Куницынъ: — они не очень опрятны

тамъ, гдѣ этой опрятности нельзя сразу замѣтить. Встрѣчается вамъ, напримѣръ, барыня, разодѣтая въ пухъ и въ прахъ. Вы опять недоумѣваете: прачка это или герцогиня? Но тутъ порывомъ вѣтра поднимается рукавъ ея — нѣтъ, видно не прачка, а герцогиня: вашему взору открывается рукавчикъ, давно жаждущій капитальной стирки. Но эту слабость, по моему, можно вмѣнить имъ только въ достоинство, потому-что, пренебрегая невидимыми частями своего туалета, они имѣютъ возможность тѣмъ тщательнѣе заниматься своей внѣшностью, для достиженія въ ней того совершенства, которымъ мы, русскіе, можемъ только любоваться, но до котораго намъ далеко, какъ до неба.

Такъ ораторствовалъ правовѣдъ, а Моничка благоговѣйно внимала ему, прикладывая ему съ самоотверженіемъ истинной сестры милосердія ледъ къ больной рукѣ, хотя пальчики ея, сперва покраснѣвъ, потомъ посинѣвъ, почти и окостенѣли уже отъ холода.

XIX.

Три примиренія.

Утро. Поэтъ сидитъ въ своей комнатѣ за столомъ, передъ открытымъ окошкомъ. Склонившись

головою на лѣвую руку, онъ мечтательно заглядывается на снѣжную, облитую солнечными лучами Юнгфрау. Въ правой рукѣ у него перо, подъ рукою — бумага, испещренная гіероглифами, зачеркнутыми, перечеркнутыми и иногда опять возобновленными рядомъ точекъ снизу. Тутъ выведена особенно старательно, съ замысловатыми завитушками, одна какая-нибудь буква, тамъ набросанъ очеркъ человѣческой или лошадиной головы. Поэтъ бесѣдуетъ съ Музой.

— Herr Lastow... раздался за его спиною робкій голосъ.

Поэтъ не слышитъ: онъ нашелъ требуемую риѳму, склоняется надъ бумагой и, какъ-бы опасаясь, чтобы стихъ не выскользнулъ у него угремъ изъ рукъ, торопливо набрасываетъ четыре строчки. Затѣмъ, съ самодовольнымъ спокойствіемъ, перечитываетъ вполголоса написанное.

— Herr Lastow! повторилъ громче голосъ.

Ластовъ оглянулся. Въ дверяхъ стояла Мари, блѣдная, убитая. Онъ подошелъ къ ней и поднялъ ея подбородокъ.

— Что съ тобою, милая?

Она раскрыла дрожащія губы, хотѣла что-то отвѣтить и, не произнеся ни слова, отвернулась. Поэтъ находился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа:

удачно найденный стихъ развеселилъ его; ему стало жаль дѣвушки.

— Обидѣлъ тебя кто? Скажи — я накажу его.

Мари взглянула на него: въ темно-бархатныхъ глазахъ ея плавали слезы. Она силилась улыбнуться.

— Накажите же себя самого!

— А! такъ это я виноватый?

— А то кто же? Удивляетъ меня только, какъ вы и теперь не вздыхаете у ногъ своей обожаемой.

— Ты, стало быть, знаешь...?

— Что вы цѣловались съ ней? какъ не знать! Сама же мнѣ разсказала...

— Сама?

— Не знала кому повѣдать свое горе, и меня выбрала... Нашла кого!

Мари заплакала и закрылась руками.

— Перестань, душа моя. Я ее люблю, точно; но и тебя я не менѣе люблю. Сердце мое такъ обширно, что вмѣщаетъ въ себѣ васъ обѣихъ.

Du liebes, kleines Mädchen,
Komm an mein grosses Herz...

И онъ хотѣлъ обнять ее. Швейцарка высвободилась.

— Оставьте... Вамъ бы все надсмѣхаться...

— Ни чуть, дорогая моя, я серьезнѣе, чѣмъ

когда-либо. Дѣло очень простое: я жаждалъ любви; боги послали мнѣ разомъ и тебя и ее: виноватъ ли я въ такой благодати? И къ тебѣ, и къ ней мое сердце возгорѣлось чистою страстью, и въ обществѣ которой изъ васъ я нахожусь, та въ тотъ мигъ мнѣ и дороже. Теперь я, напримѣръ, весь твой...

И онъ снова обнялъ ее: Она уже не противилась.

— Да развѣ можно любить двухъ разомъ? прошептала она только.

— Какъ видишь. Собственно говоря, люблю я всегда только одну: теперь, когда я съ тобою, я и думаю только о тебѣ.

Du-Du liegst mir am Herzen,
Du-Du liegst mir im Sinn,
Du-Du machst mir viel Schmerzen,
Weisst nicht, wie gut ich Dir bin.*)

Ну, засмѣйся!

Мари сквозь слезы улыбнулась.

— Ну, еще на грошъ!

Мари засмѣялась.

— Вотъ такъ. Теперь, для полнаго мира, поцѣлуемся.

---

*) Ты-ты въ моемъ сердцѣ едина,
Ты-ты лишь одна на умѣ,
Ты-ты моихъ мукъ лишь причина,
Не знаешь, какъ люба ты мнѣ.

Она дала поцѣловать себя. Называя ее всевозможными нѣжными именами, молодой человѣкъ усадилъ ее на диванъ; потомъ сталъ передъ нею на колѣни. Лучъ радости освѣтилъ блѣдныя черты дѣвушки.

— Такъ вы меня еще немножко любите? Вы теперь не думаете объ ней? Вы... ты теперь мой, весь мой?

— Твой, милая...

— Ты мой, мой?...

Обѣими руками обхватила она его голову и сжала ее такъ крѣпко, что Ластовъ даже вскрикнулъ.

— А! то-то же! Видишь, какъ я люблю тебя. Знаешь, съ какого времени ты полюбился мнѣ?

— Съ какого?

— Съ перваго же дня. Помнишь, ты расписался въ книгѣ: „Naturfuscher“, и когда я спросила: что-жъ это такое? ты объяснилъ мнѣ, что срываешь всѣ хорошенькіе цвѣточки... „Ужъ не сорветъ ли и меня?“ мелькнуло у меня въ умѣ.

— Ишь, какая! засмѣялся молодой человѣкъ. — Такъ ты знаешь, что ты хорошенькая?

— Да вѣдь самъ же ты, милый мой, увѣрялъ меня въ томъ! былъ наивный отвѣтъ. — И могъ ли ты, такой умный, такой красавецъ, полюбить некрасивую?

— Аргументъ неопровержимый!

— Вотъ ты и говоришь мнѣ: „Берегитесь, моя милая, чтобъ и васъ не постигла та же участь.“ Я, разумѣется, покраснѣла; а ты нагнулся надъ чемоданомъ и говоришь: „Не краснѣйте: я не буду больше смотрѣть.“ Такой шутникъ! Тутъ у меня и дрогнуло сердечко, точно что кольнуло, такъ и хотѣлось броситься къ тебѣ. „Какой онъ интересный! подумала я и взглянула на тебя: — да и что за милашка!“ Душка ты мой, душонокъ!

Она наклонилась къ нему и, какъ дитя, обвила его шею руками.

— А помнишь, какъ ты спрашивалъ меня, нравится ли мнѣ Вертеръ? Я очень разсердилась, когда ты назвалъ его плаксой; вѣдь въ тебѣ я видѣла своего Вертера; ты былъ такой блѣдный, красивый, да такой милый... Какъ же мнѣ было не сердиться, когда ты бранилъ самого себя?

— Бѣдная моя! вздохнулъ поэтъ.

— Я бѣдная? нѣтъ, сударь мой, я богатѣйшая, ухъ, какая богатая: ты вѣдь мой!

Она прижала его къ себѣ со всѣмъ жаромъ молодой, несдержанной страсти.

— Ахъ, я и забыла, зачѣмъ пришла къ тебѣ! спохватилась она вдругъ и залилась свѣтлымъ смѣхомъ: — этотъ Advocat aus St.-Petersburg хочетъ видѣть тебя.

— Куницынъ?

— Да, зайти просилъ. Совсѣмъ изъ головы вонъ. А все ты, мой голубчикъ! Ну, прощай, до свиданья.

Она порхнула къ двери.

— Развѣ такъ прощаются? спросилъ съ шутливымъ укоромъ Ластовъ.

Дѣвушка вернулась къ нему:

— Ненасытный! — и, звонко поцѣловавъ его, скрылась изъ комнаты.

Какъ бы удивилась она, еслибъ увидѣла облако, осѣнившее тотчасъ по ея уходѣ чело возлюбленнаго; но удивленіе это перешло бы въ ужасъ, еслибъ она заглянула въ его душу: тамъ прочла бы она неумолимое рѣшеніе: „Полно шалить-то! Покончить поскорѣе: помириться съ Куницынымъ, съ Наденькой — и куда глаза глядятъ.“

Правовѣдъ принялъ своего недавняго врага вполнѣ дружелюбно.

— Спасибо, что зашелъ, началъ онъ; — я подалъ бы тебѣ руку, да видишь — не могимъ.

Обѣ руки у него были еще забинтованы.

— Ничего, мы и такъ, отвѣчалъ Ластовъ, пожимая съ осторожностью кончики пальцевъ правой руки больного, выглядывавшіе изъ-подъ перевязи.

— Я, Ластовъ, разсудилъ, что намъ собственно не изъ-за чего враждовать, и потому полагалъ бы

дуэль нашу считать оконченною, хотя и остается еще одинъ coup. Какъ ты думаешь?

— Совершенно съ тобою согласенъ. Но что̀ возвысило такъ барометръ? Не являлась ли къ тебѣ Наденька съ увѣреніями въ вѣчной любви?

Куницынъ безпокойно повернулся на диванѣ.

— Нѣтъ, Наденьки-то не было... Хотя, правду сказать, ей бы и ничего не значило заглянуть разокъ: рискуютъ изъ-за нея жизнью, нѣкоторымъ образомъ кровь проливаютъ, какъ выразился капитанъ Копейкинъ, а она себѣ и въ усъ не дуетъ.

— Не дуетъ, потому-что...

— Не имѣетъ усовъ? сострилъ правовѣдъ.

— Нѣтъ; можетъ быть, она ничего и не знаетъ...

— О дуэли-то? Сказалъ, братъ! Что̀ бы изъ-за дѣвушки дрались, и она объ этомъ не знала? Моничка же догадалась; а если Наденька не такъ сметлива, то кузина не утерпитъ передать ей... Да что мнѣ, впрочемъ, въ Наденькѣ? Она, какъ я тебѣ когда-то говорилъ, незрѣлый крыжовникъ; теперь же я убѣдился, что она крыжовникъ до того незрѣлый, что очень легко схватить холеру. Нѣтъ, покорно благодаримъ-съ!

— Слава Богу, вздохнулъ Ластовъ: — разошлись наконецъ во вкусахъ. Кто же произвелъ эту благопріятную перемѣну? Не Саломонида ли?

— Да еслибъ и Саломонида? Тебя, кажется, очень забавляетъ это имя? Оно въ самомъ дѣлѣ некрасиво. Но Моничка, по моей просьбѣ, рѣшилась измѣнить его и называться впередъ Семирамидой.

— Гм...

— Что гм? Да, милый мой, промахнулись мы съ тобою, не понимаю, гдѣ у насъ были глаза! Вѣдь это такой кладъ...

— Кто? Моничка, то есть Мирочка?

— Да, Мирочка, да. Еслибъ ты видѣлъ, какъ она печется обо мнѣ: прочитываетъ мнѣ вслухъ, прикладываетъ ледъ къ моей ранѣ, даже отморозила себѣ одинъ палецъ... Другъ мой, что у нея за руки! бѣлыя, пухлыя, съ ямочками... sapristi! только бы гладить да цѣловать...

— А ты пробовалъ ихъ гладить и цѣловать?

— Н-нѣтъ, то есть видишь ли, я обѣщался не болтать, ну, да тебѣ можно... Да, братецъ ты мой, далъ же ты маху! Не умѣлъ воспользоваться такимъ сокровищемъ! Она предоставлялась тебѣ въ силу гисбахскаго договора — ты не хотѣлъ, не съумѣлъ схватить счастіе за шиворотъ; теперь плачь-не-плачь — не воротишь.

— Покуда я не имѣю, по крайней мѣрѣ, ни малѣйшаго поползновенія плакать. Вѣдь Наденьку ты оставляешь мнѣ?

— Всю какъ есть, mit Haut und Haar. Какъ представлю я ее себѣ, какою она будетъ черезъ лѣтъ десятокъ — такъ дрожь и проберетъ! Непремѣнно пойдетъ въ матушку, расплывется во всѣ концы, какъ холмогорская корова! Брр! ненавижу толстыхъ! Но — de gustibus non disputandum.

— Именно. Поэтому, я думаю, лучше не хулить чужого предмета. Я не трону Мирочки, ты оставь въ покоѣ Наденьку. De gustibus non disputandum.

Въ это время Ластовъ увидѣлъ въ окошко Наденьку, проходившую только-что черезъ садикъ. Не распростившись съ правовѣдомъ, онъ кинулся изъ комнаты, чтобы не пропустить этого случая переговорить съ гимназисткой.

Дѣвушка сидѣла въ печальномъ раздумьи въ одной изъ бесѣдокъ сада. Завидѣвъ приближающагося Ластова, она вспыхнула и хотѣла выдти. Онъ вынулъ изъ кармана многорѣченный платокъ ея:

— Считаю долгомъ возвратить...

Вырвавъ его у него изъ рукъ, гимназистка хотѣла удалиться. Молодой человѣкъ загородилъ ей дорогу.

— Не уходите, сказалъ онъ тихо и рѣшительно: — намъ надо объясниться.

Наденька колебалась: оставаться, или нѣтъ?

— Умоляю васъ, Надежда Николавна; на пару словъ, не болѣе.

Она повернула назадъ и сѣла на скамейку.

— Ну-съ?

— Скажите, вы ненавидите меня?

Гимназистка перебирала складки платья.

— Не ненавижу, но...

— Но презираете, но знать не хотите?

— Да какъ же знаться съ вами, когда вы позволяете себѣ подобныя вещи? Развѣ я дала вамъ къ тому поводъ? За что вы потеряли ко мнѣ всякое уваженіе? Я держалась въ отношеніи къ вамъ всегда просто, но и какъ нельзя болѣе прилично... А вы обошлись со мной, какъ съ какой-нибудь..,

Голосъ ея оборвался и она отвернулась въ сторону, чтобы скрыть двѣ слезинки, выступившія на длинныхъ рѣсницахъ ея.

— Простите, Надежда Николавна, вы дѣйствительно ничѣмъ не виноваты, во всемъ виноватъ я; но вѣдь и величайшему грѣшнику отпускаются его прегрѣшенья, если раскаянье его чистосердечно. А развѣ моя вина уже такъ велика? ну, что такое поцѣлуй?

— Прикосновеніе губъ, говоритъ Лиза... прошептала Наденька, противъ воли улыбнувшись при этомъ. — Но если я не хотѣла, то вы и не смѣли...

— Совершенно справедливо. Но примите въ соображеніе слѣдующія обстоятельства: нѣсколько

минутъ до рокового прикосновенія губъ, вы посвятили меня въ свои паладины: какъ же не простить паладину небольшого, перваго поцѣлуя, который только закрѣпилъ наши отношенія, какъ дамы и ея вѣрнаго паладина?

— Небольшого! Онъ былъ пребольшущій!

— Могъ бы быть и больше, засмѣялся Ластовъ. — Да вѣдь я и поплатился за свою дерзость: потерялъ нѣсколько унцій крови.

— И кстати пустили нѣсколько фунтовъ ея другому, совершенно постороннему лицу! Хорошо раскаяніе!

— Что-жъ, самъ навязался. Ахъ, Надежда Николавна! Сами знаете: надежда — кроткая посланница небесъ. Перестаньте же хмуриться, посланницѣ небесъ это вовсе не къ лицу; на душѣ у васъ, я знаю, гораздо свѣтлѣе. Не сердитесь!

— Я и не сержусь...

— Серьезно?

— Нѣтъ. Только мы впередъ не будемъ съ вами знакомы.

— И говорите, что не сердитесь. Еслибъ вы точно простили, то были бы со мною попрежнему. Вы молчите? Хотите, я стану на колѣни?

— Какія глупости!

— Нѣтъ, безъ шутокъ. Вотъ я и на колѣняхъ. Довольны вы, о, дама моего сердца?

— Ахъ, что вы, что вы, встаньте... Ну, кто увидитъ...

— Auch das noch! раздался передъ бесѣдкой раздирающій голосъ, и послышались быстро-удаляющіеся по песку шаги. Молодые люди, какъ ужаленные, вскочили — одинъ съ земли, другая со скамейки — и выглянули въ садъ: по дорожкѣ, за угломъ дома, скрывалась Мари.

Ластовъ, растерянный, блѣдный, поникъ головой.

— Auch das noch! повторилъ онъ про себя слова швейцарки. — Глупость за глупостью!

— Она не разскажетъ, она моя повѣренная... поспѣшила успокоить его Наденька.

— Мало ли что...

Съ полминуты длилось молчаніе. Гимназисткѣ стало неловко.

— Вамъ болѣе нечего сказать мнѣ? прошептала она, не глядя на собесѣдника.

— Нечего. Пожалуй, могу еще прибавить, что сегодня же съ первымъ послѣобѣденнымъ пароходомъ, исчезаю отсюда.

— Какъ? совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

— Но съ какой стати? вѣдь кажется...

— Пора, Надежда Николавна; не вѣчно же блаженствовать, надо и честь знать.

— Ну, и съ Богомъ...

Не поднимая глазъ, Наденька быстро вышла изъ бесѣдки и, не оглядываясь, скрылась въ дверяхъ дома.

Ластовъ гордо приподнялъ голову, и рѣшимость блеснула въ глазахъ его.

„Пора, пора, рога трубятъ... Милыя вы мои, добренькія, хорошенькія! Обѣ-то вы мнѣ дороги, обѣихъ жаль покинуть, но потому-то и слѣдуетъ покинуть... Прочь, прочь; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!“

XX.

Гриндельвальдскій глетчеръ.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Рѣшиться-то поэтъ нашъ твердо рѣшился ѣхать сегодня же, и товарищъ его, которому онъ привелъ свои доводы, нашелъ ихъ вполнѣ основательными и самъ также положилъ отправиться съ нимъ, но судьбѣ, или, вѣрнѣе, прачкѣ, неблагоугодно было очистить ихъ путь отъ нѣкоторыхъ терній: значительная часть бѣлья ихъ была въ стиркѣ и, не смотря ни на какія увѣщеванія, не могла быть готова ранѣе слѣдующаго полудня. Надо было покориться.

Но имъ было суждено остаться еще одинъ лишній день.

— Какъ? спросила Лиза за вечернимъ чаемъ: — вы хотите уже улизнуть, не предваривъ насъ о томъ заранѣе? Я не дочла еще вашего Фохта, Александръ Александровичъ, а недочитаннымъ не отдамъ. Вы должны остаться.

— Такъ оставьте его себѣ, я самъ прочелъ его и не нуждаюсь въ немъ болѣе.

— Нѣтъ, я не принимаю подарковъ.

— Да бывали ли вы, господа, въ Гриндельвальдѣ? вмѣшалась Наденька.

— Нѣтъ, не привелось.

— И хотите уже ѣхать? не стыдно ли вамъ! Гриндельвальдъ — самая романтическая мѣстность въ цѣломъ Oberland.

— Что правда, то правда, подхватила Лиза. — На завтра по крайней мѣрѣ вы должны остаться; сообща и съѣздимъ туда.

Друзья переглянулись.

— Не хотѣлось бы... проговорилъ Ластовъ.

— Да не бросится же твоя Мари сейчасъ же въ воду? замѣтилъ ему шёпотомъ пріятель: — останемся-ка еще денекъ.

— Кто ее знаетъ; можетъ, и бросится...

— Что вы перешептываетесь? замѣтила Лиза;

— знаете, что это неприлично. Проще всего: соберемте голоса.

Понятнымъ образомъ, большинство голосовъ было въ пользу гриндельвальдской поѣздки.

На другое утро, часу въ шестомъ, по направленію къ Юнгфрау катились съ умѣренною скоростью влекомыя двумя хорошо откормленными конями четырехмѣстныя дрожки. Назади сидѣли двѣ сестры Липецкія, противъ нихъ два друга-натуралиста.

Поѣздка въ Гриндельвальдъ, если не принимать въ разсчетъ общества, въ которомъ ее совершаешь, сама по себѣ мало привлекательна. Гладкое шоссе вдоль берега пѣнистой Цвейлютчиненъ, однѣ и тѣ же лѣсистыя стѣны горъ по правую и лѣвую руку — все это довольно монотонно. Немного разнообразятъ путь и лохматыя ребятишки, подбѣгающіе то здѣсь, то тамъ къ вашему экипажу и предлагающіе вамъ — или корзиночку съ земляникой, или игрушечный домикъ, или просто букетъ полевыхъ цвѣтовъ, разумѣется, за безстыдныя цѣны, что̀ не мѣшаетъ имъ однако удовольствоваться и какимъ-нибудь су, если вы не захотите дать болѣе. Возница вашъ также ни мало не заботится объ увеличеніи пріятности поѣздки ускоренною ѣздою: при малѣйшей, едва замѣтной отлогости тормозитъ онъ колеса и, исполненный весьма похвальнаго чувства состраданія къ жи-

вотнымъ, но забывая о необходимости такого же состраданія къ высшему классу животныхъ — къ людямъ, заставляетъ васъ передъ всякимъ пригоркомъ вылѣзать изъ экипажа и тащиться до вершины пѣшкомъ подъ жгучими лучами солнца; а не предупредите его во-время — то укатитъ безъ васъ и далѣе, руководствуясь вѣроятно соображеніемъ: „Пріѣхали въ Швейцарію, чтобъ полазить по горамъ, такъ пускай себѣ и лазаютъ.“

Но однообразіе поѣздки въ Гриндельвальдъ съ лихвою окупается самимъ Гриндельвальдомъ. Съ балкона гриндельвальдской гостиницы *Adler*, куда молодёжь наша тотчасъ по пріѣздѣ велѣла принести себѣ кофе, открывается одинъ изъ живописнѣйшихъ швейцарскихъ видовъ. Подъ ногами разстилается волнообразная, цвѣтущая долина, заваленная зеленью и цвѣтами, изъ-за которыхъ тамъ и сямъ выглядываетъ привѣтливая хижина. Кругомъ воздымается неприступный строй въ небеса уходящихъ бернскихъ Альповъ, осыпанныхъ сверху до низу, какъ рафинадомъ, чистѣйшимъ снѣгомъ. Въ горныхъ ущельяхъ синѣютъ громадные ледники; надъ однимъ изъ нихъ сверкаетъ и искрится бѣлая, ледяная равнина — mer de glace. Солнце, съ своей лазурной высоты, обливало всю картину полнымъ свѣтомъ.

— Чудно! замѣтила Наденька. — Еслибъ можно было туда, на глетчеръ...

— А развѣ нельзя? сказалъ Ластовъ и обратился къ стоявшему въ дверяхъ слугѣ: — вѣдь на глетчеръ ходятъ?

— На mer de glace? какъ же-съ: только мало — человѣкъ 60—70 въ годъ, не больше.

— Значитъ, опасно?

— Какъ бы вамъ сказать? если не оступиться, такъ ничего; разумѣется, если оступишься, то неминучая смерть. Тутъ есть компанія англичанъ, что сейчасъ туда сбираются.

— Что-жъ, сказала Лиза, — если ты, Наденька, и вы, Левъ Ильичъ, желаете идти съ ними, то пожалуйста не стѣсняйтесь; мы съ Александромъ Александровичемъ соединимъ utile cum dulce: сыграемъ въ шахматы.

Ей, повидимому, хотѣлось остаться съ Змѣинымъ вдвоемъ. Наденька посмотрѣла на сестру: не шутка ли это съ ея стороны; но, увѣрившись въ противномъ, радостно вскочила со стула.

— Переговорить съ англичанами, вѣдь они буки, и — vorwärts.

Англичане, дѣйствительно, оказались буками: они стали совѣщаться, принять русскихъ въ свое общество, или нѣтъ? Благопріятному исходу совѣщанія

способствовалъ однако одинъ юный альбіонецъ, съ льняными волосами, безцвѣтно-водянистыми глазами и рыжими, жидкими баками, которому замѣтно приглянулась хорошенькая россіянка.

— Если позволите, замѣтилъ онъ, приторно-сладко осклабляясь, — я буду вашимъ защитникомъ отъ горныхъ чудовищъ?

— То есть отъ вашихъ спутниковъ? засмѣялась Наденька. — Нѣтъ, благодарю васъ, я уже запаслась паладиномъ.

Отзавтракавъ, общество двинулось въ путь. Еще до глетчера приходилось имъ не разъ останавливаться. Сперва подбѣжалъ къ нимъ мальчикъ съ пастушьимъ рогомъ и, извлекши изъ инструмента нѣсколько нескладныхъ звуковъ, потребовалъ должнаго вознагражденія. Узнавъ, что рогъ этотъ — пресловутый альпійскій, англичане съ готовностью вознаградили артиста. Затѣмъ попалась путникамъ старушка съ арфой; и ее нельзя было пропустить безъ подаянія. Далѣе, дожидали ихъ двое ребятишекъ съ суркомъ въ корзинѣ, котораго они тщетно понукали перескочить черезъ палку. Англичане возроптали.

— Что-жъ это у васъ однако за нищенство? отнесся одинъ изъ нихъ къ проводнику.

Тотъ только усмѣхнулся.

— А кто виноватъ? Вы же, путешественники,

ихъ балуете. Они вѣдь только знай выглядываютъ изъ хижинъ — не пройдетъ ли кто; да сейчасъ и выбѣгаютъ на дорожку добывать денежку, кто чѣмъ гораздъ. Ты, Петерль, опять цыганствуешь? обратился онъ къ одному изъ мальчугановъ и далъ ему щелчокъ въ лобъ; — вѣдь отецъ не приказывалъ? сказалъ: выпоретъ.

Мальчуганъ, не обращая вниманія на нравоученіе фюрера, скорчивъ жалобную мину, протягивалъ руку къ путникамъ:

— Добрые господа, подайте сиротинкѣ!

Англичане не устояли и заплатили должную пошлину.

Перешагнули ручей, образующійся отъ сліянія множества ручейковъ, вытекающихъ изъ глетчера.

— Лютчина, черная, объяснилъ фюреръ.

— „Лучина лучинушка!“ затянулъ Ластовъ.

Англичане недоброжелательно на него оглянулись.

Когда общество перебралось черезъ каменистую морену, нагроможденную у подошвы ледника, ихъ обдало леденящимъ дыханіемъ зимы. Изъ цвѣтущаго міра долины вступили они внезапно въ царство смерти. Внутрь ледника выкопанъ тунелеобразный гротъ. Около входа красуется пушка, которая, за полфранка въ пользу ея хозяина, безногаго инвалида, пробуждаетъ въ горахъ многократное эхо. По деревяннымъ, ка-

чающимся мосткамъ, вошли въ тунель. Сначала ледяныя стѣны грота были прозрачны и чисто-голубого цвѣта; далѣе, онѣ стали синѣть, вотъ позеленѣли, все темнѣе и темнѣе, пока совершенно не почернѣли; крутой поворотъ налѣво — и открывается мрачный рукавъ грота, освѣщаемый только двумя рядами тускло мерцающихъ свѣчъ. Отъ тепла, распространяемаго свѣчами и человѣческимъ дыханіемъ, своды исподоволь таютъ и холодныя капли брызжутъ на головы посѣтителей. Гдѣ-то, въ глубинѣ ледника, слышится затаенная жизнь — глухо журчащая вода. Откуда-то проносится сухой трескъ лопающагося льда — вода бѣжитъ порывистѣе и звонче. Вдругъ — оглушительный грохотъ, отовсюду отвѣтствуютъ гульливые раскаты, сейчасъ вотъ, кажется, обрушатся своды . . .

— Упала лавина, объясняетъ проводникъ.

Но визитаторамъ дѣлается страшно: а ну, если и вправду похоронитъ подъ собою? Всѣ спѣшатъ выдти. На встрѣчу льются розовые потоки свѣта. А! какъ славно, какъ широко дышется на вольномъ воздухѣ! какъ привѣтливо улыбается природа, какъ горячо и отрадно грѣетъ солнышко!

Послѣднимъ вышелъ молодой англичанинъ; онъ вымѣрилъ шагами длину грота, справился въ Муррѣ (котораго, конечно, всякій сынъ Альбіона считаетъ

долгомъ имѣть всегда при себѣ) и остался видимо недоволенъ результатомъ справки.

— Что за нерадѣніе? замѣтилъ онъ съ упрекомъ проводнику: — тутъ ихъ показано 80, а у васъ ихъ цѣлыхъ 114.

Проводникъ опять усмѣхнулся.

— Муррей — человѣкъ весьма почтенный, но все-таки не пророкъ, чтобы знать напередъ, какой глубины гротъ выроется нами въ слѣдующемъ году.

— Такъ зачѣмъ же вы вырываете новые гроты?

— Да вѣдь глетчеръ, сударь, не то, что земля: трескается и подтачивается водою.

— Понятно; и скользитъ вѣдь постоянно внизъ? на сколько это? Кажется, на три фута въ сутки...

— Ужъ это намъ неизвѣстно.

Но довольный тѣмъ, что выказалъ свои знанія по физической географіи, англичанинъ наградилъ фюрера франкомъ.

Пушка, по обыкновенію, въ совершенствѣ исполнила свое шумное дѣло. Затѣмъ началось самое восхожденіе на глетчеръ.

Въ числѣ прочихъ поднималась одна англичанка; она носила огромные, синіе очки, для защиты отъ сверкающаго снѣга; теперь она подобрала платье въ видѣ шароваръ и подпоясалась платкомъ. Наденька, не раздумывая долго, послѣдовала ея примѣру, причемъ

обнаружила ножку и голень самыхъ изящныхъ формъ. Молодой англичанинъ такъ и впился въ нихъ своими бычачьими глазами и сдѣлался съ этой минуты, если возможно, еще любезнѣе.

Узкая тропинка, по которой подвигался небольшой караванъ, обогнувъ подошву ледника, проскользнула въ сѣнь сосноваго лѣска и взяла круто въ гору, по правому склону Меттенберга. Слѣва возвышалась неприступная гранитная стѣна, справа зіяла глубокая пропасть, на днѣ которой громоздились одна надъ другою исполинскія ледяныя глыбы.

— Тише, господа, тише, предостерегалъ фюреръ, — и внизъ не заглядывайтесь.

— Отчего не заглядываться?

— Голова закружится, и тогда аминь. Еще лѣтось покончила тутъ одна француженка.

— Какъ такъ? разскажите.

— Поднималась верхомъ. До этого мѣста доѣхала счастливо; но тутъ — Богъ ее знаетъ! голова ли у нея закружилась, или такъ со страху — только возьми и дерни за поводъ; лошадь-то съ дуру и тяпъ въ пропасть. Вскрикнула дама, взревѣло животное, взвилась пыль столбомъ — и поминай, какъ звали! А добрый конь былъ, франковъ въ 800. Индо за живое схватило.

Наденька слушала съ притаеннымъ дыханіемъ.

— И хороша была она? спросилъ Ластовъ.

— Я вамъ говорю: въ 800 франковъ...

— Да не лошадь! — француженка.

— Да, красивая, и совсѣмъ молодая, вотъ какъ барышня...

Невольныя мурашки пробѣжали по Наденькѣ.

— Ахъ, Левъ Ильичъ, охота вамъ слушать такія страсти.

— И такая веселая, продолжалъ фюреръ: — шутила все своимъ муженькомъ — я не сказалъ еще, что она была съ мужемъ — сидѣла такъ ловко избоченясь... А потомъ, какъ стали доставать съ глетчера, такъ и человѣка-то въ ней распознать нельзя было: ни головы, ни рукъ, ни ногъ — словно котлета или бифштексъ какой, одинъ комъ сбитаго мяса.

— Ахъ, Боже! воскликнула Наденька. — Замолчите, пожалуйста.

Легкой серной побѣжала она по тропинкѣ, шириною не болѣе аршина и неогороженной къ пропасти никакими перилами. Она, казалось, уже забыла, что ее можетъ постигнуть одна участь съ несчастной француженкой, что каждый невѣрный шагъ ея связанъ съ опасностью жизни. Какая-то лихорадочная веселость овладѣла всѣмъ ея существомъ.

И паладина ея подмывало. Онъ нѣсколько разъ собирался о чемъ-то заговорить съ нею и не рѣшался.

— Надежда Николавна, началъ онъ было разъ.

— Что-съ?

Онъ не отвѣчалъ.

— Что же вы?

— Я ничего... я такъ...

— Ха, ха! зачѣмъ же вы меня звали?

Нѣсколько минутъ спустя, онъ опять назвалъ ее по имени.

Она весело обернулась.

— Вы это опять „ничего, такъ“?

— Не правда ли, Надежда Николавна, только въ холостой жизни есть поэзія?

— Очень можетъ быть. А что?

— Да дѣвицы еще до длинныхъ платьевъ начинаютъ мечтать о замужствѣ, а такъ-какъ вы уже въ длинномъ платьѣ...

— То вы опасаетесь, что я въ каждомъ неженатомъ мужчинѣ вижу жениха?

— Да, почти-что такъ. Я хочу доказать вамъ, что мы съ вами можемъ почитать себя счастливыми, что не вкусили еще семейной прозы.

Наденька принужденно расхохоталась.

— Sir! подозвала она къ себѣ молодого англичанина. Тотъ обернулся. — Знаете, что̀ говоритъ мнѣ этотъ баринъ?

— Ну-съ?

— Онъ проситъ извиненія, что не сватается за мной.

Едва произнесла она эти слова, какъ уже раскаялась въ нихъ; Ластовъ видѣлъ сзади, какъ шея и уши ея загорѣлись огненнымъ румянцемъ. Но, не желая показать своего смущенья, она развязно обратилась къ поэту:

— Замѣтили вы, какъ бездонно-глубокомысленно уставился на меня этотъ мистеръ Плумпудингъ? Глаза у него такъ безцвѣтны, точно все время подъ лобъ закатываетъ.

— Знаете, что̀ говорятъ про васъ? отнесся теперь къ англичанину Ластовъ.

— Что, что? Я понялъ только: „мистеръ Плумпудингъ"; такъ это вы меня, сударыня, изволили величать такъ?

Наденька смѣшалась пуще прежняго.

— Какой вы нехорошій, Левъ Ильичъ! Смотрите, не смѣйте говорить.

Не обращая уже вниманія на англичанина, ожидавшаго отвѣта, Ластовъ затянулъ на знакомый голосъ:

— Lebet wohl, Ihr glatten Säle,
Glatte Herren, glatte Frauen!
Auf die Berge will ich steigen,
Lachend auf Euch niederschauen.*)

---

*) Залы гладкія, прощайте,
Дамы гладкія, мужчины!
Въ горы я иду, съ улыбкой
Поглядѣть на васъ съ вершины.

Проводникъ, казалось, того только и ждалъ: звонкимъ голосомъ залился онъ тутъ же:

— Bin i nit ä lustge Schwizerbube?*)

заканчивая каждый куплетъ національнымъ гортаннымъ припѣвомъ, извѣстнымъ у туземцевъ подъ названіемъ „Jodeln“. Молодые люди пытались подражать ему, но съ весьма сомнительнымъ успѣхомъ: у нихъ выходило только какое-то дикое рычанье.

Скалистая, узкая тропинка поднималась все выше и выше. Жаръ солнца умѣрялся порывами свѣжаго горнаго вѣтра. Путники начинали уже находить удовольствіе въ утомительномъ поднятіи, входили такъ-сказать во вкусъ его. Лице и уши горятъ, грудь дышетъ порывисто и скоро, все тѣло пышетъ отраднымъ зноемъ. Чувствуешь, какъ уходишь все далѣе отъ земли, все ближе къ этой чистой, глубокой лазури, которая, чѣмъ ближе, тѣмъ чище и глубже... Запестрѣли первые рододендроны. Наденька съ жадностью принялась набирать ихъ.

— Левъ Ильичъ, помогите мнѣ... А тамъ-то, ахъ, благодать! Достаньте, пожалуйста!

Ластовъ смотритъ по указанному направленію: нѣсколько саженей надъ ихъ головами, на почти от-

---

*) Не рѣзвый ли швейцарскій пастушокъ я?

вѣсномъ скатѣ, расцвѣтаетъ цѣлый лѣсъ альпійскихъ розъ. Онъ качаетъ головой:

— Опасно; какъ разъ еще шею сломишь.

— Какой же вы послѣ этого паладинъ? Смотрите...

И въ два прыжка она уже у цвѣтовъ и срываетъ ихъ охапками.

— Наденька! успѣлъ только вскрикнуть испуганный юноша.

Въ то же мгновеніе полновѣсный камень, на который упиралась нога Наденьки, оторвался отъ скалы; каменные обломки, песокъ, альпійская палка гимназистки — съ шумомъ и трескомъ проскакали черезъ голову молодого человѣка; не успѣлъ онъ опомниться, какъ скатилась къ нему и сама дѣвушка. Онъ раскрылъ объятья, пошатнулся, но удержался на ногахъ.

— Вотъ видите! чуть не поплатились.

Наденька, еще блѣдная отъ внезапнаго испуга, принужденно расхохоталась.

— Все изъ-за васъ. Теперь, въ наказанье, дайте мнѣ свою палку; сами можете понесть букетъ.

И въ минуту смертельной опасности она не выпустила изъ рукъ собранныхъ ею цвѣтовъ.

Ластовъ принялъ букетъ; но, сообразивъ, что до возвращенія домой, розы все-таки завянутъ и на обратномъ пути безъ сомнѣнія будутъ набраны новыя,

выбралъ лучшую изъ нихъ, воткнулъ ее себѣ въ петличку, а остальныя незамѣтно швырнулъ въ пропасть. Вскорѣ однако Наденька замѣтила его недобросовѣстность.

— Гдѣ же мои цвѣты? спросила она.

— Вотъ, отвѣчалъ онъ, указывая на розанъ въ петличкѣ: — на пылающемъ сердцѣ въ сей единственный сплавились.

— Не умѣете вы хранить ввѣренное вамъ добро, сказала она серьезно и, отнявъ у него цвѣтокъ, подала его молодому альбіонцу: — На̀-те.

Тотъ никакъ не могъ понять, откуда такое великодушіе, такъ-какъ впродолженіе послѣдняго часа гимназистка не сказала съ нимъ ни слова.

Наконецъ, послѣ трехчасового поднятія, была достигнута цѣль странствія — небольшая хижинка надъ обрывомъ, отъ которой непосредственно уже спускаются на глетчеръ. Здѣсь былъ сдѣланъ привалъ; изъ хижины имъ вынесли хлѣба, молока, масла, сыру и дешеваго туземнаго вина, „Landwein“ (другого, не смотря на всѣ требованія англичанъ, не оказалось). Послѣ часового отдыха, туристы, подъ начальствомъ хозяина хижины, опытнаго горца, собрались на самый глетчеръ. Пришлось, не безъ нѣкоторой опасности, слѣзать по вертикальной, качающейся лѣстницѣ. Но всѣ слѣзли благополучно. Вотъ

они и на ледникѣ! Съ силою вонзая въ ледяную почву желѣзныя острія своихъ коренастыхъ альпійскихъ палокъ, они перескакиваютъ съ глыбы на глыбу, черезъ трещины, черезъ груды льда и каменьевъ. При очень крутыхъ спускахъ главный проводникъ взятымъ съ собою топоромъ вырубаетъ во льду ступени. Холодомъ и смертью вѣетъ отовсюду: во всѣ стороны разстилается блестящая ледяная равнина, окруженная неприступною стѣною снѣжныхъ горъ.

— Давайте въ снѣжки? предложила Наденька.

Но снѣгу не оказалось; хотя въ послѣднюю ночь и выпалъ небольшой снѣжокъ, но съ поверхности онъ уже успѣлъ растаять и покрылся ледяной корою.

— Въ снѣжки не приходится, отвѣчалъ Ластовъ, — но можно въ леденцы . . . — и, отколовъ остріемъ своей палки нѣсколько осколковъ отъ снѣжно-ледяной глыбы, онъ сгребъ ихъ въ охапку и бросилъ, смѣясь, въ Наденьку. Та сдѣлала то же, и между ними завязалась оживленная игра „въ леденцы“.

Одинъ изъ проводниковъ пригласилъ ихъ тутъ осмотрѣть одну достопримѣчательность глетчера. Подведя ихъ къ широкой разсѣлинѣ, онъ попросилъ ихъ заглянуть туда; изъ боковой трещины вырывался съ неудержимой силой синій столбъ воды, аршина два въ поперечникѣ, который, разбрасывая тысячу брызговъ и глухо бурля, устремлялся потомъ въ котло-

образное жерло. Ледяныя стѣнки жерла, выполированныя водою какъ зеркало, просвѣчивали чистѣйшею берлинскою лазурью. Фюреръ далъ имъ отвѣдать этой воды, зачерпнувъ ея во взятую съ собою деревянную чарку и присовокупивъ къ этому:

— Echtes Gletscherwasser.

Молодые люди однако не нашли никакого различія между „echtes Gletscherwasser“ и обыкновенной ключевой водою.

Молодой англичанинъ, охлажденный небреженіемъ къ нему хорошенькой россіянки, занялся между тѣмъ Мурреемъ и, найдя въ немъ замѣтку, что по ту сторону ледяного моря, съ такъ-называемаго Цезенберга, весьма недурной видъ на глетчеръ, склонилъ своихъ соотечественниковъ отправиться туда. Наши русскіе положительно отказались отъ этой прогулки, на которую (туда и обратно) потребовалось бы по меньшей мѣрѣ часа три, и, выпросивъ себѣ одного изъ проводниковъ, обратились вспять. Изъ валявшихся на ледникѣ грудъ мрамора, талька, исландскаго и полевого шпата, слюды, они выбрали себѣ на память нѣсколько кусковъ, изъ которыхъ, впрочемъ, какъ само собою разумѣется, лишь немногіе избранные достигли Интерлакена, такъ-какъ, по мѣрѣ приближенія къ Гриндельвальду, одинъ за другимъ прогуливался въ пропасть.

Весело подниматься въ гору; веселѣе еще

спускаться, по крайней мѣрѣ какъ спускались Наденька съ ея паладиномъ. Опираясь съ силою на палку (Ластовъ добылъ себѣ новую въ хижинкѣ), ногами едва касаясь земли, они совершали чудовищные прыжки, какихъ не увидишь въ иномъ циркѣ. Этотъ способъ нисхожденія, конечно, очень опасенъ, въ сравненіи съ тѣмъ, гдѣ альпійскую палку, какъ тормазъ, волочатъ сзади; но молодые люди наши не думали объ опасности, кровь въ нихъ лихорадочно волновалась, такъ и подталкивала на эксцентричности. Поэтъ смѣялся, острилъ, но веселость его была неестественна, остроты выходили черезчуръ рѣзки. Гимназистка дѣлалась, напротивъ, все молчаливѣе, сосредоточеннѣе; можетъ быть, и отъ утомленія, головка ея склонялась то на правое, то на лѣвое плечо.

— Итакъ, мы болѣе не увидимся? промолвила она, не обращая вниманія на новую остроту, сказанную только-что ея спутникомъ. — Вы вѣдь остаетесь въ Петербургѣ? приходите къ намъ...

— Но маменька ваша ни слова не говорила мнѣ.

— Ничего не значитъ; скажите только, что мы съ Лизой пригласили васъ. У насъ, знаете, собираются ваши братья-студенты, бываютъ литературные вечера...

— Надежда Николавна, я хотѣлъ попросить васъ...

— О чемъ?

— Дайте мнѣ вашу фотографическую карточку?

— У меня теперь нѣтъ ихъ: да и на что вамъ? мы такъ недавно, такъ мало знаемъ другъ друга...

— Мало? Я, по крайней мѣрѣ, узналъ васъ очень достаточно, и потому-то и желалъ бы имѣть вашу карточку.

— Но я вамъ говорю, что у меня нѣтъ...

— Есть, неправда. Прошу васъ.

— Право, нѣтъ. У maman есть одна и я могла бы утащить ее...

— Ну, вотъ!

— Хорошо, утащу. Но такъ-какъ я для васъ преступлю восьмую заповѣдь, то вы также должны сдѣлать для меня одолженіе.

— А именно?

— Напишите мнѣ что-нибудь въ альбомъ.

— Съ удовольствіемъ. Мнѣ уже мерещится конспектъ стихотворенія. Но на карточку, значитъ, я уже могу разсчитывать?

— Можете.

Ластовъ подпрыгнулъ, съ помощью альпійской палки, на сажень отъ земли и испустилъ веселое рычаніе, испугавшее даже фюрера, шедшаго за ними.

— Was haben Sie, mein Herr? спросилъ онъ, очнувшись.

— Ich jodle.

XXI.

Какъ сватаются ныньче.

По уходѣ экскурсіантовъ, на балконѣ гриндельвальдской гостиницы остались лишь наши шахматисты. Но о шахматахъ ни одинъ изъ нихъ не думалъ; тѣ такъ и остались въ экипажѣ. Змѣинъ, налегшись на перила, глядѣлъ разсѣянно въ солнечный ландшафтъ; его, казалось, занимало одинокое облако, парившее около вершины Мёнха, суроваго отшельника горъ, почти никогда неснимающаго съ головы своей сѣрой капуцы. Лиза также безмолвствовала, но черты ея не показывали обычнаго спокойствія; взоръ ея поднимался нѣсколько разъ на собесѣдника, нижняя губа страдала отъ зубовъ, которые ее немилосердно теребили. Но вотъ она оправилась, сжала съ рѣшимостью губы, прищурила глаза и сдѣлалась еще блѣднѣе обыкновеннаго.

— Александръ Александровичъ, произнесла она сдержаннымъ голосомъ, въ которомъ однако тщетно старалась подавить признаки внутренняго волненія, — я хотѣла бы серьезно поговорить съ вами.

Змѣинъ съ любопытствомъ взглянулъ на нее.

— Да? развѣ мы и такъ не говоримъ всегда о предметахъ серьезныхъ?

— Только не о такихъ. Скажите напередъ: вы навѣрное уѣзжаете завтра?

— Думаю.

— Такъ можно, значитъ, говорить безъ обиняковъ; все-таки не увидимся болѣе.

Вниманіе Змѣина удвоилось.

— Я слушаю.

— Отецъ мой, Александръ Александровичъ, даетъ за мной, въ случаѣ моего замужства, 15 тысячъ; это, если хотите, и немного; но, считая по пяти процентовъ въ годъ, это дастъ все-таки 750 рублей — сумму, вполнѣ достаточную для одного человѣка. Я не идеалъ женщины, еще менѣе вашъ идеалъ; но идеалы существуютъ въ одномъ воображеніи; мы, смертные, всѣ съ недостатками и слабостями. Между тѣмъ, я не могла не замѣтить, что вы отдаете мнѣ предпочтеніе предъ всѣми здѣшними дамами, что вы ищете даже моего общества — явный признакъ, что я вамъ нѣсколько нравлюсь; а такъ-какъ и вы мнѣ не то чтобы не нравились, то... какого вы мнѣнія на счетъ законнаго брака? Я заговорила сначала о приданомъ, чтобъ показать вамъ, что тутъ нѣтъ корыстныхъ видовъ, что я могу просуществовать и безъ васъ.

Стараясь говорить какъ можно спокойнѣе, практичнѣе, экс-студентка все-таки вздохнула изъ глубины

души, когда облегчила себя признаніемъ; на блѣдныхъ щекахъ ея появились два розовыя пятна.

Змѣинъ уставился въ полъ, насупилъ брови и промычалъ:

— Гм...

Дѣвушка не вытерпѣла.

— Итакъ?

Онъ съ усмѣшкою поднялъ голову.

— А что же ваша рѣшимость никогда не выходить замужъ? что професура?

Лиза нетерпѣливо топнула ногой.

— Я полагаюсь на вашу деликатность, а вы рады поточить зубокъ. Изъ моего предложенія вы можете, кажется, ясно видѣть, что ваши лекціи не пропали даромъ.

Лице Змѣина сдѣлалось серьезнымъ.

— Откровенность за откровенность, Лизавета Николавна; вы мнѣ дѣйствительно нравитесь: вы прямодушны, безъ всякой фальши, вы начитаны, вы играете изрядно въ шахматы; но для жены, для матери, для хозяйки требуется нѣчто болѣе...

— Но вѣдь я еще молода! перебила Лиза: — мнѣ всего 18, въ будущемъ маѣ минетъ 19. Подъ вашимъ руководствомъ я могу исправиться, я переломлю себя...

Змѣинъ усмѣхнулся.

— Подъ моимъ руководствомъ? Мнѣ васъ учить бульонъ варить, дѣтей качать? На одно — требуется навыкъ, на другое — чувство... Чувство, конечно, я могъ бы еще вдохнуть въ васъ...

— И уже вдохнули!

— Богъ-вѣсть! Можетъ быть, это только такъ, фантазія, минутная вспышка. Я молодъ, не дуренъ собой, неглупъ — нетрудно было произвесть на васъ нѣкоторое впечатлѣніе. Но я-то, я за что привязался къ вамъ? вѣдь есть же на свѣтѣ и другія женщины начитанныя и играющія въ шахматы, но и съ чувствомъ, съ знаніями въ хозяйствѣ?

Лиза даже не обидѣлась отъ этихъ рѣзкихъ словъ.

— Я также молода, недурна собой и неглупа — вы полюбили меня за то же, за что я васъ. Ангеловъ, какъ сказано, нѣтъ на свѣтѣ, и если вы не хотите, то какъ знаете; никто васъ не принуждаетъ.

Змѣинъ схватился за голову.

— Еслибъ вы знали, какой у меня здѣсь сумбуръ! Я вижу всѣ ваши недостатки, а между тѣмъ такъ привязался къ вамъ, что трудно отказаться. Вѣдь и я думалъ сдѣлать вамъ предложеніе... боялся отказа, боялся будущности... а теперь что-то страшно. Дайте обдумать...

— Обдумайте. Я уйду...

— Нѣтъ, оставайтесь. Лучше я самъ пройдусь

на вольномъ воздухѣ; можетъ быть, прояснятся мысли. Какъ только рѣшусь на что — тутъ же вернусь къ вамъ.

— Ступайте.

Съ часъ уже дожидается Лиза возвращенія Змѣина. Она вошла съ балкона въ домъ, прохаживается и впередъ по обширной столовой гостиницы, то присядетъ, то опять примется ходить. Приближаясь къ стеклянной двери на балконъ, она всякій разъ окидываетъ быстрымъ взглядомъ долину. Снова подходитъ она къ двери — въ глазахъ ея блеснуло беспокойство: по дорожкѣ, между изгородями, приближался Змѣинъ. Она осмотрѣлась въ комнатѣ и присѣла на диванъ; потомъ, одумавшись, вскочила и, какъ-бы желая отдалить роковую минуту, поспѣшила на балконъ и захлопнула за собою дверь. Не успѣла она принять непринужденную позу на своемъ стулѣ, какъ зазвенѣла дверь и грянулъ къ ней Змѣинъ.

Тяжело дыша, опустился онъ на стулъ противъ дѣвушки.

— Я рѣшился.

Молча ожидала она, въ чемъ заключается это рѣшеніе.

— Видите ли... Уфъ, умаялся... Послѣ основательнаго обсужденія pro и contra, я нашелъ, что подъ извѣстнымъ условіемъ на васъ можно жениться.

Вы хотя и вовсе непрактичны, нѣсколько взбалмошны и слишкомъ заняты своей ученостью, но все-таки феноменъ между нынѣшними дѣвицами...

— То есть на безрыбьи и ракъ рыба? Неутѣшительно! А я всегда считала себя настоящей рыбой.

— Вы рыба, правда, но только въ отношеніи чувства. А чтобы быть нѣжной женою, добросовѣстной матерью, необходимо неподдѣльное, теплое чувство.

— Да вѣдь я же полюбила васъ? значитъ — есть чувство...

— Да какое! можетъ быть, мимоходное, такъ себѣ, „жажда любви", какъ выражается Ластовъ. Чтобы увѣриться въ подлинности, неэѳемерности вашей любви, надо назначить срокъ. Если, по истеченіи, напримѣръ, года, вы еще будете ощущать то же самое желаніе сочетаться со мною, то тогда... Сегодня которое число? 5-е?

— Цѣлый день 5-е, сострила, для ободренія себя, Лиза.

— Завтра, значитъ, 6-е. Положимъ же не видѣться до 6-го іюля будущаго года.

— Согласна. И мнѣ необходимъ годичный срокъ, чтобы увѣриться въ васъ. Но до тѣхъ поръ, мы, разумѣется, никого не посвящаемъ въ нашу сдѣлку?

— Къ чему? Можетъ быть, и разойдемся.

— А какъ быть намъ сегодня, Александръ Александровичъ? Мы же обручены, такъ-сказать...

— Пока другіе не воротились съ глетчера, мы можемъ обходиться другъ съ другомъ, какъ женихъ и невѣста.

— Да какъ же обходятся женихъ и невѣста? Я всегда отворачивалась отъ обрученныхъ — тошно видѣть: цѣлуются, жмутъ другъ другу руки...

— Значитъ, и намъ надо цѣловаться, жать руки.

Лиза покраснѣла; на лицѣ ея обнаружилась внутренняя борьба, борьба дѣвственной стыдливости и молодечества.

— На̀-те, сказала она, протягивая къ нему обѣ руки, — жмите.

Онъ крѣпко сжалъ ихъ въ своихъ.

— Но это еще не все — надо цѣловаться.

— Да я жду, что вы начнете...

— Невѣста, какъ женщина, должна выказывать всегда болѣе чувства, и потому цѣловать первая должны вы.

— Такъ и быть! Смотрите же, какъ васъ любятъ...

Бросившись къ нему, она обвила его шею руками, присѣла къ нему на колѣни и съ жаромъ поцѣловала его нѣсколько разъ.

— Фу, какой бородатый! Вы непремѣнно сбрейте усы.

И новые поцѣлуи. Змѣинъ едва могъ придти въ себя.

— Полноте, Лизавета Николавна, довольно... вы точно у самого Амура уроки брали.

— Ага, то-то же! А говорите еще, что я безчувственна. Однако, что-жъ это мы на вы; обрученные, кажется, всегда на ты? Значитъ, ты, Сашенька, Сашурочка, ты?

Она опять звонко поцѣловала его.

— Ты-то ты; но знаешь, милая, ты отдавила мнѣ колѣни, привстань пожалуйста. Вотъ и кучеръ нашъ изъ-подъ воротъ смотритъ сюда — нехорошо.

— Чѣмъ же нехорошо? Пусть смотритъ, пусть цѣлый міръ смотритъ во всѣ свои мильоны глазъ — что мнѣ до нихъ? Общественное мнѣніе — самъ знаешь — вздоръ. Хочу любить — и люблю! Пусть смотрятъ и учатся.

— Но живыя картины подобнаго рода не нуждаются въ постороннихъ зрителяхъ... развѣ тебѣ не неловко?

— Напротивъ, очень ловко: колѣни у тебя премягкія.

Змѣинъ нахмурился.

— Но мнѣ тяжело держать тебя: ты изъ полновѣсныхъ.

— Если тебѣ точно тяжело, то можно и привстать.

— Но что съ тобой, мой другъ? прибавила она, замѣтивъ, что онъ угрюмо поникъ головой. — Ты никакъ дуешься? Развѣять тебѣ думы съ чела поцѣлуемъ, какъ ты самъ выразилъ разъ?

— Нѣтъ, не нужно... Я придумываю, чего тебѣ недостаетъ; чего-то важнаго...

— Ты говорилъ: чувства. Но я, кажется, доказала тебѣ, что не совсѣмъ безчувственна.

— Нѣтъ, не чувства, чего-то другого...

Змѣинъ опять призадумался.

XXII.

Откровенія и разладъ.

Послѣ сытнаго обѣда, за которымъ въ честь обрученія была опорожнена бутылка іоганисбергера, облако на лицѣ жениха разсѣялось. Рука объ руку вышли они съ невѣстою на улицу и побрели между цвѣтущихъ палисадниковъ, съ пригорка на пригорокъ. Солнце садилось; воздухъ, наполненный запахомъ свѣже-скошенной травы, дѣлался сноснѣе, прохладнѣе.

— Не знаю, какъ тебѣ, другъ Саша, говорила молодая дѣвушка, съ любовью прижимаясь къ нарѣченному; — мнѣ такъ представляется, что цѣлый міръ нарядился нарочно для насъ въ свое лучшее

праздничное платье: и деревья-то, и шиповникъ, и изгородь. Солнце свѣтитъ какъ-то особенно мягко, ласково, птицы наперерывъ щебечутъ. Точно все ликуетъ, что сошлись двѣ порядочныя личности, чтобы не разставаться на вѣки. Я и вообразить себѣ не могу, какъ быть безъ тебя, какъ я столько долгихъ лѣтъ прожила безъ тебя. Нѣтъ, я до сихъ поръ не жила — я прозябала.

Женихъ слушалъ ее съ видимымъ удовольствіемъ.

— Дѣйствительно у тебя, кажется, начинаетъ обнаруживаться чувство. Я вѣдь говорилъ тебѣ, что высшее для женщины въ жизни — любовь.

— Любовь? Вы, кажется, воображаете, сударь, что мы влюблены въ васъ? Какое высокомѣріе! Мы только жалѣемъ васъ, видимъ: человѣкъ изнываетъ, убивается по насъ, ну, нельзя же не подать руки. Гуманность . . .

— Вотъ какъ! и по той же гуманности вы сами не можете жить безъ насъ? Гуманность самая утонченная.

Лиза схватила его руку и прижала ее къ губамъ.

— Милый ты мой, милый! Ни на кого тебя не промѣняю.

Онъ отнялъ руку и поцѣловалъ дѣвушку въ лобъ.

— Ты забываешь, Лиза, что ты уже не мужчина: женщины никогда не цѣлуютъ рукъ у нашего брата.

— А я цѣлую, мнѣ такъ нравится. Кто мнѣ запретитъ?

— Да, можетъ быть, такъ понравится, что потомъ трудно будетъ отстать; а завтра же придется отказаться отъ этого удовольствія.

— Такъ ты не раздумалъ? безсердечный!

— Раздумывать-то раздумывалъ, да не раздумалъ. Теперь мнѣ и самому жаль своего перваго рѣшенія. Цѣлый годъ вѣдь ждать!

— Такъ что же тебя удерживаетъ?

— Да я знаю, что когда принялъ то рѣшеніе, то разсуждалъ холоднѣе, значитъ, и раціональнѣе; хмѣль любви дѣлаетъ меня теперь пристрастнымъ.

— Будь по твоему, разсудокъ мой; вѣдь ты разсудокъ, я — чувство? Только мы вмѣстѣ составляемъ цѣлаго человѣка? Видишь, какъ я хорошо запомнила твое ученье.

Пускай же! покинь меня завтра!
За-то я сегодня твоя,
За-то въ твоихъ милыхъ объятьяхъ
Сегодня блаженствую я!

Откуда, бишь, эти стихи? Какъ видишь, и я дѣлаюсь поэтичной. Ну, поцѣлуй же меня за-то. Какой ты большой! наклонись — мнѣ недостать.

— Еслибъ ты зналъ, Сашенька, начала она опять послѣ основательнаго поцѣлуя, — какъ мнѣ было

совѣстно признаться тебѣ! Вдругъ измѣнить такъ свои убѣжденія. Я сама не знала, что̀ со мной: такъ и хотѣлось обнять тебя. А ты такой медвѣдь — и ухомъ не ведешь, точно и не нравлюсь вовсе! Ждала-ждала, не признàется ли — нѣтъ! пришлось самой начинать; а видитъ Богъ, какъ было тяжело. Я даже забыла планъ, который составила было на этотъ случай: какъ станешь ты изъясняться, думала я, я приведу въ отвѣтъ, что мы еще слишкомъ мало знаемъ другъ друга, что каждый изъ насъ долженъ чистосердечно покаяться въ своихъ слабостяхъ, недостаткахъ и прегрѣшеніяхъ . . .

— А дѣльная мысль, подхватилъ Змѣинъ. — Дѣйствительно, небезполезно знать слабыя стороны своей законной половины до свадьбы, чтобы не было потомъ раскаянья. Теперь еще время; будемъ же признаваться, кто въ чемъ повиненъ.

— Будемъ. Но у меня столько несовершенствъ, что я, право, не знаю, съ чего начать.

— Помочь тебѣ?

— Ну?

— Ты, какъ я замѣтилъ, любишь пѣть: какъ углубишься въ шахматную партію, сейчасъ запѣваешь, да и тянешь, впродолженіе всей игры, одно и то же.

— Да, а что?

— Да у тебя, милая моя, голоса нѣтъ!

— Какъ нѣтъ, не слышишь? еще какой! basso profundo!

— Только не музыкальный.

— Ну, это можетъ быть. Чего у меня нѣтъ, признаться, такъ это слуха...

— Это еще хуже. Слушать пѣніе человѣка, неимѣющаго ни слуха, ни голоса — извини меня, величайшее мученіе. Какъ только ты, бывало, запоешь — такъ сердце у меня и заноетъ. Оттого-то я вѣроятно столько партій и проигрывалъ тебѣ.

— Ну да, хорошъ гусь! Нѣтъ, я играю не хуже тебя, оттого.

— Положимъ; не хочу спорить. Но что у тебя нѣтъ ни голоса, ни слуха — также вопросъ рѣшеный; потому первымъ условіемъ нашего будущаго союза пусть будетъ отказъ твой отъ пѣнія.

— А если я не соглашусь на это условіе? Что за деспотизмъ! Хочешь пѣть — а тебѣ запрещаютъ; а вѣдь чего нельзя, того-то именно и хочется. Запретный плодъ всего слаще.

— Такъ ты не соглашаешься на этотъ пунктъ?

— Еслибъ не согласилась?

— Тогда... тогда я все-же взялъ бы тебя! Богъ съ тобой, пой на здоровье, такъ-какъ ты ужъ такая записная пѣвица; но не взыскивай также, если

я при первыхъ звукахъ твоей пѣсни буду обращаться въ поспѣшное бѣгство.

— Такъ и быть, сказала Лиза: — хотя я и смерть люблю пѣть, но такъ-какъ оно тебѣ непріятно, то обѣщаюсь никогда не пѣть въ твоемъ присутствіи.

— И за то спасибо. Этотъ пунктъ улаженъ. Теперь очередь за мной. Есть у меня недостатокъ, равносильный съ твоимъ: я лѣвша.

— Будто? Я до сихъ поръ не замѣтила.

— Потому не замѣтила, что я въ большей части случаевъ уже превозмогъ себя. Но сколькихъ усилій стоило мнѣ это! Шутка сказать: рѣзать правой рукой, ѣсть супъ правой! Что ты смѣешься? Попробуйка, если она у тебя отъ природы слабѣе! За что ни возьмешься, вездѣ суется лѣвая. Взялъ ножъ въ правую — глядишь, а ужъ онъ въ лѣвой. Сколько партій на биліардѣ продулъ я, пока не научился держать кій въ правой; сколько разъ засдавался въ карты, пока не навострился сдавать какъ слѣдуетъ... Да ну, на каждомъ почти шагу приходилось мнѣ бороться противъ своей природы, и вотъ добился того, что никто не подозрѣваетъ во мнѣ лѣвши. Только бить не могу правой: лѣвая все-же сильнѣе.

— Боюсь, что тебѣ не придется упражнять ее на мнѣ, улыбнулась Лиза. — Ну, да это еще ничего,

вотъ у меня есть недостатокъ... Ты вѣдь знаешь, что я пью здѣсь сыворотки?

— Знаю.

— Но знаешь ли, противъ чего?

Не хуже медика начала она разсказывать ему о своей болѣзни. Его передернуло: онъ, казалось, не ожидалъ отъ нея такой наивной беззастѣнчивости.

— Вотъ доктора̀ и посовѣтовали мнѣ поскорѣе выдти замужъ...

Змѣинъ не вытерпѣлъ и грубо оттолкнулъ отъ себя ея руку, упиравшуюся на него.

— Какія рѣчи!... Вотъ плоды вашей прославленной эмансипаціи! Догадался я, чего тебѣ недостаетъ: женственности, женственности нѣтъ въ тебѣ! Дуракъ я, болванисимусъ!

Лиза также взволновалась.

— Позвольте узнать, Александръ Александровичъ, за что вы назвали себя дуракомъ? Не за то ли, что приняли мою руку?

— За то, душа моя, за то!

Лице Лизы страшно поблѣднѣло.

— Не хочу я жертвъ, возьмите назадъ ваше слово. Благо, высказались еще во-время. Вы не хотите меня — ну, и мнѣ васъ не нужно; какъ-нибудь доживемъ и безъ васъ. Но, разумѣется, о томъ, что было между нами, никто не узнаетъ?

Змѣинъ, растроганный, подалъ ей руку.

— Отъ меня, по крайней мѣрѣ, нѣтъ, если не проболтается нашъ кучеръ, видѣвшій одну живую картину. Пожалуйста, не осуждайте меня, Лизавета Николавна! Еслибъ вы знали, какъ тяжело мнѣ отказаться отъ васъ; но такъ, видно, лучше. Я теперь почти увѣренъ, что изъ насъ не вышло бы хорошихъ супруговъ. Вы не сердитесь?

— Прошу покорно! захохотала сардоническимъ смѣхомъ Лиза; — разрушаетъ всю твою будущность — и не сердись! Сердиться-то я хоть имѣю право!

— Разумѣется, можете, отвѣчалъ печально Змѣинъ, — по послѣ всѣхъ интимностей между нами, я чувствую себя какъ-бы въ долгу у васъ; вы расточали мнѣ свои ласки . . .

— Ха, ха, не хотите ли вы мнѣ заплатить за нихъ? Интересно бы знать, во сколько вы оцѣните ихъ? Нѣтъ, Александръ Александровичъ, на этотъ счетъ ваша совѣсть можетъ быть совершенно спокойна: вы цѣловали, миловали меня, я васъ — мы квиты. Да не послужатъ вамъ мои ласки во зло, я расточила ихъ вамъ отъ чистаго, безкорыстнаго сердца . . .

Лиза замолкла и отвернулась; Змѣинъ замѣтилъ, какъ по щекамъ ея скатились двѣ крупныя слезы.

— Не вернуться ли намъ? прошептала она, утирая тайкомъ глаза. — У меня болятъ зубы, слышите?

И, снявъ косынку, она обвязала себѣ ею щеку. Такъ кончилась желанная поѣздка въ Гриндельвальдъ...

XXIII.

Какъ прощались сестры Липецкія.

Настало послѣднее утро. Въ „садовой комнатѣ", про которую мы уже упомянули въ началѣ нашего разсказа, сидѣла на подоконникѣ Наденька, перелистывая Трехъ Мушкетеровъ, которыхъ взяла съ полки, украшающей одну стѣну комнаты. Но ни картинки, коментирующія романтическія похожденія дюмасовскихъ героевъ, ни самый текстъ, повидимому, не могли достаточно приковать вниманіе молодой гимназистки: поминутно прикладывалась она лбомъ къ стеклу, чтобы окинуть бѣглымъ взоромъ дорожку, ведущую отъ главнаго зданія. Вдругъ легкій трепетъ пробѣжалъ по членамъ дѣвушки; она отдѣлилась отъ окна и низко наклонилась надъ фоліантомъ. По дорожкѣ послышались шаги и въ комнату вошли наши два друга.

— Здравствуйте, Надежда Николавна.

— А, Левъ Ильичъ, здравствуйте. Я васъ и не замѣтила. Упаковали свои пожитки?

— Все шито и крыто. Пришли проститься.

— А стихи написали?

— Какъ же. А карточка?

— Припасена. Когда же вы успѣли написать ихъ?

— Ночью. Во второмъ часу окончилъ.

— Бѣдный! И не выспались хорошенько. Я спала отлично. Дайте-ка ихъ сюда.

Ластовъ вынулъ листъ почтовой бумаги, вчетверо сложенный.

— Но вы не должны никому показывать, замѣтилъ онъ.

— Отчего? Я, напротивъ, буду хвастаться передъ всѣми: навѣрное прехорошенькіе.

— Нѣтъ, я написалъ ихъ исключительно для васъ, и не хочу, чтобы кто-нибудь другой читалъ ихъ.

— Да нашимъ-то, maman и Лизѣ, можно показать?

— Имъ всего менѣе.

Въ это самое время откуда ни возьмись maman Наденьки. Ея появленіе удивило всѣхъ тѣмъ болѣе, что въ другіе дни она никогда не вставала ранѣе полудня. Но уже наканунѣ распушила она своихъ строптивыхъ чадъ за самовольную отлучку въ Гриндельвальдъ; теперь вѣроятно возникли въ ней небезосновательныя опасенія, что внезапный отъѣздъ двухъ

друзей можетъ дать поводъ къ еще болѣе эксцентрическимъ выходкамъ со стороны эмансипированныхъ барышень.

— Ахъ, maman, обратилась къ входящей Наденька, — вотъ Левъ Ильичъ написалъ мнѣ стихотвореніе, но не даетъ мнѣ его иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы я никому не показывала. Вѣдь нельзя же мнѣ брать?

— Certainement нельзя, съ достоинствомъ отвѣчала аристократка: — дѣвицы, m-r Ластовъ, никогда не должны имѣть секретовъ отъ матерей; примите это къ свѣденію.

— Вотъ видите, Левъ Ильичъ, отдайте-жъ стихи maman; она уже передастъ мнѣ.

Ластову стало крайне неловко: онъ никакъ не подозрѣвалъ въ Наденькѣ такой дѣтской наивности, какую она выказала въ этомъ случаѣ.

— Я не люблю хвалиться своими произведеніями и показываю ихъ только тѣмъ, для кого они предназначены, объяснилъ онъ.

— А въ такомъ случаѣ вовсе не нужно. Allons prendre du café, ma chère.

— A l'instant, отвѣчала дочь и, когда мать вышла, обратилась къ поэту: — что же, Левъ Ильичъ?

— А Лиза гдѣ, то есть Лизавета Николавна? спросилъ тутъ Змѣинъ, стоявшій до этого безучастно у ближняго окна.

— Лиза? Она, по обыкновенію, встала въ 6 часовъ и теперь, послѣ сыворотокъ, прохаживается для моціона. Кстати: не знаете ли вы, Александръ Александровичъ, какъ натуралистъ, какого-нибудь средства отъ зубной боли?

Змѣинъ усмѣхнулся.

— А зубы у сестрицы вашей все еще не прошли со вчерашняго?

— Какое! Просыпаюсь, знаете, ночью и слышу — рыдаютъ. Неужто, думаю, Лиза! Вслушиваюсь — такъ, она. „Что, говорю, съ тобой?“ — „Зубы!“ шепчетъ она, и опять въ слезы. Я просто удивилась: не запомню, когда она прежде плакала. Должно быть, невыносимо было.

— Средство-то у меня есть, сказалъ съ странною улыбкою Змѣинъ, — да не знаю, поможетъ ли.

— Какое-жъ это?

— Симпатическое: я заговариваю зубы.

— Какъ? вы, натуралистъ, вѣрите въ заговариванье?

— Всяко бываетъ. У меня такія завѣтныя слова...

— Такъ что же вы не испробуете ихъ силы надъ Лизой, если такъ увѣрены въ нихъ?

— Заговариванье, видите ли, своего рода магнитизированіе, а магнитизеръ теряетъ всегда нѣкоторую часть своихъ силъ, когда магнитизируетъ...

— И вамъ жаль частицы вашихъ геркулесовыхъ силъ, хотя можете принесть этимъ облегченіе ближнему? Стыдитесь!

— Надо будетъ попытаться, рѣшился Змѣинъ и отправился отыскивать страждущую.

Засталъ онъ ее у кургауза, прохаживающеюся, съ обвязанною по вчерашнему щекою, взадъ и впередъ подъ густолиственнымъ шатромъ алейныхъ деревъ; глаза ея были замѣтно красны, на лицѣ высказывалось глубочайшее уныніе.

— Здравствуйте, началъ Змѣинъ; — я хотѣлъ до отъѣзда сказать вамъ еще пару словъ.

Лиза холодно взглянула на него и отвернулась въ сторону:

— Вы спросите напередъ, хочу ли я слушать васъ?

— Вы должны выслушать меня...

— Къ чему? Мы уже чужды другъ другу.

— Не говорите этого; все еще можетъ устроиться къ лучшему. Я обдумалъ нашъ вчерашній разговоръ и нашелъ, что выходки ваши хотя и были неженственны, но могли быть слѣдствіемъ крайней экзальтаціи, желанія порисоваться, во что бы то ни стало показать себя женщиной современной; сверхъ того, вы занимаетесь естественными науками, а слѣдовательно и на жизнь, на отношенія двухъ половъ смотрите

совершенно просто, съ точки зрѣнія дикарей и — натуралистовъ. Такъ я пришелъ къ заключенію, что вы еще можете исправиться . . .

— Не исправлюсь, никогда и никогда! перебила съ сердцемъ Лиза. — Я безчувственная, безжизненная статуя, чего-жъ вамъ отъ меня?

— Что вы не безчувственны, видно уже изъ того обстоятельства, что вы такъ горько плакали обо мнѣ.

— Ну да!

Она хотѣла удалиться и сдѣлала нѣсколько шаговъ. Онъ догналъ ее.

— Что за ребячество! Я же сознаюсь, что поступилъ опрометчиво, отказавшись отъ васъ наотрѣзъ; опредѣлимъ опять годичный срокъ . . .

— И для этого вы отыскали меня?

— Да.

— Могли бы и не дѣлать себѣ труда! Вы въ самомъ дѣлѣ вообразили, что я влюбилась въ васъ, что я повѣрила вашимъ софизмамъ о назначеніи женщины къ семейной жизни? Ха, ха! какой же вы простакъ! Я потѣшалась надъ вами, я хотѣла только знать, могу ли я влюбить въ себя такого медвѣдя, какъ вы; ну, и убѣдилась; довольно съ меня. Ха, ха, ха! а вы и обрадовались? думали: вотъ заставилъ страдать женщину? Неопытны вы еще, мальчикъ вы, вотъ что. Имѣю честь кланяться.

Змѣинъ не зналъ, что̀ и подумать.

— Нѣтъ, не можетъ быть, Лиза, вы представляетесь, вы хотите только отмстить.

— А вы думаете, въ насъ нѣтъ гордости?

— Не гордость это — упрямство.

— Гордость или упрямство — не въ томъ дѣло; вѣдь мы, люди, ни въ чемъ не виноваты, виноваты во всемъ обстоятельства! вы же сами говорили. Значитъ, и мое упрямство отъ меня не зависитъ? Но довольно воду въ ступѣ толочь. Кланяйтесь и благодарите.

Змѣинъ уже не удерживалъ ея.

— Патъ! пробормоталъ онъ и уныло поплелся своей дорогой.

Не таково было прощаніе гимназистки съ поэтомъ.

— Та̀къ вы мнѣ, значитъ, стиховъ и не дадите? говорила она ему по выходѣ Змѣина.

— Та̀къ и не дамъ.

— Ну, и вамъ не будетъ карточки. Довольно однакожъ объ этомъ. Вы еще не прощались съ Интерлакеномъ?

— Какъ такъ не прощался? развѣ надо особеннымъ образомъ прощаться?

— А то какъ же. Научить васъ?

— Сдѣлайте милость.

— Ступайте за мной.

Она вышла въ садикъ, онъ послѣдовалъ за нею. По раннему часу утра тамъ не было еще ни души. Благоуханія сотенъ розъ носились въ тепломъ, тихомъ воздухѣ. На горизонтѣ сверкала во всей своей прелести снѣжная Юнгфрау, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обвѣянная воздушными утренними облачками.

— Первымъ дѣломъ проститесь съ дѣвой горъ, которая столько времени безвозмездно услаждала ваши взоры.

Ластовъ упалъ на оба колѣна и воздѣлъ руки къ небу.

— О, дивная дѣва, прости великодушно, что я, какъ отъ огня, бѣгу отъ тебя. Но уже вчера имѣлъ я случай тебѣ докладывать, почему считаю супружество въ мои лѣта глупостью, а останься я еще здѣсь — чего добраго, не устоялъ бы, предложилъ бы тебѣ руку и сердце.

— Ну, довольно, довольно... перебила съ замѣшательствомъ Наденька; — теперь проститесь съ интерлакенской почвой, которую бременили впродолженіе столькихъ счастливыхъ дней. Не женируйтесь, почеломкайтесь.

Ластовъ наклонился къ землѣ и приложился къ ней губами, потомъ отплюнулъ и вытеръ ротъ.

— Брр, какой сухой поцѣлуй, даже зубы скрипятъ.

Наденька разсмѣялась.

— Ну, встаньте; теперь надо вамъ проститься съ садомъ, съ розами...

Она подвела его къ первому розовому кусту и наклоняла къ нему поочередно каждый цвѣтокъ; онъ послушно цѣловалъ ихъ.

— Ахъ, какая великолѣпная! воскликнула вдругъ дѣвушка и сорвала пышный, пунцовый розанъ. — Вы оказались довольно вѣрнымъ паладиномъ; надо сдержать слово; давайте сюда шляпу.

Молодой человѣкъ подалъ ее и замѣтилъ тихимъ голосомъ:

— А вы знаете, что̀ значитъ пунцовый цвѣтъ на языкѣ цвѣтовъ?

Наденька не отвѣчала и продолжала пришпиливать розу, но на щекахъ ея началъ выступать высокій румянецъ. Окончивъ свою работу, она накрыла украшенною шляпою голову Ластова и отступила на шагъ назадъ полюбоваться ею.

— Какъ вамъ это идетъ!

— Вы находите? А вѣдь съ лучшей-то розой, Надежда Николавна, я еще не простился.

Наденька оглянулась по сторонамъ; по близости никого не было.

— Такъ проститесь съ нею, прошептала она чуть слышно, съ опущенными глазами; — что-жъ вы? я не кусаюсь...

Ластовъ, неповѣрившій въ первый моментъ своимъ ушамъ, не далъ повторить себѣ это, быстро обнялъ дѣвушку и припалъ къ ея полураскрытымъ, свѣжимъ губкамъ.

— Довольно . . . оставьте... лепетала гимназистка, вырываясь изъ его плотныхъ объятій. — Это было за всѣхъ . . .

И, высвободившись, она, какъ преслѣдуемая лань, умчалась въ отворенную дверь дома.

XXIV.

Какъ прощалась Мари.

Минуты двѣ простоялъ еще Ластовъ на одномъ мѣстѣ по исчезновеніи Наденьки; виски у него бились, лице пылало. Но онъ вспомнилъ о скоромъ отъѣздѣ, провелъ по лицу рукою, тряхнулъ кудрями и взглянулъ на часы: до отхода дилижанса оставалось не болѣе десяти минутъ. Онъ поспѣшилъ наверхъ, въ свою комнату, за вещами.

Первое, что представилось тутъ его глазамъ, была Мари, грустная, смертельно блѣдная, на стулѣ около двери. Ластовъ предвидѣлъ эту минуту, минуту разлуки съ сентиментальной швейцаркой, но все-таки, при наступленіи ея, былъ сильно озадаченъ.

— Мари... могъ только пробормотать онъ: въ нерѣшимости остановился онъ передъ дѣвушкой.

— Да, я, отвѣчала она беззвучнымъ голосомъ, уставясь съ тупою сосредоточенностью въ лице возлюбленнаго; двѣ крупныя слезы скатились изъ глазъ ея. — Да, я, повторила она и съ укоризной покачала головой. — Цѣлуйтесь, цѣлуйтесь съ ней... Кто вамъ можетъ запретить?

— Такъ ты видѣла?

— Цѣлуются среди бѣлаго дня, въ саду, куда выходятъ двадцать оконъ — и не видѣть!

Ластовъ поникъ головой, не зная, что̀ и сказать на это.

— Что вамъ въ простой дѣвушкѣ, въ горничной? продолжала Мари. — Что вамъ въ простомъ полевомъ цвѣткѣ? взяли, понюхали, да и бросили.

— Но, Мари, я, право...

— Что „право“? Не представляйтесь по крайней мѣрѣ, не лгите! Ну, похитили сердце, ну, хотите убѣжать съ нимъ... хоть бы дали взамѣнъ частицу собственнаго сердца! Что-жъ вы не смѣетесь? вѣдь смѣшно сказано: вы, баринъ, тоже воръ — воръ, до котораго однако нѣтъ дѣла полиціи. Ужасно забавно! Ха, ха, ха! ну, смѣйтесь?

— Милая Мари, я кругомъ виноватъ, тутъ и рѣчи не можетъ быть. Но послушай: если я такой

негодяй, то стòитъ ли кручиниться обо мнѣ? чтò тебѣ въ такомъ обманщикѣ? Брось меня, забудь!

— Забыть?! Это все равно, что сказать умирающему съ голоду: „Перестань, не голодай“. Забыть! Да ты вся моя страсть, вся моя жизнь — и забыть тебя?...

— Ну, если не забыть, то можешь, по крайней мѣрѣ, перестать любить.

— Или дышать? или жить? потому-что не любить тебя — для меня то же, что не дышать, не жить.

— Ты, милая, взволнована и разсуждаешь потому непослѣдовательно. Если человѣкъ — дрянь, то не за что и любить его.

— Ахъ, не говори этого! Ты всѣмъ хорошъ; только одно, что обманулъ меня... Но чѣмъ болѣе вы насъ обманываете, тѣмъ болѣе мы привязываемся къ вамъ...

И, закрывъ лице руками, она залилась горючими слезами.

„Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,“

вспомнилось невольно Ластову.

„Что же дѣлать? разсуждалъ онъ самъ съ собою: — утѣшать, увѣрять, что люблю попрежнему? да я же не люблю ее... и къ чему это поведетъ? только продлитъ страданія бѣдняжки. Нѣтъ, надо

оборвать всѣ нити разомъ! Пусть презираетъ, но не мучится изъ-за меня.“

Онъ съ рѣшимостью подошелъ къ столу, перебросилъ черезъ плечо сумку и раскрылъ ее.

— Я долженъ идти, любезная Мари. Ты была всегда такъ мила, такъ предупредительна со мной, что я, право, не знаю хорошенько, чѣмъ отблагодарить тебя. Я купилъ бы тебѣ на память какую-нибудь вещицу, но какъ ты сама лучше моего знаешь, что тебѣ именно нужно, то вотъ возьми...

Онъ подалъ ей нѣсколько червонцевъ. Расчетъ его былъ вѣренъ: дѣвушка вскрикнула, вскочила, какъ ужаленная, со стула и схватилась за ручку двери; но тутъ силы измѣнили ей: она зашаталась и прислонилась къ косяку. Въ глазахъ ея, устремленныхъ въ пространство, блеснуло отчаяніе до безумія. Сухія, воспаленныя губы смыкались и размыкались, но ни звука не проходило черезъ нихъ.

Ластовъ перепугался не на шутку. Поспѣшно припряталъ онъ деньги и во-время еще поддержалъ несчастную, не рѣшаясь однако сказать что-либо ей въ утѣшеніе, чтобы какъ-нибудь не раздражить ее еще болѣе. Вдругъ слезы, какъ долго сдержанный плотиною потокъ, брызнули изъ глазъ ея, и, повиснувъ на шеѣ молодого человѣка, она истерически зарыдала.

— Вотъ до чего я дожила! слышалось сквозь

рыданія: — человѣкъ, которому я рада жизнь отдать, думаетъ отвязаться отъ меня золотомъ! Бѣдная я, бѣдненькая!

Онъ осторожно поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Милая, успокойся! вѣдь я же люблю тебя...

— Да не лги, безсовѣстный! почти взвизгнула она и сурово оттолкнула его. — Если любятъ, развѣ цѣлуютъ въ лобъ? О, я несчастная!

Колѣни у нея подкосились и она ничкомъ грохнулась на полъ.

— Ахъ, ты Боже мой... бормоталъ растерянный юноша, наклоняясь въ испугѣ къ безутѣшной.

Немного онъ успокоился, когда увѣрился, что она при паденіи не расшиблась опасно: рыданія ея продолжались довольно равномѣрно. Мало по малу шумный ливень превратился въ благотворный мелкій дождикъ. Плачущая приподняла голову, присѣла на полу и устремила свои глубокія, томныя очи на возлюбленнаго измѣнника.

— Да любилъ ли ты меня хоть когда, злой человѣкъ? Теперь ты меня не любишь, это вѣрно; но любилъ ли хоть прежде?

— Любилъ, милая, право, любилъ...

— Но за что тебѣ было любить меня? скажи, за что? Дурочка я, глупенькая! и повѣрила ему...

— Какъ за что? Развѣ ты не была всегда ко

мнѣ такъ привѣтлива, развѣ твое хорошенькое личико можетъ не нравиться?...

— А! вотъ что! такъ тебя плѣняла не я, а моя красивая маска? Будь я немножко дурнѣе, ты бы и не взглянулъ на меня? Охъ, горе ты мое, горе! о-охъ!

— Да полно же, дитятко мое, ребёночекъ, полно, вразумлялъ ее натуралистъ, — чего же тутъ убиваться? Развѣ женщина можетъ плѣнить чѣмъ другимъ? Главное въ ней — прелесть обхожденія и тѣлесная красота. Еслибы мы влюблялись только въ умъ, то конечно не плѣнялись бы женщинами, а мужчинами.

Слова молодого человѣка не только не успокоили швейцарки, они привели ее въ полное отчаяніе: приложившись головою къ стулу и дрожа всѣмъ тѣломъ, она опять зарыдала:

— Охъ, тошно мнѣ, тошнехонько!

— Дорогая моя, ангелъ мой, перестань, мнѣ надо ѣхать, не разстаться же такъ? говорилъ Ластовъ, обнимая ее и стараясь придать своему голосу возможно бо̀льшую нѣжность.

Мари, задыхаясь отъ слезъ, твердила свое:

— Охъ, тошно мнѣ! матушки мои, какъ тошно!

Нечего, кажется, говорить, что положеніе Ластова было самое незавидное: слезы почти такъ же зарази-

тельны, какъ зѣвота, въ особенности если знаешь, что самъ ты причина ихъ. Поэту нашему сильно щемило сердце и что-то начало уже подступать къ горлу, къ глазамъ. Онъ ощутилъ неодолимое желаніе почесать у себя за ухомъ; но — обѣими руками поддерживалъ онъ плачущую и нечѣмъ было привести въ исполненіе задушевную мысль. Тутъ вспомнилось ему, что подравшихся собакъ разливаютъ холодною водою; онъ поднялъ голову: на столѣ стоялъ, по обыкновенію, полный графинъ. Тихонько вытащилъ онъ свои руки изъ-подъ мышекъ дѣвушки и хотѣлъ подойти къ столу; та схватила его за руку:

— Ахъ, не уходи, не оставляй меня!

— Да я не уйду, я только за водой.

И, почесавъ теперь за ухомъ, онъ торопливо налилъ въ стаканъ воды и воротился съ нимъ къ дѣвушкѣ. И въ этотъ разъ онъ разсчиталъ вѣрно: едва сдѣлала она два-три глотка, какъ утихла; нѣсколько погодя приподнялась съ полу, присѣла на стулъ и отерла широкимъ рукавомъ слезы; затѣмъ, глубоко вздохнувъ, выпила съ жадностью остатокъ воды и отдала стаканъ молодому человѣку.

— Ну, наплакалась, произнесла она, силясь улыбнуться. — Ты не взыскивай, милый мой, вѣдь я не Лотте... Да и за что мнѣ сердиться на тебя?

развѣ ты виноватъ, что нашлась дѣвушка лучше меня? Ты и не такой еще достоинъ.

— Добрая моя...

— Полно, не представляйся, я знаю, что я теперь тебѣ бѣльмо на глазу, что у тебя въ эту минуту только одно на умѣ: какъ бы скорѣе отвязаться отъ меня.

— О, нѣтъ, Мари, ты ошибаешься...

— Не хитри хоть предъ концомъ, развѣ я не вижу? Глаза влюбленной зорки. Но ты былъ правъ, говоря, что такъ намъ нельзя разстаться; разойдемся друзьями. Если я тебя чѣмъ обидѣла, если надоѣдала — прости великодушно, не поминай лихомъ.

— Милая, какъ же ты можешь думать... Я готовъ въ эту минуту все сдѣлать для тебя.

— Правда?

— Сущая.

— Такъ я имѣла бы къ тебѣ просьбу...

Ластовъ невольно нахмурился:

„Ахъ, чёртъ возьми, ну, попроситъ отказаться отъ Наденьки?“

— Подари мнѣ на память эту булавку.

Галстухъ поэта былъ зашпиленъ золотою, съ эмалью, булавкой. Лице его прояснилось, и съ необыкновенной готовностью отцѣпилъ онъ булавку, такъ-что повредилъ даже галстухъ.

— Нà, любезная Мари.

Въ это время за окнами послышался стукъ колесъ. Ластовъ встрепенулся:

— Дилижансъ! пора. Прощай, моя дорогая...

Она бросилась къ нему на шею и стала осыпать его жгучими поцѣлуями. Потомъ тихо оттолкнула отъ себя.

— Ступай, тебя дожидаются. Да хранитъ тебя Господь.

Она упала въ безсиліи на стулъ.

Ластовъ схватилъ въ одну руку чемоданъ, въ другую — альпійскую палку, трость и плэдъ, и, наскоро поцѣловавъ еще разъ дѣвушку, выбѣжалъ на лѣстницу.

Дилижансъ дѣйствительно уже дожидался внизу, передъ площадкою отели; около него толпилось нѣсколько *R.*'скихъ пансіонеровъ, въ томъ числѣ Змѣинъ, Броннъ, Наденька и мать послѣдней. Бросивъ чемоданъ къ остальной поклажѣ на имперіалъ дилижанса, Ластовъ взялъ подъ руку корпорента и отвелъ его въ сторону:

— У меня, другъ мой, есть къ тебѣ небольшое порученіе; исполнишь?

— Вопросъ! Само собою. Въ чемъ дѣло?

Ластовъ досталъ свое посланіе къ Наденькѣ.

— Какъ мы отъѣдемъ, такъ передай пожалуйста младшей Липецкой, да чтобы никто не видѣлъ.

— А, а! Хвалю. Но мнѣ полюбопытствовать можно?

— Нѣтъ, и тебѣ нельзя. Мы отправляемся теперь на женевское озеро, а тамъ въ благословенный край,

Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разраслись.

Такъ еслибы пришлось почему-либо писать, ты можешь адресовать въ Неаполь.

— Да что-жъ это тебя такъ баснословно ѣхать приспичило? А! понимаю:

Vor der Liebe ein Jüngling lief,
Glaubte, sie wäre hinter ihm,
Doch sie sass ihm im Herzen tief.*)

Напрасныя старанья: не убѣжишь.

— Увидимъ! Ну, прощай.

Они поцѣловались побратски. Затѣмъ Ластовъ подошелъ къ дамамъ. Наденька держалась конвульсивно за руку матери, какъ-бы ища опоры. Послѣдняя кровинка исчезла изъ цвѣтущаго лица ея. Когда Ластовъ подалъ ей на прощанье руку, то почувствовалъ, какъ пальцы ея, горячіе и влажные, дрожали въ его рукѣ.

---

*) Отъ любви ли юноша бѣжалъ,
Думалъ, что злодѣйка позади,
А она засѣла глубоко въ груди.

— Прощайте, Надежда Николавна.

— Прощайте . . .

Болѣе не сказалъ ни одинъ изъ нихъ. Но въ глазахъ ея, устремленныхъ на него какъ-то грустно-вопросительно, онъ прочелъ нѣмой вопросъ:

— Что же стихи? вѣдь это нехорошо . . .

— А что карточка? спросилъ онъ вслухъ.

Наденька покачала отрицательно головой. Хотѣлъ онъ справиться, что̀ значитъ это отрицаніе: неудачу въ похищеніи карточки, или нежеланіе дать ее? Но тутъ подъ дверьми дома появилась Мари. Ластовъ вспыхнулъ и, коротко раскланявшись съ дамами, прыгнулъ въ дилижансъ.

— Adieux!

— Ade!

— Прощайте-съ!

Лошади тронули, громоздкій экипажъ загремѣлъ по мостовой.

При поворотѣ на мостикъ черезъ Ааръ, Ластовъ еще разъ выглянулъ изъ задняго окошка. Сквозь желтые столбы пыли, поднятые колесами, различилъ онъ въ отдаленіи живую картину: группа пансіонеровъ глядѣла съ площадки передъ отелью вслѣдъ отъѣзжающимъ; впереди стояли мать и дочь Липецкія и Мари. Вдругъ Наденька бросилась на шею къ молодой швей-

царкѣ, толпа обступила ихъ... Экипажъ повернулъ за уголъ.

Ластовъ откинулся назадъ и пожалъ съ чувствомъ руку сидѣвшему возлѣ него другу. Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Что съ тобой?

— Заварилъ я кашу...

Кому-жъ-то придется ее расхлебать!

Какая сладость иногда въ грусти! Просто, хоть сахаръ вари.

— А по мнѣ такъ она какъ есть полынная настойка: и горька, и шеломитъ.

— Такъ и ты того?...

Змѣинъ хмуро отвернулся, но Ластовъ очень хорошо понялъ, что это значитъ:

— Да, и я того — дуракъ набитый!

Утро, какъ мы уже замѣтили, было высшаго достоинства: съ голубымъ небомъ и солнечнымъ блескомъ. Но доброкачественность погоды въ минуту разлуки едва ли еще не усиливаетъ тоски. Все милое, покидаемое нами, представляется въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ, и тѣмъ больнѣе намъ оставить его. Неподвижно, безмолвно стояли наши два пріятеля на кормѣ парохода, уносившаго ихъ отъ унтерзеенской пристани къ Туну. Все далѣе уходили знакомые берега, изъ-

за темныхъ гребней которыхъ посылали путникамъ послѣдній привѣтъ свой бѣлоснѣжныя главы Юнгфрау, Мёнха, Эйгера... Одна за другой исчезали свѣтлыя вершины. Такъ гаснутъ яркія звѣзды волшебной лѣтней ночи, такъ потухаютъ безвозвратно звѣзды счастія...

— Прости, прости, мой край родной!
Ужъ скрылся ты въ волнахъ...

пѣлъ тихій голосъ на кормѣ судна.

— Kellner! громко раздался тамъ же другой голосъ: — Zwei Flaschen Liebfrauenmilch!

XXV.

Заключеніе.

Недѣли двѣ спустя, Ластовъ, прибывъ съ Змѣинымъ въ Неаполь, нашелъ тамъ слѣдующее письмо на свое имя.

„Интерлакенъ, 24 іюля.

„Amice carissime!

„Я извѣстился отъ Бронна (подлецъ онъ, отъявленный... но объ немъ рѣчь впереди), что ты намѣренъ пробыть нѣкоторое время въ Неаполѣ, поэтому письмо мое должно застать тебя.

„Прежде всего спѣшу увѣдомить тебя, что я женихъ... Вижу, какъ ты блѣднѣешь, какъ письмо дрожитъ въ рукахъ твоихъ; но не пугайся, другъ мой: женихъ я не Наденьки, а Мирочки. Самъ не знаю, какъ это сдѣлалось. Не думалъ, не гадалъ, а вдругъ оказался женихомъ. Et d'une manière si commune! Сначала даже досадно было. Но теперь свыкся съ своей долей, въ особенности, когда узналъ, что беру приданаго до 20 тысячъ.

„Случилось оно такъ. Послѣдніе дни мы съ Мирочкой были все больше одни: то я отыскивалъ ее, то она меня. Entre quatre yeux она позволяла мнѣ даже цѣловать ей ручку, а ручка у нея — sapristi! маленькая, полненькая, съ ямочками; и — что очень важно — sans deuil; такъ вотъ и просится на поцѣлуи! Да что ручка! еслибы ты видѣлъ ея ножку: coude-pied... Но это — статья тебя некасающаяся.

„Итакъ, сидимъ мы съ нею въ бесѣдкѣ и прочитываемъ tour à tour *La Gaillarde* Поль-де-Кока (премиленькій романчикъ!), одинъ читаетъ — другая слушаетъ, другая читаетъ — одинъ слушаетъ, и наоборотъ, въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній. Тутъ замѣчаетъ она на рукѣ моей перстень.

„— Ахъ, говоритъ, какой хорошенькій!

„И давай снимать его. А ручёнки у нея, какъ выше объяснено, nec plus ultra, и какъ взялась она

ими, мягкими, теплыми, за мою, такъ просто не знаю, что со мною сдѣлалось! Романъ ли Поль-де-Кока растрогалъ или что другое — только словно электрическій токъ (а можетъ быть, и гальваническій? кто его знаетъ) пробѣжалъ по всѣмъ моимъ суставамъ; я не выдержалъ, обнялъ милашку и влѣпилъ ей наисмачнѣйшую безешку. Она не протестовала; но, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ, продолжала снимать у меня перстень и, снявъ его, стала примѣрять его на всѣ пальцы. Понятно, что онъ былъ ей великъ. Тогда она продѣла въ него два пальца, и смѣется:

„— Вотъ видите ли, и мнѣ въ пору!

„А меня точно бѣсъ какой толкнулъ:

„— А что, говорю, еслибы я попросилъ васъ оставить его себѣ?

„Она опустила глазки.

„— Переговорите съ тётенькой; она моя опекунша . . .

„Я чуть не провалился сквозь землю, въ Америку. Imbécile! самъ того не зная, сдѣлалъ предложеніе. Но que faire? Благородному человѣку нельзя отступиться отъ даннаго разъ слова, сконфузить ее тоже не хотѣлось — скрѣпя сердце, отправился я къ опекуншѣ, ну и, само собою, получилъ полное согласіе...

„Но обратимся къ другой статьѣ, тебя, безъ сомнѣнія, болѣе интересующей. Я не присутствовалъ

при вашемъ отъѣздѣ (вольно же ѣхать въ такую неслыханную рань!), но слухомъ земля полнится: разсказывали мнѣ съ разныхъ сторонъ о трогательной прощальной сценѣ, какъ вы съ Наденькой, пожимая другъ другу въ послѣдній разъ руку, чуть не расплакались, какъ потомъ ты пересилилъ себя, оторвался отъ нея и бросился въ дилижансъ, какъ съ нею сдѣлалось дурно, и она чуть не растянулась передъ всей честной компаніей, какъ, наконецъ, мать потащила ее, рабу Божію, въ свои внутренніе апартаменты и задала ей тамъ капитальную головомойку. Все кончилось бы еще благополучно, еслибъ не твоя стихоманія; накуралесила твоя Муза! нечего сказать. Ты обѣщался, говорятъ, написать Наденькѣ стишки и отдалъ ихъ при отъѣздѣ твоему другу-корпоренту, а тотъ, испугавшись эфекта, произведеннаго уже твоимъ отъѣздомъ, передалъ ихъ матери. Mon Dieu! что тутъ за драма разыгралась! Мы съ Мирочкой подслушали все изъ сосѣдней комнаты.

„— Ты, говоритъ, такая-сякая, связываешься со всякой шушерой, у которой и гроша въ карманѣ нѣтъ; другое дѣло, еслибы то былъ Куницынъ...

„Ея собственныя слова, милый мой, не обижайся.

„Но и Наденька твоя не промахъ; разгорячилась не меньше матери.

„— Вы, говоритъ, не смѣете не отдать мнѣ стиховъ: они для меня написаны, они мои...

„И пошла, пошла. Но, понятно, солома силы не ломитъ: мать торжественно разорвала ихъ, такъ что ты собственно для нея одной и писалъ ихъ — никто другой не читалъ ихъ. Hélas! и смѣшно, и грустно; du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas, сказалъ Наполеонъ. Ты, однако, когда-нибудь дай мнѣ прочесть свое посланьице — должно быть, препикантное.

„Три дня Наденька глазъ не показывала, а какъ показалась — Господи ты Боже мой! что сталось съ этой розовой, цвѣтущей дѣвушкой! Похудѣла, точно всѣ эти три дни маковой росинки въ ротъ не брала, и такая блѣдная, жёлтая... То ли дѣло моя Мирочка! Но не сердись, извини пожалуйста; лучше не сравнивать ихъ; послѣ самъ отдашь честь моему вкусу. A propos de bottes: твой дерптецъ, какъ выше сказано, подлецъ изъ подлецовъ: чуть ты уѣхалъ, чуть Наденька вышла опять изъ затворничества (ужъ не мать ли посадила ее на хлѣбъ и на воду?), какъ онъ пріударилъ за ней, и хотя нельзя сказать, чтобы она замѣтно благоволила къ нему, однако онъ рёсировалъ уже на столько, что она улыбается его плоскимъ остротамъ. Но успокойся; доказательствомъ тому, что она еще не совсѣмъ утратила о тебѣ память, можетъ служить прилагаемая карточка ея:

„— Сдержалъ, молъ, слово.

„— Какое? спросилъ я: — написалъ стихи?

„Она замялась, покраснѣла. Я очень тонко при этомъ подтрунилъ надъ нею; она какъ-то прежде отозвалась, что любовь — нелѣпость, что законна только разумная привязанность, вслѣдствіе многолѣтняго знакомства.

„— Такъ-то-съ, сказалъ я ей, — вы питаете къ Ластову разумную, многолѣтнюю привязанность?

„Она сильно обидѣлась; но это показываетъ только, что я попалъ не въ бровь, а въ глазъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю.

„Могу разсказать тебѣ еще одну новость, хотя уже болѣе грустнаго свойства. Ты, конечно, замѣтилъ тутъ смазливую, черномазую горничную, Мари? До Липецкихъ я, faute de mieux, вздумалъ приволокнуться за ней, и хотя она играла сначала неприступную, но я увѣренъ, что достигъ бы желанной пристани, еслибъ не Наденька, а за ней Мирочка. Вдругъ вчера дѣлается съ нею нервная лихорадка; бредитъ, опасаются даже за ея жизнь... А вѣдь, чего добраго, во всемъ виноватъ я? Нѣмки эти вѣдь сентиментальны до-нельзя, я ее поцѣловалъ какъ-то въ коридорѣ, увѣрялъ въ страстной любви, ну, она вѣроятно и возмечтала; а какъ узнала, что я присватался къ Мирочкѣ, такъ съ отчаянья... Очень можетъ

быть! меня даже грызетъ немножко совѣсть; но кто-жъ виноватъ въ томъ? неужели мужчина, который съумѣлъ плѣнить глупенькую? На то силачу и сила, чтобы упражнять ее; и могу тебѣ сказать по секрету, что мнѣ даже ни мало непріятно, что и здѣсь, при такихъ небольшихъ стараніяхъ съ моей стороны, успѣлъ вскружить дѣвушкѣ голову не на животъ, а на смерть: видишь — весь прекрасный полъ отдаетъ тебѣ должный трибутъ.

„Но есть всему конецъ на свѣтѣ,
И даже выспреннимъ мечтамъ —

„И письмамъ. Отвѣтъ ты можешь адресовать мнѣ въ Парижъ, poste restante; я увѣрилъ Липецкихъ, что и тамъ можно получить сыворотки, да еще лучше здѣшнихъ; ха, ха, ха! вѣроятно же можно? На дняхъ мы отправляемся въ дорогу. Радуюсь напередъ удовольствіямъ, которыя доставлю тамъ своей душкѣ-невѣстѣ. Цѣлую тебя заочно.

„Твой С. Куницынъ.

„P. S. Когда я за обѣдомъ упомянулъ, что пишу къ тебѣ, Лиза просила передать твоему пріятелю Змѣину, что симпатическое средство его противъ зубной боли наконецъ помогло ей, и чтобы онъ не забывалъ 6-го іюля будущаго года.

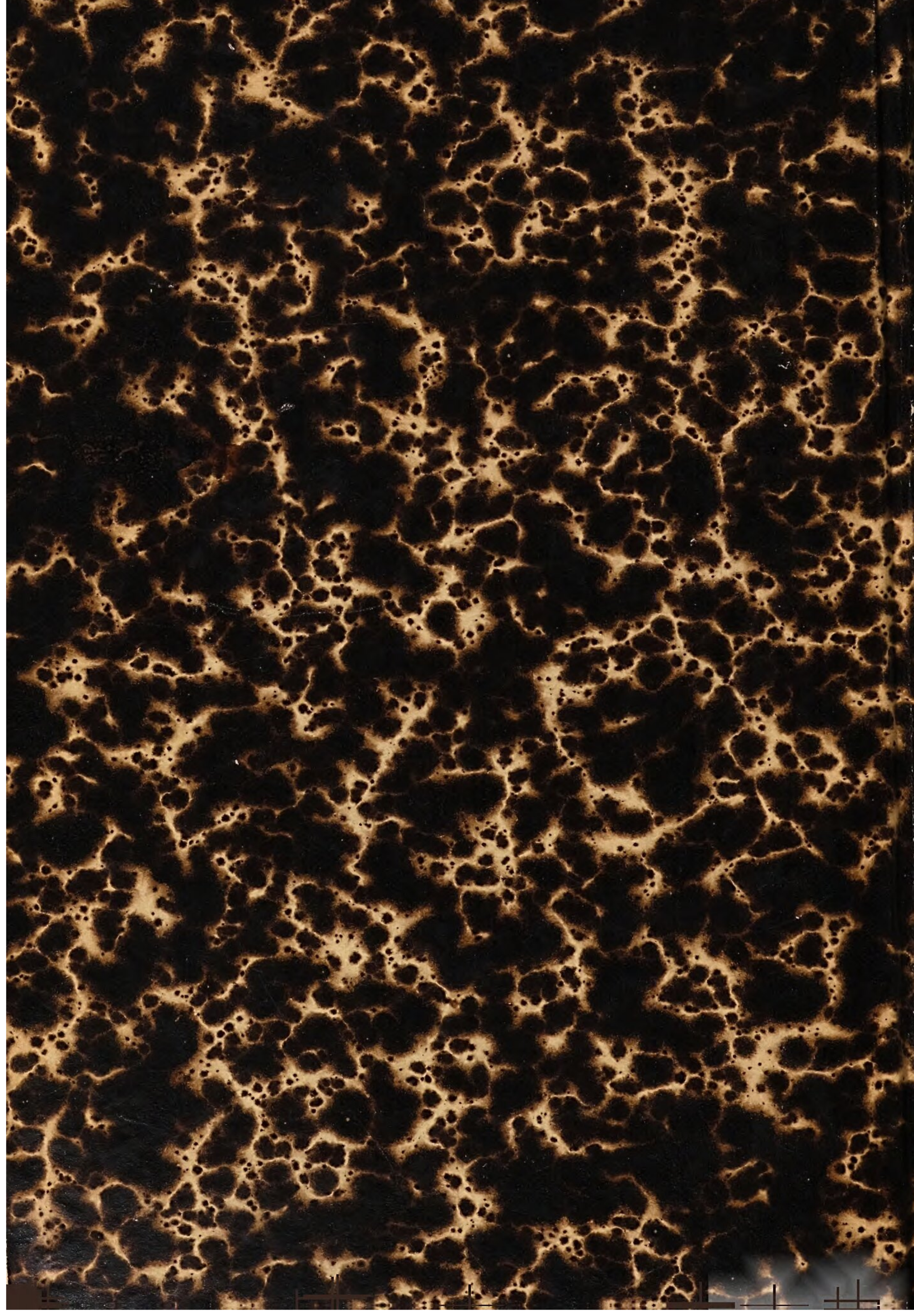
„— Что такое 6-го іюля? говорю.

„— Змѣинъ, говоритъ, пойметъ.

„Ну, а коли пойметъ, такъ и хорошо. Я не изъ любопытныхъ. Addio, carissime.“

1863—1864.

Печатано въ типографіи Альберта Левента въ Берлинѣ.



BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Avenarius, Vasilij P.,

Brodjaščija sily Dvě pověsti

Bd.: 1

Berlin 1874

Bamberg, Staatsbibliothek -- L.g.o.87-as
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11719952-5